ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ABRAHAM, JUNG, JONES, TAUSK, FERENCZI,
BEAURAIN, NEPALLEK, СОКОЛЬНИЦКАЯ

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА

Перевод д-ра В. А. БЕЛОУСОВА
Предисловие проф. И. Д. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Психологическая и психоаналитическая библиотека.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Вып. I. **S. Freud.** Лекции по введению в психоанализ. Том I. (второе изд.). Ц. 1 р. (распр.).
Вып. II. **S. Freud.** Лекции по введению в психоанализ. Том II. Ц. 1 р. 30 к. (распр.).
Вып. III. **S. Freud.** Основные психологические теории в психоанализе. Ц. 1 р. 25 к.
Вып. IV. **S. Freud.** Методика и техника психоанализа. Ц. 75 к.
Вып. V. **S. Freud, Jones. Hattinberg, Sadger.** Психоанализ и учение о характерах. Ц. 1 р.
Вып. VI. **S. Freud.** Тотем и табу. Ц. 1 р. 75 к.
Вып. VIII. **S. Freud.** Очерки по психологии сексуальности. Ц. 1 р. 20 к.
Вып. XIV. **Ив. Ермаков.** Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. Ц. 1 р. 25 к.
Вып. XVI. **Ив. Ермаков.** Очерки по психологии творчества Н. В. Гоголя. Ц. 2 р. 25 к.
Вып. XVIII. **Green.** Психоанализ в школе.

ГОТОВЯТСЯ И ПЕЧАТАЮТСЯ:

Вып. VII. **Jung.** Психологические типы.
Вып. IX. **S. Freud.** Толкование сновидений.
Вып. X. **S. Freud.** Психоанализ слова и символика.
Вып. XI. Психоанализ детского возраста. (Сборник).
Вып. XII. **Ив. Ермаков.** Гипнотизм.
Вып. XIII. **M. Klein.** История развития одного ребенка.
Вып. XV. **Ив. Ермаков.** Органичность и выразительность в картине.
Вып. XVII. **S. Freud.** Воспоминание детства Леонардо да Винчи.
Вып. XIX. **Hug Helmuth.** Психическая жизнь ребенка.
Вып. XX. **Jones.** Неврозы и их лечение.
Вып. XXI. **Reik.** Проблема религии.
Вып. XXII **S. Freud.** Градива.
Вып. XXIII. **S. Freud.** Психоанализ детских неврозов.
Вып. XXIV. **S. Freud.** Остроумие и его отношение к бессознательному.
Вып. XXV. **Mac Dougall.** Психология, как учение о поведении.
Вып. XXVI. **S. Freud.** Психология масс и анализ личности.
Вып. XXVII. **E. Bleuler.** Естественная история развития психики.
Вып. XXVIII. **Ив. Ермаков.** Анализ „Мертвых душ“ Гоголя.
Вып. XXIX. **H. Ingenieros.** Принципы биологической психологии.
Вып. XXX. Сборник работ Детского Дома „Международная Солидарность“ лаборатории Госуд. Психоаналитического Института.
Вып. XXXI. **Wilfrid Lay.** Бессознательное в душе ребенка (психоанализ и воспитание).
Вып. XXXII. **White.** Основы психиатрии.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ и ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
под редакцией профессора И. Д. ЕРМАКОВА
Вып. XI

ABRAHAM, JUNG, JONES, TAUSK, FERENCZI,
BEAURAIN, NEPALLEK, СОКОЛЬНИЦКАЯ

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА

перев. д-ра В. А. БЕЛОУСОВА,
предислов. проф. Ив. Дм. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. № 5875. Главлит. № 22247. Москва. Напеч. 3.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Со времени опубликования знаменитой и вызвавшей сильные протесты книги *Фрейда* ((Freud) «Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben» (будет напечатана в одном из следующих выпусков) и книги *Гуг-Гельмута* (Hug-Hellmuth) «Aus dem Seelenleben des Kindes» (переводится), «дискредитировавших», по словам критики, «ребеночка», такого чистого и непорочного в теории и отличающегося целым рядом таких проявлений, которые испуганные наблюдатели, видящие в ребенке не то, что он представляет, а что они ему «вчувствуют» и хотели бы видеть, рассматривают, как проявления «болезненные», появилась громадная литература по психологии детства.

Особенностью психоаналитической литературы является то, что она рассматривает в ребенке и изучает у него такие проявления, которые до сих пор проходили мимо наблюдателя как неприятные, раздражающие и «неуместные». Действительно, много ли в классической литературе о детях мы встретим наблюдений, относящихся к такому важному вопросу, как интерес ребенка к собственному телу, к его выделениям, к его сексуальным инстинктам, к тому, как относится он к своим родителям и т. п. Короче говоря, громадная область процессов, с которой, как удалось показать психоанализу, теснейшим образом связана возможность психического развития ребенка, игнорировалась из чисто эстетических соображений взрослых. Даже такой исследователь, как *Кершенштейнер* (Kerschensteiner), нашел неудобным выпустить в свет детские рисунки, не подвергши их самой строгой цензуре и выбросив или уничтожив в них все, что касалось изображения половых органов и продуктов выделения у ребенка. Как будто бы существуют дети, у которых этот интерес в той или иной форме не находил бы своего выражения в их рисунках!

Книги о детях пишутся для взрослых, для того чтобы взрослые могли дать себе отчет в том, что происходит в душе ребенка, как воспринимает он окружающий мир, что интересует, притягивает его в нем. Утаивание явлений, относящихся к этой области, утаивание, удовлетворяющее вкусы взрослых, которые в своем развитии успели освободиться и осудить то, что они в детстве ценили не меньше, чем их дети, говорит о тенденциозности и лицемерии. Если многое из того, что кажется взрослому стыдным и отвратительным — желательно и приятно ребенку, то наша задача познакомиться и понять все это безо всякого отвращения, тем более, что отвращение мало дает возможности что-нибудь узнать.

Анализ, произведенный у взрослых, позволяет нам нередко заглянуть в отдаленное детство человека и познакомиться с такими данными интимной жизни его, о которых ничего не знали окружавшие. Но на подобные ретроспективные обнаружения когда-то бывших переживаний можно, пожалуй, возразить, что анализируемый мог сконструировать подобное воспоминание и даже тенденциозно его истолковать, так как он находился под влиянием образа мыслей психоаналитика. Однако и такое возражение, сколь ни основательным кажется оно на первый взгляд, сплошь и рядом опровергается тем, что в иных случаях удается воскресить и доказать наличность воспоминаний не только у самого анализируемого, но и у родителей или близких, если только они были осведомлены и интересовались тем, что переживает ребенок. Впрочем, воспоминания, как это известно, так легко подвергаются различным искажениям и своеобразному толкованию, что если бы все данные анализа покоились только на них, то все то, что он показывает нам, вызывало бы вполне законные подозрения и сомнения. Эти сомнения и заставили обратиться непосредственно к наблюдениям над детьми, изучать их как раз с той стороны, с которой всего меньше изучена детская психика и искать непосредственных доказательств того, каким образом развивается и понимает ребенок то, что, как предполагали, совершенно чуждо ему и ни в какой мере для него не естественно.

Психоаналитическое изучение ребенка, будет ли оно идти путем ретроспективных анализов или непосредственного наблюдения, дает нам могучее оружие для воспитания, если только воспитание хочет считаться с реальностью и не закрывать глаза на то, чем в действительности является ребенок.

Изучение ребенка теснейшим образом связано с его воспитанием, и сознательные педагогические мероприятия в тех областях, где это требуется, должны считаться и с теми данными, которые открыты психоанализом.

То, с чем встречаешься в практической жизни и чего не найти в большинстве прежних работ о ребенке, сексуальностью у него, с этим именно и знакомит нас психоанализ, показывая, что без знакомства со всем тем, что пережил в детстве ребенок (и что так неприятно взрослому), невозможно никакое правильное и здоровое понимание его психики.

Задачей исследователя и педагога является не замалчивание, не игнорирование тех или иных сторон в развитии ребенка,— надо уметь видеть, уметь наблюдать и убедиться в том, как много может дать психоанализ в деле изучения и воспитания детей. Психоанализ борется прежде всего против того смакования и удовольствия, которое доставляет незрелым в половом смысле людям все половое; у таких людей все и вся имеет один смысл— сексуальный; такое понимание, базируясь на недоразвитии, говорит о преобладании символического мышления над критическим, о преобладании принципа удовольствия над принципом реальности.

Не то же самое ли делает ребенок, который в силу своей неразвитости, обусловленной возрастом, подходит к действительности основываясь на удовольствии и неудовольствии. Ребенок ограничен той стадией развития, в которой он находится, и не может реагировать иначе, чем это ему свойственно. О том, что свойственно ребенку, а не о том, что хотелось бы усмотреть в нем взрослому, говорят психоаналитические наблюдения, подходящие к исследованию не по принципу удовольствия или неудовольствия, а по принципу реальности.

Собранные в этом томике библиотеки работы различных авторов должны восполнить пробел, существующий в русской литературе по психоанализу детского возраста. Они могут способствовать хотя бы первоначальной ориентировке в области, которая почти совершенно не освещалась в специальной литературе на русском языке. Статьи в этом томике подобраны таким образом, чтобы читатель мог получить материал, наиболее четко и ярко освещающий вопросы, которые имеют большое значение для каждого педагога и исследователя детского возраста. Работа *К. Абрагама* (K. Abraham), одного из серьезных и известных

исследователей в области психоанализа, знакомит нас, и очень подробно, с теми проявлениями прегенитальной стадии развития либидо, которые являются типичными в раннем возрасте и нередко продолжают иметь большое значение в дальнейшей жизни человека.

«Конфликты детской души» *Юнга* (C. G. Jung). Классическое исследование в этой области относится еще к тому периоду работ швейцарского ученого, когда он не руководствовался в своей научной деятельности моментами мистическими, столь чуждыми и неуместными и мешающими об'ективному изучению.

«Значение отца в судьбе отдельного человека» того же автора, как и предыдущее исследование,—одна из ценнейших работ по этому вопросу. Работа председателя международного психоаналитического общества *Джонса* (E. Jones) о «Значении деда в судьбе отдельного человека» является дополнением к работе *Юнга*. Исследование рано погибшего талантливого психоаналитика *Тауска* (V. Tausk) «К психологии детской сексуальности» знакомит нас с психоаналитическими занятиями с детьми. Полна глубокого интереса работа другого талантливейшего из психоаналитиков *С. Ференци* (S. Ferenczi)—«Маленький петушатник», знакомящая нас с психическими процессами у маленького Арпада, у которого так много общего с ребенком, описанным *Фрейдом*. Следующие работы *Борэна* (Beaurain), *Сокольницкой* и *Нэпаллека* (Nepallek), особенно первая, знакомят нас со своеобразием мышления у ребенка и представляют большой интерес в смысле психоаналитическом.

Настоящий томик библиотеки, как я сказал, является первой попыткой познакомить с психоанализом детского возраста тех педагогов и педологов, которые, не владея немецким языком или не имея возможности пользоваться специальной психоаналитической литературой, имеющейся у нас в очень ограниченном количестве, хотели бы восполнить этот пробел в своих знаниях. Выпуск такого томика является тем более настоятельно необходимым, что в целом ряде специальных педагогических журналов от времени до времени появляются обзоры, знакомящие педагогов с результатами психоаналитической работы. Но психоанализ нельзя изучать ни по обзорам, ни по отдельным работам, как бы обстоятельны и подробны они ни были, с психоанализом, который

не представляет собой ни кабинетного, ни лабораторного знания, знакомятся на практике, в гуще жизни, в обществе детей, при самом близком педагогическом контакте с ними.

Такой контакт одинаково необходим как для успешного «довоспитания» больного невротика, так и для здорового, правильного воспитания ребенка. Психоанализ требует только наблюдений и только одного стремления — осознать, понять психическую действительность. Но для того чтобы наблюдения имели бы объективную ценность и для того, чтобы резкие аффективные состояния не мешали бы и не искажали того, что наблюдаешь, необходимо принимать во внимание не то, что хотелось бы увидеть и в чем желательно убедиться (о таком «всемогуществе мыслей» можно найти немало поучительного в психоаналитической литературе), а то, что представляет собой реальность.

Ив. Ермаков.

ИССЛЕДОВАНИЯ О САМОЙ РАННЕЙ ПРЕГЕНИТАЛЬНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЛИБИДО.

Д-р Карл Абрагам (Karl Abraham).

«Три исследования к вопросу о теории сексуальности» появились впервые в 1905 году: в них *Фрейд* (Freud) дал синтетическое изложение своих взглядов по вопросу о сексуальности в детском возрасте, и это изложение мы и в настоящее время вправе считать краеугольным. Но в самое последнее время взгляды эти несколько расширились и дополнились, о чем свидетельствует и вышедшее недавно третье издание названной работы.

Завоевания психоаналитического опыта вынуждают нас допустить существование известных стадий в ранних фазах развития детского либидо. В них еще не отведено первенствующего места половым органам, поэтому *Фрейд* называет их «прегенитальными организациями» либидо.

В последующем изложении мы займемся самой ранней из этих принимаемых нами стадий развития. Изложение наше основывается на богатом эмпирическом материале, а материал этот собран исключительно в прежние времена, задолго до теоретической установки вышеупомянутых стадий развития. При собирании материала, следовательно, не играло роли какое-либо предвзятое мнение в смысле теории о прегенитальных организациях. Подчеркнуть это я считаю все-таки нелишним, так как всякий шаг в разработке теории сексуальности способен, повидимому, порождать те же возражения, какие раздались и при первом появлении «Трех исследований».

Я не могу, однако, излагать свои наблюдения и выводы, из них вытекающие, не бросив взгляда на те основы, на которых возникло учение о прегенитальных стадиях в развитии либидо.

Описывая самые ранние явления детской половой жизни, *Фрейд* мог сослаться на одного свидетеля, задолго до него поработавшего в этой области и сумевшего притти к весьма новым и смелым и в то же время убедительным выводам. Эту важную предварительную работу произвел *Линднер* (Lindner), опубликовавший в 1879 г. этюд о сосании у ребенка. Либидинозный характер этого процесса не ускользнул от только что упомянутого автора; он обратил внимание на интенсивность, с которой предаются дети сосанию, как оно поглощает все их внимание, несмотря на то, что оно вовсе не служит целям насыщения. *Линднер* подметил, кроме того, существование возбуждения, связанного с сосанием: возбуждение это возрастает до степени своего рода оргазма, а засыпание ребенка после этого процесса он расценил как результат достигнутого удовлетворния. Затем он подчеркнул и явления влечения к хватанию («Greiftrieb»), которые сочетаются с сосанием, и установил всю постепенность перехода от сосания к мастурбации, процессу, уже вне всякого сомнения сексуальному.

Фрейд примкнул к воззрениям *Линднера*. В детской сексуальности он нашел, кроме того, ряд особенностей, которые весьма явственно видны как раз на том же примере все того же примитивного инстинктивного проявления: на примере сосания. Во-первых: влечение направлено не на другой объект, но действует автоэротически. Во-вторых: примитивнейшее сексуальное проявление не представляет собой явления самостоятельного; оно опирается на функцию, играющую роль в поддержании жизни — всасывание пищи — оно, в сущности говоря, репродукция приятного раздражения, с которым ребенок познакомился при сосании пищи. В-третьих: достижение удовольствия связано с «эрогенной зоной», со слизистой оболочкой губ. Удовлетворение потребности в пище и удовлетворение эрогенной зоны неотделимы друг от друга в своих истоках, в начальных моментах своего существования. Слизистая оболочка губ должна, впрочем, обладать различной по степени эрогенностью, колеблющейся у разных детей, так как склонность к сосанию очень варьирует по своей интенсивности.

Фрейд приписал подобную же двойную функцию не только входному отверстию кишечного канала, но и выходному.

И это последнее отверстие в детском возрасте служит не одному только выделению, но выполняет также определенную роль

в детской сексуальности и является эрогенной зоной. Ребенок старается вновь и вновь испытать те раздражения и ощущения, которые необходимым образом связаны с процессом опорожнения кишечника; ребенок может даже усиливать эти раздражения, задерживая содержимое кишечника. Следует принять во внимание, что эрогенность анальной зоны индивидуально колеблется, подобно эрогенности зоны губ. Произвольное повышение побочного удовольствия при дефекации является совершенно так же как и сосание, вполне равнозначным генитальной мастурбации, ибо представляет собой раздражение эрогенной зоны; генитальная же мастурбация характерна уже для самого раннего детского возраста.

На-ряду с этими автоэротическими явлениями раннего детства, *Фрейд* описал также и некоторые компоненты влечения, которым приходится иметь дело уже с другими лицами в качестве сексуальных объектов. (Любовь к разглядыванию и к показыванию, активный и пассивный компоненты жестокости.) Эти «парциальные влечения» вначале еще не организованы в прочное единство, действуют самостоятельно и стремятся каждое само по себе к достижению наслаждения. И только позже эти эрогенные зоны и парциальные влечения подчиняются примату генитальной зоны; теперь сексуальность начинает служить делу продолжения рода, и вся эволюция приходит таким образом к своему нормальному завершению.

И вот совсем недавно *Фрейд* дал этим стадиям развития либидо, которые предваряют установление примата генитальной зоны, уже упомянутое нами в начале нашей статьи обозначение: он назвал эти стадии «прегенитальными». Дело идет здесь о предварительных или подготовительных стадиях будущей, «нормальной» сексуальности; эти стадии либидо ребенка проходят, как правило, таким образом, что окружающие даже и не замечают происходящих изменений. Но те же самые процессы, которые при нормальных условиях не привлекают никакого особого внимания, в патологических случаях «активируются и становятся заметными и для грубого наблюдения» (*Фрейд*).

Психоанализ неврозов до сих пор дал нам возможность сделать заключение о существовании двух прегенитальных организаций; самая ранняя—о р а л ь н а я организация (ротовая); ее можно назвать иначе, добавляет *Фрейд*, также и к а н н и б а л ь с к о й. Как уже было указано выше, в этой стадии

сексуальная деятельность еще не отделена от приема пищи. «Объект одной из этих деятельностей в то же время и объект другой, сексуальная цель состоит в включении объекта в свое тело, в приеме его внутрь себя» (стр. 60). Тут *Фрейд* делает замечание, очень важное для понимания сосания: «Сосание можно рассматривать, как остаток этой воображаемой фазы организации (к признанию существования каковой мы вынуждены данными патологии): сексуальная деятельность, отделенная уже в данном случае от деятельности питания, отказалась от постороннего объекта в пользу объекта, являющегося частью своего же собственного тела».

Еще одна дальнейшая форма прегенитальной организации была разгадана с помощью психоанализа невроза навязчивости («Zwangsneurose»). Вот слова *Фрейда* о ней. Вторая прегенитальная фаза это фаза садически-анальной организации. Здесь уже вполне выражена противоположность, пронизывающая всю сексуальную жизнь; но противоположность эту в данном случае нельзя назвать противоположностью мужского и женского: она должна быть названа противоположностью активности и пассивности. Активность создается за счет влечения к овладению (Bemächtigungstrieb) и к господству и представляется мускулатурой тела; в качестве же органа с пассивной сексуальной целью прежде всего заявляет о себе эрогенная слизистая оболочка кишечного канала. Оба эти стремления имеют свои объекты, однако, объекты эти не совпадают. На-ряду с этим другие парциальные влечения проявляют также свою деятельность, но их деятельность носит автоэротический характер. В этой фазе уже существуют и сексуальная полярность и другой объект. Но отсутствуют еще организация и подчинение функции продолжения рода.

Этих данных вполне достаточно для общих контуров современного состояния теории сексуальности, поскольку это нужно для нашей темы. Что касается садически-анальной организации, то в психоаналитической литературе уже существуют специальные работы, посвященные тем наблюдениям, которые повели к установке понятия об этой фазе—особенного внимания заслуживают сообщения *Джонса* (Jones) на эту тему; но самая ранняя «оральная» ступень развития продолжает оставаться менее изученной и ждет более подробного исследования.

Допустить ее существование нас, по выражению *Фрейда*, заставила патология. Этими словами уже почти сказано, что дело идет о таком процессе развития, который мало доступен для прямого наблюдения. Ребенок в этом раннем периоде еще не в состоянии помочь нам разобраться в том, что происходит в его влечениях, в его инстинктивной жизни. И при нормальных условиях эта эволюция идет в детстве так спокойно, что большей частью нельзя отметить никаких резких явлений, указывающих наблюдателю, что происходят какие-то изменения. Впоследствии же, когда вступило в силу вытеснение, индивидуум, конечно, по природе вещей уже совершенно не в состоянии сообщить какие-либо сведения об этих самых ранних событиях в своей жизни.

Но данные нормальной эротики показывают определенно, что рот ничуть не теряет своего значения в качестве эрогенной зоны. Еще больше дает изучение половых извращений: рот может всецело принимать на себя роль сексуального органа—роль гениталий. И еще дальше: психоанализ неврозов показывает, что очень часто рот теряет свое значение эрогенной зоны только для сознания, но в бессознательном значении это сохраняется и дает знать о себе сознанию с помощью тех заменяющих образований (суррогатов, «E r s a t z b i l d u n g e n»), которые известны нам в качестве невротических симптомов. И мы обязаны психоанализу нашим знанием о том, что на эти явления мы должны смотреть как на и н ф а н т и л и з м ы. Явления эти частью можно объяснить как результаты продолжающегося существования инфантильных влечений, существующих, однако, в сфере бессознательного; частью же они выражение наступавшего в дальнейшем возврата к таким стадиям развития либидо, которые уже были преодолены данным индивидуумом. И как раз в связи с теми явлениями, что разыгрываются на зоне рта, *Фрейд* еще в 1905 году высказался в том смысле, что эти вытесненные инфантилизмы могут стать совершенно неузнаваемыми благодаря разнообразным модификациям и могут даже принимать совершенно противоположный первоначальному вид, подвергаясь значительному искажению. Напр.: невротики, у которых первоначально была особенно резко выражена эрогенность зоны рта (проявлявшаяся, напр., в сосании, которому они предавались целыми годами), в дальнейшем, в более зрелом возрасте часто страдают нервной рвотой. Очень возможно, что все эти наблюдения дают нам полное право делать выводы о существовании в прошлом ранней

«оральной» стадии в развитии либидо, но они все-таки не дают нам никакой наглядной картины, никакого непосредственного представления об этом архаическом состоянии, от которого столь далеко отошла инстинктивная жизнь нормального взрослого человека. В дальнейшем изложении я хотел бы поэтому обратить внимание на ряд явлений психопатологического характера, каковые явления до сих пор были или почти неизвестны или же во всяком случае не обратили на себя должного внимания. Явления эти показывают, что и у взрослого человека встречается иногда совершенно определенное и положительное удерживание тех форм инстинктивной жизни, которые свойственны грудному младенцу; по этим явлениям мы видим, что либидо таких субъектов дает нам такую картину, которая до мельчайших деталей соответствует той оральной или каннибальской стадии развития, существование которой допускает *Фрейд*. Я расскажу в дальнейшем, поскольку это будет интересно в смысле нашей темы, о чрезвычайно резких явлениях, наблюдавшихся мною в одном из моих случаев. Явления эти помогут пролить свет на целый ряд психопатологических феноменов, до сих пор еще не подвергнутых специальному обследованию. Наконец, мы должны будем коснуться одного вопроса, возникающего в связи с новыми работами о психогенезе невроза навязчивости. Исследования *Фрейда* [1]) и *Джонса* [2]) показали, что явления навязчивости возникают вследствие отстранения от импульсов садически-анальных влечений, вследствие того, что индивидуум старается оградить себя от этих импульсов. И вот нетрудно притти к мысли, что борьба, имеющая в виду ограждение от надвигающегося возврата к оральной организации, тоже может вести к образованию совершенно определенных и типических симптомов. Правильность этого предположения, повидимому, может быть подтверждена некоторыми результатами психоаналитических исследований. И, кроме того, на основании изучения данных, касающихся наиболее ранней прегенитальной организации, следует сделать попытку в двояком смысле внести новый вклад в психоаналитическую теорию: во-первых, по вопросу о возникновении психических депрессивных состояний, и во-вторых, по вопросу о «выборе невроза».

---

[1]) «Предрасположение к неврозу навязчивости»—Internat. Zeitschrift f. ärztl. Psychoanal. B. I. 1913.

[2]) «Ненависть и анальная эротика при неврозе навязчивости». Там же.

II.

Первое, о чем я буду рассказывать, относится к психоанализу случая dementiae praecocis («Schizophrenia», *Блэйлера*. [Bleuler]). Пациент этот, однако, не обнаруживал явлений общеизвестной клинической картины психоза с бредовыми идеями, галлюцинациями и т. п., а относился к той подгруппе этой болезни, которую принято называть «простой Dementia praecox («simplex»). И *Блэйлер* недавно подверг эту подгруппу отдельному обсуждению под наименованием «Schizophrenia simplex». У пациентов этой группы не наблюдается только что упомянутых грубых симптомов душевного расстройства. Зато у них отмечаются определенные ассоциативные расстройства и изменения эмоциональной жизни и влечений, и явления эти совершенно те же, что и в выраженных случаях заболевания, когда развиваются бредовые идеи и т. п. Но ассоциативная деятельность этих пациентов все-таки еще в такой мере упорядочена, что их можно подвергнуть психоанализу с тем же успехом, как и любого невротика. Эта работа удается с ними даже легче, благодаря отпадению различных задержек. Очень многие вещи, которые у невротика вытеснены, интенсивно не допускаются в сознание и не могут быть высказаны, у этих больных, наоборот, подходят очень близко к сознанию и иногда высказываются без всякого сопротивления.

Больной мой принадлежал к семейству, в котором было уже несколько случаев тяжелой, кататонической Dementiae praecocis. Он окончил среднее учебное заведение, и интеллектуальное дарование его было отнюдь не плохим. Но в университете, где не было среднешкольной обязательности, не было палки, он совершенно не подвигался вперед. Напротив, у него стали все сильнее и сильнее развиваться некоторые особенности, которыми он выделялся из числа других и раньше, еще будучи учеником средней школы. Когда он начал лечиться у меня, то поведение его во многих отношениях напоминало поведение глупого и дурачливого ребенка. Ничто не вызывало в нем серьезного интереса: ни его университетская специальность, ни какие-либо явления внешнего мира.

Он развлекался, самое большее, всякого рода пустячками и внешними явлениями, но внимание его фактически резко нарцистическим образом устремлялось на его собственное «я». Его,

напр., могла очень долго и очень сильно занимать какая-нибудь игра слов, какие-нибудь незначительные выдумки.

Но собственное тело привлекало его интерес больше, чем все остальное. Генитальные и анальные ощущения имели для него величайшее значение. Он предавался, впрочем, не только генитальной мастурбации, но и анальной. В годы полового созревания он развлекался, играя своим калом, да и в дальнейшем он много внимания уделял своим выделениям; так, напр., он находил удовольствие поглощать свое собственное семя. Но совершенно исключительную роль играл у него, в качестве *эрогенной зоны, рот.*

Как это часто бывает в подобных случаях, наш пациент вполне отдавал себе отчет в сексуальном характере таких явлений, которые объективный наблюдатель затруднился бы, вероятно, сразу отнести к числу сексуальных. Пациент обратил мое внимание на эрогенное значение рта: однажды он вдруг рассказал мне о «поллюциях изо рта», при чем говорил он о них так, как будто это явление известное и обыкновенное.

Я стал расспрашивать его об этом подробнее, и тогда он описал следующий процесс, часто у него повторяющийся. Он просыпается ночью после какого-нибудь волнующего его сновидения и замечает, что у него изо рта течет слюна. Дальше он предался свободно своим ассоциациям и преподнес мне целую массу всяческих данных, иллюстрирующих эрогенное значение рта; я приведу лишь те из них, которые особенно показательны в этом смысле.

Пациент сообщил, что, будучи, мальчиком он долго не мог расстаться с употреблением молока в пищу. Когда он был учеником — рассказывает он — и пил молоко, то он никогда не мог напиться вдосталь. Наклонность эта есть у него и теперь, но она в некотором отношении изменилась.

Прежде, до пятнадцатилетнего возраста, он никогда не пил молока попросту из какого-нибудь сосуда — у него был особый метод всасывать молоко. Когда он пил, то он придавал особое положение языку, изгибал его кверху, прижимал его к нёбу за передними зубами и в таком положении затем всасывал молоко. Он не мог пить ни холодного, ни горячего молока: оно должно было иметь температуру тела. В этом случае он достигал того, что испытывал особенно приятное чувство. При этом, исключительно по собственной инициативе, он прибавил: «Это точно сосание груди, точно сосание грудного соска». В 15 лет он от-

учился от этой манеры сосания и начал употреблять напитки и в холодном виде.

Но влечение пить молоко вовсе еще не было преодолено; наоборот, сексуальная гипердетерминированность этого стремления в последующие годы приобрела особенно ясный характер благодаря некоторым часто повторяющимся событиям, о которых наш пациент рассказывает как о вещах само собой разумеющихся и обыкновенных. Он часто просыпается ночью с сильным половым позывом. И вот он пьет в таких случаях молоко, которое стоит у него в спальне наготове. Нередко он по ночам вставал и отправлялся на поиски молока в кухню. Если случалось, что под рукой не было молока, то он мастурбировал и тем клал конец своему половому возбуждению; а во всех остальных случаях он испытывал удовлетворение при употреблении молока. Стремление сосать молоко он и сам ощущал в себе, как глубочайшее и исконнейшее инстинктивное влечение. Генитальная же мастурбация (как она им ни владела) все же казалась ему чем то вторичным и добавочным.

В данном случае достаточно уже того, что я успел сообщить, чтобы сказать, что фактические данные красноречивы уже сами по себе. Нет места ни малейшим сомнениям в том, что сосание молока имеет сексуальное значение, что рот играет роль эрогенной зоны. Поведение же нашего пациента по ночам (по его собственному описанию), как это нетрудно усмотреть, является просто-напросто продолжением того состояния, которое у нервно расположенных детей наблюдается обычно в течение первого и второго года жизни.

Таких детей бывает чрезвычайно трудно приучить спать всю ночь без просыпу. Они просыпаются ночью, нередко даже по два раза, и дают понять криком (или, если они уже способны на это, и другими знаками), что они просят грудь матери или рожок с молоком. Если такому ребенку дают возможность пососать молока, то у него вскоре наступает состояние удовлетворенности и покоя; в противном случае ребенок создает себе сам некоторое компенсаторное удовлетворение: он раздражает себе рот, вводя в него палец, или же раздражает какую-нибудь другую эрогенную зону адекватными этой зоне мастурбаторными действиями (например, генитальную зону).

Поведение нашего пациента вполне совпадает с поведением грудного младенца. Но пациент наш—взрослый человек, и если

по его ощущению самая интенсивная форма удовлетворения это—та форма, которая носит характер поглощения или включения в свое собственное тело, то это ясно говорит за то, что его либидо претерпело сильную фиксацию на самой ранней прегенитальной стадии: оральной или каннибальской.

Сосание для нашего пациента—одновременно и метод приема пищи и метод извлечения сексуального наслаждения. Правда, первое значение сосания отступает на задний план перед вторым. Здесь мы должны вспомнить об упомянутых выше «поллюциях изо рта», как их называет наш пациент. В то время как вообще мы имеем обыкновение смотреть на слюнотечение как на признак аппетита,—у нашего пациента (у которого зона рта в такой высокой степени подчинялась сексуальности) слюнотечение было спутником сексуальных позывов, появлявшихся у него во сне. Это значит, что его либидо обнаруживало склонность к тому, чтобы находить себе отток по путям той эрогенной зоны, которая имеет преимущественное значение в самом раннем детстве. В высшей степени интересно то, что удалось выяснить с помощью психоанализа о дальнейшем развитии либидо у нашего больного.

Его ассоциации совершенно свободно и непринужденно перешли от сосания молока к эмбриологически более поздней форме приема пищи, к еде. Тут у больного всплыло одно воспоминание, вслед за которым стали появляться и дальше некоторые очень важные ассоциации. Когда он был маленьким мальчиком, то мысль о любви к кому-нибудь была для него совершенно равнозначна представлению о съедании чего-нибудь вкусного. У него с детства имеются «каннибалистические представления» [1])

Представления эти на первых порах удалось проследить ассоциативным путем вплоть до четвертого года жизни. В этом возрасте правильность датировки удалось проверить,—у него была няня, к которой он был очень привязан. Няня эта находилась в центре всех его каннибалистических фантазий. Уже значительно позже у пациента все еще бывало иногда желание

---

[1]) Нелишним, может-быть, будет подчеркнуть, что и мысль, передаваемая здесь, и выражение это принадлежат самому пациенту. Термин «каннибалистические представления» взят им вовсе не из «Трех исследований к вопросу о теории сексуальности». Анализ, о котором я рассказываю, производился два-три года назад, а третье издание исследований *Фрейда*, в котором впервые предложено это выражение, появилось только в 1915 году.

впиться в нее зубами и «проглотить ее с кожей, волосами и одеждой». Но с помощью психоанализа удалось проникнуть даже еще глубже.

Еще одна ассоциация больного вскрыла, что вкус мяса напоминает ему вкус молока. И то и другое «жирно и сладко». Как у него иногда появляется внезапная жажда молока, так же он чувствует иногда и влечение к мясу. *Ему представляется, будто он ищет суррогата человеческого мяса.*

Отсюда пути ассоциаций пошли дальше к фантазии о кусании женской груди. Этим было дано непосредственное сочетание мяса и молока. Здесь надо отметить, что период кормления грудью у нашего больного был исключительно богат яркими переживаниями, способными оставить сильное впечатление. По разным причинам несколько раз меняли кормилицу и вообще чрезвычайно долго не отнимали его от груди. Эти обстоятельства, конечно, не могли не оставить последствий у ребенка, в сексуальной конституции которого был такой резкий акцент на зоне рта; они должны были облегчить фиксацию на более ранней ступени развития либидо и тем самым облегчить в дальнейшем регрессию к этой ступени.

В заключение отметим еще одну особенность из истории болезни нашего пациента: еда также была связана для него с очень сильным наслаждением; об этом свидетельствует его наклонность к неумеренности в приеме пищи. Но этот оттенок наслаждения в функции еды не носил в сознании больного того же самого сексуального характера, а представлялся ему тоже как нечто добавочное и присоединившееся. Однако и это явление тоже говорит о наклонности больного доставлять самые разнообразные раздражения своим эрогенным зонам. И если его либидо находило новые источники наслаждения, то это нисколько не умаляло значения прежних источников. Эта особенность резко проявлялась и в последующем развитии его инстинктивной жизни (T r i e b l e b e n). Она объясняет нам, почему, когда он стал взрослым, его либидо никогда не приобретало единой тенденции. Он не был в состоянии притти к нормальной эмоциональной установке по отношению к другим лицам, не мог притти к выбору объекта, а все его различные эрогенные зоны сохранили свое прежнее значение. Но из этих зон одна зона рта имела особое значение: раздражение ее доставляло максимальное наслаждение нашему больному и о значении этой зоны он говорил с особым аффектом.

Особенности приведенного патологического случая можно связать следующим образом:

1. Оральная зона по своему значению имеет перевес над остальными эрогенными зонами. Особенно резко проявляется любовь к сосанию. Сосание молока вызывает состояние удовлетворенности.

2. Функция сексуальная и функция питания сочетаются друг с другом в акте сосания.

3. По отношению к объекту, привлекающему к себе желания и фантазии пациента, у него существует стремление к поглощению, к включению его в свое собственное тело («E i n v e r l e i b u n g»). (Сам пациент обозначает эти импульсы, как импульсы каннибалистические.)

Но это как раз те самые признаки, которые Фрейд принужден был приписать самой ранней стадии развития либидо в детском возрасте.

Совпадение здесь полное, но оно нисколько не изумляет тех, кто на основании личной психоаналитической работы пришли к убеждению, что теории Фрейда вытекают из непосредственных наблюдений и ничего общего не имеют с чуждой реальной жизни спекуляцией. Взрослый человек, либидо которого находится в только что описанном состоянии, конечно, в совершенно исключительной степени уклоняется от нормы. Исключительная резкость явлений в данном случае ведет нас к пониманию явлений родственных, когда они выражены или не так резко или же более удачно замаскированы.

III.

Обратим внимание на момент отнятия от груди. Срок этого отнятия различный. Уже среди здоровых детей в этом отношении отмечаются значительные различия. Различия эти, правда, частью основаны на чисто внешних причинах, но частью объясняются только индивидуальными особенностями самих детей. Так, напр., переход от приема пищи с помощью сосания к питью жидкой пищи (в более узком смысле слова) происходит в разные сроки: то раньше, то позже.

Из внешних причин надо принимать в расчет причины: этнологические, социальные и семейные. У многих менее культурных народов детей отнимают от груди лишь в возрасте четырех, а то даже и шести лет. И даже в пределах населения одной

какой-нибудь страны и даже области отнятие практикуется в довольно различные сроки. А в широких массах населения не редкость, что ребенку (которому уже несколько лет) иногда дается грудь матери, когда у нее появляется другой младенец. А невротические матери нередко даже стараются как можно дольше кормить своих детей, потому что кормление грудью доставляет им физические наслаждения максимальной силы. В особенности этим же отличаются женщины холодные в смысле генитальной сексуальности, так как у них грудь, как эрогенная зона, приобретает особое значение.

Но нас в этом отношении гораздо больше интересуют те случаи, в которых сам ребенок, в силу внутренних, в нем самом лежащих причин, препятствует отнятию от груди, затрудняет этот процесс. Эти сопротивления можно встретить у ребёнка синой раз еще в пределах того периода, когда ребенок только сосет пищу: эти сопротивления наблюдаются во время перевода ребенка от кормления грудью матери или кормилицы на рожок. Тут можно наблюдать весьма своеобразные особенности в поведении детей. Многие из них в несколько дней привыкают к этой перемене. Те дети, у которых при сосании груди не было достаточного количества энергии, которые сосали с трудом, очень скоро начинают предпочитать рожок, так как из рожка питательная жидкость поступает без всяких усилий с их стороны. И, наконец, есть и такие дети, которые с величайшим ожесточением противятся переходу к рожку.

Но совершенно явственный вид это сопротивление принимает позже, когда от ребенка требуют окончательного отказа от питания по способу сосания. С детьми же с невротическим предрасположением очень нередко случается следующее: на попытку отнять их от груди они реагируют тем, что начинают принимать чрезвычайно мало пищи, вынуждая матерей отказаться в таком случае на время от отнятия. И затруднения подобного рода продолжаются в выраженных случаях вплоть до школьного возраста. Для примера упомяну о девятилетней девочке, которую невозможно заставить завтракать вместе с родителями и братьями и сестрами утром, перед уходом в школу. Чтобы не допускать ее ухода в школу с пустым желудком, натощак, мать каждое утро приносит ей к постели рожок с теплым молоком. В остальное время дня «строптивая» девочка кушает регулярно за общим столом вместе со всей семьей.

Гетт (Gött) опубликовал случай, касавшийся мальчика 13 лет, которого пришлось отучать от рожка. Это напоминает нам чрезвычайно резкие особенности того случая, о котором мы уже говорили подробно.

Такое поведение ребенка можно объяснить только упорным стремлением удержать то наслаждение, которое он извлекает из сосания благодаря тому, что губы являются эрогенной зоной. Опыт показывает, что лица, долго не расстающиеся с удовольствием, доставляемым ребенку сосанием, обычно сильно страдают в дальнейшем развитием своей сексуальности: развитие это тормозится и задерживается. Влечение к приему пищи и сексуальность у таких субъектов и в дальнейшем оказывается в известном объеме спутанными вместе: они как бы сплетаются в некоторое недифференцированное целое.

Их либидо не находит нормального пути к живому объекту, к человеку; оно ищет удовлетворения прежде всего по возможности с помощью приема пищи по способу сосания.

Участие сексуальности в любви к сосанию, сохраняющейся и в более зрелом возрасте, явственно проявляется у тех лиц, которые, даже будучи взрослыми, продолжают испытывать сильное влечение к сосанию женской груди. Этот вид сексуальной деятельности сильнее возбуждает их, чем нормальное сношение. Один из моих пациентов объявил мне, что он в подобных случаях испытывает странную эмоциональную двойственность. Он, с одной стороны, испытывает страх, что вдруг из груди появится молоко, а с другой стороны, недоволен и разочарован, если молоко не появляется. В данном случае сексуальный интерес при сосании представляется самым главным интересом, берет верх над всем остальным. Всякое другое значение сосания утрачено, от него ничего не осталось, кроме напряженного ожидания и любопытства, не появится ли из груди молоко.

Как известно, у детей после отлучения от груди сохраняется наклонность сосать (вбирать в себя) сладкие вещества. У мужчин-невротиков с резким подавлением либидо нередко можно отметить интенсивное инстинктивное влечение к сладостям. Они находят особенное удовольствие в том, что медленно всасывают эти сладости. У меня было два очень резко выраженных случая, где мне удалось с полной несомненностью установить, что активные импульсы либидо были оттеснены как раз страстью к сосанию (связанной в своем происхождении с детским автоэротиз-

мом); страсть эта доставляла этим пациентам величайшие наслаждения.

Надо сказать, что один из этих пациентов очень любил сосать сладости на ночь, лежа в постели, после чего он засыпал с чувством удовлетворенности. То, что это примыкает к поведению ребенка в грудном возрасте, в этом случае проявляется самым неприкрытым образом. Нормальная же любовная мужская активность в данном случае была вполне и совершенно подавлена. У другого пациента можно было отметить необычайно большое количество всякого рода инфантильных черт. Его либидо было совершенно лишено какой-либо мужской активности, и тем интенсивнее пользовался он всеми источниками автоэротических наслаждений. Когда он по утрам собирался итти на службу, то он проделывал сперва весьма характерную игру. Он принимал вид, будто он совсем маленький ребенок и говорил своей жене: «ну, мальчик пойдет теперь в школу». По дороге он покупал себе сладостей — как дети — и с наслаждением понемногу сосал их. Об этих детских забавах больной говорил с необычайно живым аффектом, а все сексуальное, в смысле нормальной мужественности, было сопряжено у него с ненормально слабым интересом. В течение этого анализа можно было по многим признакам притти к заключению, что весь либидинозный интерес, обычно связанный с нормальной половой функцией, был целиком прикован к автоэротическим процессам. И вот то обстоятельство, что столь резкий либидинозный акцент принадлежал именно сосанию сладостей,— показывает с полной ясностью, как слабо расчленены в данном случае функция питания и функция половая.

Если этот случай показывает нам прикованность больного к инфантильной страсти к сосанию, то следующий пример должен продемонстрировать перед нами регрессию этого источника наслаждения, наступившую в дальнейшем.

Дело идет о молодой, невротической девушке: она мастурбировала много лет подряд и вот однажды прочитала книгу о том, как вредны и греховны подобные поступки. Ее охватил страх, и она впала в дистимию, в продолжительное расстройство настроения. Она стала абсолютно воздерживаться от мастурбации. В этот период полового воздержания и упадка настроения на нее начинает нападать сильнейшая потребность в сладостях. Случается это довольно часто. Она покупает сладости, поглощает их при условиях величайшей таинственности, при чем

испытывает чувство такого удовольствия и удовлетворения, что сама прямо-таки поражена интенсивностью своих ощущений. Больная эта с самых ранних пор испытывала крайнее отвращение к нормальному сношению с мужчиной,—наложив на себя строгий запрет, не мастурбируя больше, она целиком отвергла свою генитальную сексуальность. Таким образом становится понятным, что ее либидо избирает путь регрессии и, как уже описано, овладевает у нее зоною рта. Кроме того, надо еще отметить, что психоанализ дал много отправных точек, объясняющих существование вытесненных желаний и импульсов, которые направлены на сосание мужского полового органа.

Теперь, после того как мы пришли к выводу, что у некоторых людей сосание пищевых веществ имеет особое значение,—значение сексуального поступка,—и некоторые другие явления, довольно часто встречающиеся у невротиков, получают совсем иное и новое освещение.

IV.

У многих невротиков бывает ненормально сильное чувство голода. Этот симптом особенно часто встречается у женщин, и всякому врачу-невропатологу хорошо известны такие пациентки, на которых это чувство голода внезапно находит на улице или в каком-нибудь другом месте, так что им приходится постоянно на всякий случай носить с собой съестное. Иногда они даже просыпаются ночью, разбуженные жестоким голодом: поэтому они с вечера ставят у кровати еду, чтобы она была наготове. Для этого невротического голода характерно, что он появляется совершенно независимо от состояния наполнения желудка, что он наступает без всякой правильности, через различные промежутки времени, начинается в виде приступа, сопровождается крайне мучительными явлениями, совершенно не свойственными нормальному ощущению потребности в пище. Особенно важно отметить встречающееся при этом чувство страха.

Больные сами жалуются на «приступы волчьего голода». Они чувствуют различие между нормальным голодом и этим «волчьим голодом», но тем не менее склонны вполне смешивать эти состояния. И они проявляют жесточайшее сопротивление, когда психоанализ вскрывает связь между этим невротическим волчьим голодом и вытесненным либидо. Существуют, однако, известные предательские признаки, которые в таких случаях

направляют нас на верную дорогу. Так, например, бросается в глаза, что такие припадки голода очень часто встречаются у холодных в половом отношении женщин. Один из моих больных, у которого этот симптом невротического голода был очень сильно выражен, отметил сам, что ощущение голода отдает в яичко.

Сильные либидинозные импульсы могут прекрасно укрываться за такими ощущениями голода — как за маской — в тех случаях, когда сознание защищается от их появления в неприкрытом и обнаженном виде. В голоде можно признаться себе самому, и не только себе, но даже и другим людям, даже если это чрезвычайно сильный голод. Никто и не подозревает, из какого источника черпает свою власть невротический симптом. И сам больной не подозревает этого. Власть симптома бывает в некоторых единичных случаях так велика, что больные вынуждены приспособить и подчинить весь свой образ жизни этой болезненной потребности в пище. Но именно эта самая мощь и власть, которую приобретает над больными невротический голод, дает нам право сделать вывод о том, насколько сильны те инстинктивные, но вытесненные импульсы, которые в нем выражаются. Для примера я приведу здесь некоторые фактические данные из одного из моих психоанализов. Данные эти не назовешь иначе, как чудовищными.

Я лечил одну тяжело больную пациентку, на которую волчий голод нападал всякий раз, как только она на несколько шагов отходила от своей квартиры. Она никогда не выходила из дому, не взяв с собой каких-нибудь пищевых продуктов. Когда она съедала взятое с собой, то она шла в кондитерскую или в какое-нибудь другое заведение, чтобы утолить свой голод. Но сильнее всего мучила ее эта потребность по ночам. С годами она дошла до того, что каждую ночь от двух до трех раз обедала при чем ела она в таких случаях много. Несмотря на то, что, не довольствуясь вечерним ужином, она плотно ела перед самым отходом ко сну, несмотря на это, она каждую ночь пробуждалась от мучительного голода и обычно была не в силах с ним бороться. Такие частые обеды и ужины имели вполне естественное следствие: значительную прибыль в весе. Больная ела по ночам главным образом овощи, будто бы потому, что при таком ночном питании меньше отлагалось жира. Во время лечения психоанализом она жила в одном пансионе. Она устроила себе там большие запасы овощных консервов. Каждый вечер она готовила себе обеды, предназначавшиеся на ночь. Если она ложи-

лась спать, примерно, в 10 часов, то просыпалась она приблизительно в 1, в 3 и в 5 часов ночи. Всякий раз она съедала основательный обед. Утром, между 6 и 7 часами, она уже спешила на кухню и спрашивала о своем завтраке. Поведение больной очень напоминало поведение тех «избалованных» ребят, которые неоднократно просыпаются по ночам и успокаиваются только тогда, когда мать даст им попить. Впрочем, больная была единственным ребенком у своих родителей. Поведение больных, страдающих потребностью питаться через короткие промежутки времени и испытывающих мучения, если это влечение не удовлетворяется, напоминает нам, с другой стороны, весьма поразительным образом поведение морфинистов и некоторых пьяниц. Что касается этих последних состояний, то психоанализу удалось выяснить, что опьяняющий яд дает таким больным суррогат удовлетворения взамен той деятельности либидо, в которой ему отказано. Некоторые невротики чрезмерно много едят; это происходит под влиянием патологической навязчивости и должно оцениваться совершенно таким же образом.

Последний описанный нами случай отличается от других сообщенных случаев тем, что больная испытывала болезненный позыв к очень частому приему плотной пищи, а не к всасыванию молока, или к каким-либо иным приемам, носящим характер сосания. Все поведение этой больной в целом лишь тогда станет понятным для нас, если принять во внимание ту степень наслаждения, которую для нее представлял процесс еды, сознательного или бессознательного, это все равно. Несмотря на то, что у нее не было ни одной ночи, которую ей удалось бы проспать спокойно и без перерывов, она все-таки оказала самое крайнее противодействие анализу ее припадков голода и отучению ее от ночных обедов. Надо отметить, что не только процесс еды сам по себе был связан с этими сильными аффектами,— она наслаждалась своими запасами уже во время закупки, затем при приготовлении своих обедов и т. д. Она испытывала, следовательно, некоторым образом предвосхищение и наслаждение [1].

---

[1]) В дополнение к вышеприведенной, весьма далекой от полноты, выдержке из психоаналитической истории болезни обратим внимание на то, что больная предпочитала для своих ночных обедов растительную пищу. Приводимое самой больной рациональное объяснение и недостаточно и даже неправильно по существу. Если же мы все поведение больной будем рассматривать как форму автоэротического удовлетворения, то мы легко поймем, почему ночью она избегает мяса.

V.

Невротики, у которых сексуальность зачахла до такой степени, что является в большей или меньшей степени связанной и слившейся с сосанием пищи (или с процессом еды), в зрелом возрасте не обнаруживают особенной склонности к сосанию большого пальца. Таковы, по крайней мере, мои наблюдения до настоящего времени. Напротив, те взрослые невротики, у которых эта особенность сохранилась, и сохранилась в определенно выраженной степени, обыкновенно не обнаруживают никакого особенного либидинозного акцента, связанного с явлениями приема пищи. У них, пожалуй, гораздо чаще бывает отвращение к пище, и в особенности к молоку и мясу, а также наклонность к тошноте и к рвоте.

Это может показаться странным, но можно все-таки утверждать, что взрослые невротики, сосущие палец («D a u m e n l u t s c h e r») по сравнению с группой невротиков, занимавшей нас до сего момента, являются представителями более высоко стоящей стадии развития либидо. Их либидо завоевало себе некоторую степень самостоятельности по отношению к инстинкту питания: самостоятельность эта выражается в том, что извлечение наслаждения не связано уже всецело с сосанием пищи. Правда, зона рта и у них сохранила преобладающее значение, и они тоже очень еще далеки от удачного и успешного перенесения своего либидо на иные объекты. Наоборот, в своей действительной жизни, в реальности такие люди проявляют различные признаки сильнейшего сексуального отрицания и отпора. В продуктах их фантазии зато господствующую роль играет использование рта для сексуальных целей (F e l l a t i o, C u n n i l i n g u s), правда, по большей части в связи с негативным аффектом отвращения и содрогания,— хотя и не всегда. Упорство, с которым эти невротики практикуют автоэротическое раздражение слизистой оболочки губ и эротическое использование рта (по крайней мере, в продуктах фантазии), будет нам вполне понятно, если мы обратим наше внимание на поведение маленькаго ребенка. Достаточно вспомнить одно: с какой интенсивностью предается ребенок сосанию уже в самые ранние дни своей жизни («W o n n e s a u g e n»); с каким усердием вводит грудной младенец себе в рот обе ручки, с какою силой тянется он к своим пальчикам, как целиком отдается он ритму сосания; все это, вместе

взятое, и, наконец, эффект удовлетворения в конце всего этого процесса дают нам возможность видеть с ясностью, какая сила заложена в этих ранних инстинктивных импульсах. Их власть с особенною ясностью сказывается и в тех случаях, в которых люди, даже будучи взрослыми, продолжают подчиняться этим влечениям.

Но поведение этих невротиков и еще в одном отношении напоминает поведение грудного младенца. По моим наблюдениям невротики, не преодолевшие сосания, отличаются, кроме того, чрезвычайно выраженной склонностью к автоэротическим раздражениям других зон, а в особенности половых органов. Ведь и у малого ребенка на-ряду с сосанием мы видим тоже наклонность хватать какое-нибудь место своего тела и производить в его пределах ритмические дергающие движения. Мы вспоминаем, что у детей, имеющих привычку сосать палец, бывает и другая манера: они сосут палец одной руки и в то же время потягивают себя другой рукою за ушную мочку. Очень часто бывает и так, что другая рука устремляется к половым органам и раздражает их такими же движениями.

Сосание пальца взрослыми людьми производит на нас очень странное впечатление, но оно станет менее непонятным, если мы вспомним, что рот не потерял своей роли эрогенной зоны и у нормальных взрослых людей. Мы считаем, что поцелуй — это совершенно нормальное проявление либидо. Правда, при поцелуях эрогенная зона функционирует, направляясь на свой нормальный объект. И, кроме того, поцелуй не претендует на значение настоящей сексуальной цели: он представляет собой только одно из подготовительных действий. Но и здесь все-таки границы расплывчаты. Некоторые формы поцелуев могут становиться очень существенною целью сексуального стремления. А главное: зона губ очень часто присваивает себе настоящие генитальные функции; никоим образом не следует не дооценивать степени этой частоты.

Я перейду опять к подробным сообщениям из двух моих психоаналитических историй болезни: эти случаи показывают нам судьбу детской привязанности к сосанию, показывают их чрезвычайно поучительно и во многих отношениях (случаев этих два) дополняют друг друга.

Мужчина средних лет страдал неврозом хронического течения, из всех симптомов больше всего мучила его упорная бес-

сонница. При попытке подойти к психосексуальным причинам этого расстройства, удалось выяснить целый ряд особенностей в судьбе развития его либидо или — иначе говоря — в истории развития его невроза.

В раннем детстве у больного была совершенно особая склонность к сосанию большого пальца. Когда он подрос и все-таки не отставал от своей привычки, были применены обычные приемы детской, и мальчик бросил, наконец, сосать свой палец, который ему смазали жидкостью горького вкуса. Но успех был только кажущийся. Теперь мальчик пускал в ход уголок своей подушки или одеяла и засыпал только после сосания или жевания этого предмета. Его воспитателям пришлось начать борьбу и против этой новой привычки, но и на этот раз случилось так, что мальчик подчинился только видимо и стал искать нового способа, нового суррогата, который заменил бы ему это удовольствие. Вскоре были открыты следы его зубов на деревянных частях кровати. У него появилась привычка кусать зубами по вечерам дерево.

В годы p r a e p u b e r t a t i s эта потребность доставлять своему рту приятные раздражения перед отходом ко сну укреплялась все больше и больше, так что, в конце концов, превратилась в *условие засыпания*. Долгие годы большую роль в числе его автоэротических снотворных средств играла мастурбация. После периода полового созревания, а в особенности в возрасте около двадцати лет, больной вел интенсивную борьбу, стараясь отвыкнуть от мастурбации; при чем во время этой борьбы вновь вступили в силу давние запреты из времен детства. Воздержание от мастурбации часто удавалось ему на продолжительное время, но этот успех больному приходилось оплачивать столь же продолжительными периодами упорной бессонницы. Затем он стал получать снотворные по врачебным назначениям: он вскоре так привык к употреблению этих снотворных средств, что пришлось вести борьбу, чтобы отвыкнуть от них; и вот на протяжении ряда лет борьбу эту приходилось не раз начинать сначала, чередуя ее с периодами борьбы против мастурбации. Наконец, больной приступил к курсу лечения и стал моим пациентом. Как только он почувствовал некоторое улучшение, он попробовал два вечера под-ряд не принимать снотворных средств. Однако на другой день после второй ночи, проведенной без снотворных, он пришел ко мне в приемные часы с явствен-

ными признаками неохоты и нерасположения. Но когда он, как полагается, улегся и рассказал мне о том, как прошла у него последняя ночь, я вдруг заметил, что он поднес ко рту большой палец правой руки и, вместо того чтобы продолжать рассказ, начал сосать палец. Его сопротивление едва ли могло проявиться как-нибудь явственнее. Это сопротивление, направленное раньше на родителей и других воспитателей, теперь было перенесено на врача и значило приблизительно следующее: «Если вам угодно запрещать мне кусание простыни, мастурбацию или снотворные лекарства, то мне приходится вернуться к моему самому давнишнему способу удовлетворения. Вы видите, что вам все равно ничего от меня не добиться». То обстоятельство, что сосание происходило как раз на глазах у врача, несомненный признак упрямства, желания сделать наперекор.

Этот случай с несравненной ясностью показывает, каковы соотношения между сосанием пальца и сексуальностью. Следующая же выдержка из другого психоанализа должна показать, какие сложные явления сводятся в конечном счете на детскую любовь к сосанию.

Есть группа невротиков (отнюдь не небольшая), у которых с самых ранних пор ненормально резко акцентуирована охота к сосанию; в зрелом возрасте у них имеется склонность к извращенному использованию рта, но они все-таки оказывают ожесточенное сопротивление импульсам к подобного рода действиям; в результате у них развиваются симптомы, разыгрывающиеся в области ротовой зоны. Пациент, о котором я теперь буду говорить, принадлежал именно к этой группе.

Больному — 17 лет; он обратился ко мне по предложению своего домашнего врача; во время своего первого визита он говорил чрезвычайно односложно и был замкнут. Мне только с большими усилиями удавалось получить от него отдельные короткие ответы — и в то же время удалось подметить, что больной беспрестанно предпринимал различные действия в области рта и близлежащих частей. Он то кусал губу, верхнюю или нижнюю, то облизывал ее языком. Часто можно было видеть, как он втягивал обе щеки, делая, очевидно, сосущее движение; затем он вдруг до такой степени плотно сжимал челюсти, что обозначался рельеф жевательных мышц. Время от времени больной широко разевал рот и закрывал его снова; затем можно было заметить, что временами он сосал зубы или нёбо.

Когда в течение лечения удалось устранить задержки, мешавшие ему говорить (хотя бы на короткий срок), он рассказал о целом ряде явлений, связанных с полостью рта,—все эти явления были окрашены оттенком наслаждения. Особенно резко выступил неукротимый позыв к сосанию. Больной все время делал сосательные движения: все равно, был ли он один или на людях, был ли он занят или бездельничал. Когда ему было 13 лет, ему был вставлен, вследствие неправильного положения зубов, аппарат для коррекции. Давление аппарата на десны было болезненно; но он умолчал об этом, не жаловался на боль и предпочел другую реакцию на это раздражение: он начал сосать соответственный участок челюсти делал это беспрерывно. Дальше больной признался в том, что он доставлял себе приятные ощущения и другими способами. Он делал языком особые движения: щекотал мягкое нёбо, касался нёба языком, и эти ощущения были для него сладострастными ощущениями. Сексуальная природа этих действий самому больному вовсе не была непонятна. В подобных случаях мы вправе говорить об оральной мастурбации.

Некоторые симптомы у нашего больного стояли в теснейшей связи с эрогенностью полости рта. Разевание рта, напр., о котором мы уже упоминали и которое носило определенно навязчивый характер, было несомненно такого происхождения. Как только пациент попадал в общество лиц мужского пола, так у него тотчас же возникала навязчивая фантазия взять в рот член этого мужчины. И вот пока он с чувством ужаса отчасти отдавался этой фантазии, отчасти же пытался отстранить ее, возникало это движение рта, носившее характер схватывающего движения, смысл которого не может вызывать никаких сомнений.

Нам постоянно приходится устанавливать, что орган, в слишком резкой степени используемый в качестве эрогенной зоны, не в состоянии больше удовлетворительно исполнять свои остальные функции [1]). В описываемом случае рот отказывался выполнять те функции, которые не имели сексуального характера. Стоило больному очутиться в обществе других людей,

---

[1]) *Фрейд* трактовал об этом процессе по поводу примера с глазами в маленькой работе о «психогенном расстройстве зрения». См. «Kleine Schriften», Band III, стр. 314.

как он испытывал почти полную невозможность *говорить* или *есть*. Так например, он не мог беседовать со своими коллегами в общем рабочем помещении. Его товарищи иной раз съедали до обеда принесенный ими из дома завтрак, но для нашего больного это было совершенно невозможно. Хлеб, который он приносил с собой, он уносил обратно, не дотронувшись до него и бросал его где-нибудь по дороге на улице. Он делал это, чтобы не подвергаться дома каким-либо расспросам. Действие психоаналитической терапии в данном случае весьма заслуживает нашего внимания. Как только гомосексуальная установка нашего больного (носившая навязчивый характер и сопряженная с постоянным страхом) уступила место нормальному интересу к женскому полу, он тотчас же стал способен и есть вместе со своими товарищами и разговаривать с ними.

Оба эти случая дают нам возможность убедиться в том, какое подавляющее влияние может иметь сохранившаяся до поздних лет страсть к сосанию, как она может определять все поведение человека в целом. Таких резких случаев, конечно, меньшинство, но на-ряду с ними существует гораздо большее количество людей, которые должны постоянно платить известную дань зоне рта, не заболевая, однако, какими-либо тяжелыми невротическими симптомами. Конфликт между автоэротизмом и другими жизненными интересами у них выравнивается известными компромиссными образованиями. Такие люди могут, например, быть весьма ценными и продуктивными в своей профессии—они в состоянии успешно сублимировать часть своего либидо, но автоэротизм их предписывает им условия, от которых зависит выполнение ими их работы в жизни. Мне пришлось однажды лечить одного невротика, который мог собраться с мыслями для умственной работы лишь в том случае, если он предварительно мастурбировал. Сходным образом некоторые лица только при том условии в состоянии интенсивно думать, если они в то же время держат палец во рту или грызут ногти или ручку пера. Другие лица должны кусать свои губы или облизывать их во время интенсивной работы. Их автоэротизм только в том случае допускает интенсивную и непрерывную работу, если ему дается в то же время известная степень удовлетворения. Этим же путем отчасти объясняется и то, что у весьма многих мужчин курение становится таким необходимым условием для работы; но в данном случае соотношения все-таки гораздо более сложны.

Резкое разграничение между нормальной склонностью и привычкой, с одной стороны, и патологической навязчивостью,— с другой, едва ли можно провести в этой области. Но для практических целей все-таки можно будет держаться в общем известного критерия: таким критерием будет служить то, как индивидуум перенесет временный отказ от подобного привычного раздражения. Реакция на отказ в таком источнике наслаждения, к которому индивидуум был болезненно фиксирован, носит обычно патологический характер. Реакция эта состоит в образовании невротических симптомов.

VI.

Не подлежит сомнению, что удовлетворение нормальным человеком своих сексуальных потребностей оказывает сильное влияние на ровность его настроения. Но здоровый человек способен в пределах известных границ выносить временный недостаток привычного удовлетворения. Кроме того, он способен доставлять себе компенсаторные удовлетворения путем сублимации. То же самое может быть сказано и о большом числе невротиков. Но некоторые из этих последних все-таки в высшей степени невыносливы ко всяким убавкам привычного наслаждения, и тем сильнее, чем ближе уровень их инстинктивной жизни к формам раннего детского возраста. Они в последней степени похожи на «избалованных детей». Их либидо непрестанно требует привычного удовлетворения. Вследствие этого они делаются чрезвычайно несвободными, зависимость их от удовлетворения очень велика, и они начинают реагировать чувством неудовольствия, как только им не удается получить привычное наслаждение. Но это чувство неудовольствия в дальнейшем переходит уже в определенно выраженное расстройство настроения («V e r s t i m m u n g»).

Мне представляется, что такого рода происхождение расстройств настроения (депрессий) у невротиков очень часто не получает надлежащего признания. Привычное автоэротическое удовлетворение имеет практически двоякое значение для невротика: оно служит и для предотвращения угрожающих ему депрессий и для устранения тех, что уже наступили.

В первом смысле примером может послужить следующее: многие невротики хватаются за свое привычное средство удовле-

творения уже с утра, чтобы защитить себя от депрессии. Это бывает с индивидуумами, которые с трудом встают утром с постели. Каждый день, каждое возвращение к бодрствованию начинается у них с чувства резкого неудовольствия. Это чувство могло бы укрепиться, остаться и испортило бы им весь день, если бы они не обращались к привычному способу удовлетворения — как к профилактическому средству против невротической депрессии. И вот как раз те раздражения зоны рта, о которых мы уже говорили подробнее, играют в этом отношении особенно важную роль. Такое поведение невротиков лучше всего объясняется на следующем примере. Я напомню о девятилетней девочке, которую нельзя было заставить утром встать, не дав ей предварительно ее излюбленного рожка с молоком.

Несколько подробнее я должен остановиться на тех невротиках, которые стараются рассеять наступающую у них депрессию приятным раздражением оральной зоны. При этом я намеренно не касаюсь алкоголя, как момента улучшающего настроение («Stimmungs-Korrigens»), так как в данном случае картина усложняется наркотическим действием.

Особенно поучителен случай одной молодой циклотимической больной, который мне пришлось наблюдать лично. Она с громадным трудом входила в душевный контакт с людьми, наоборот, скорее совершенно удалялась от других людей и вполне отдавалась своим автоэротическим наклонностям. Как только настроение ее становилось подавленным, она тотчас же обращалась к помощи различных средств, из которых нас интересует, главным образом, следующее: она покупала себе что-нибудь съестное и чувствовала во время еды тотчас же некоторое прояснение настроения, некоторую веселость. Было у нее и еще одно средство, действовавшее на ее настроение, средство это крайне характерно для ее автоэротизма: она целыми часами ездила в трамваях и доставляла себе таким образом очень резко выраженное наслаждение движением [1]). И вот, чувствуя себя подавленной, она посвящала большую часть дня трамвайным поездкам и поглощению пищевых припасов, которые она носила с собой.

В том, насколько все подобные явления коренятся в сфере инфантильного, мне удалось убедиться при анализе одного молодого человека, которого я лечил по поводу невротической де-

[1]) Ср. мою статью: «О конституциональных основаниях боязни улицы».

прессии. Он был сильно фиксирован к матери и в течение долгих лет, после наступления половой зрелости, не был способен перенести свое либидо на других лиц женского пола. Довольно продолжительное время он находил компенсаторное удовлетворение в своей профессиональной деятельности, но, наконец, произошли некоторые события, приведшие его к внутреннему конфликту, каковой, конечно, им не был осознан. Фиксированность к матери и тенденция к разрыву с ней, к отрешению от нее, вступили между собой в ожесточенную борьбу; работа уже перестала удовлетворять больного. Дальнейшим следствием всего этого была депрессия, в начале которой он был поражен следующим своеобразным происшествием. На него напало сильнейшее отвращение к жизни, и вот, в таком состоянии, испытывая сонливость и потерю аппетита, он лег однажды в постель. Мать принесла ему чашку молока. Он поднес чашку к губам, и как только они коснулись молока, у него сразу появилось, как он сам выразился, «смешанное ощущение теплоты, мягкости и сладости»; ощущение показалось ему странным, но в то же время и каким то знакомым, идущим точно из какого то далекого прошлого: это ощущение произвело на него какое-то непонятное, ему самому успокоительное действие. Психоанализ очень быстро разгадал эту загадку. Больной наш вскармливался грудью матери в течение всего первого года жизни и сосал молоко с особой интенсивностью (как это выяснилось из опроса его родителей). В последующие годы своего детства он неоднократно хватал мать за грудь и говорил о ней в нежных выражениях (на особом детском языке). Мы говорили уже о предпринятой им попытке отрешения от матери; попытка эта не удалась, пациент впал в тяжкую депрессию и бессознательно обратился к тому источнику наслаждения, с которым он познакомился раньше всего. Мать подала ему молоко, это вызвало в нем следы давнишних приятных воспоминаний и на короткий срок смягчило его депрессивное состояние.

Теперь нам становится понятным одно явление, хорошо известное всякому врачу-невропатологу. Подавленные или взволнованные невротики часто успокаиваются — конечно, только на короткий срок — от одного только проглатывания какого-нибудь лекарства, даже в том случае, если это лекарство само по себе и не имеет успокаивающего действия. Для объяснения этого явления принято ссылаться на суггестивное, внушающее действие

врачебных назначений. Но наблюдения показывают, что и без врачебного назначения невротик нередко берет в рот что бы то ни было и достигает этим на мгновение успокоения. В данном случае упускают из виду один важный фактор. В жизни каждого человека было время, когда прием жидкости избавлял его от всякого волнения. «Внушающее» действие бутылки с лекарством нельзя никоим образом свести только на влияние личности врача, который лечит данного больного; оно, по крайней мере, в этой же степени, зависит и от ее способности дать рту больного нечто такое, что вызывает в нем его давным-давно минувшие приятные воспоминания.

Склонность нервных людей к тому, чтобы им предписывалась определенная диэта (притом непрерывно изменяемая), по возможности приближающаяся к исключительно жидкой пище, отчасти можно объяснить за счет того же самого источника. Обратим, кроме этого, внимание и на тех больных, которые очень любят, когда за ними ухаживают сиделки: лежа в постели, они охотно принимают всякого рода нежности.

Не будем, однако, забывать и того, как часто наши больные *отказываются от пищи*. При невротических заболеваниях отказ от пищи встречается в довольно разнообразных проявлениях, нередко в замаскированном виде. Я укажу только на отсутствие аппетита, отвращение к еде, явления тошноты и рвоты. После всего сказанного нельзя сказать ничего принципиально нового по вопросу о происхождении этих симптомов.

В дурном настроении, в депрессивном состоянии у людей нередко наблюдается вполне сознательная, даже прямо и откровенно высказываемая наклонность к отказу от пищи. Резче всего это явление выражено при тех расстройствах настроения, которые мы относим уже к числу *психозов*. И мы вправе ожидать, что психоанализ этих заболеваний поможет нам пролить свет на более глубокие причины отказа от пищи.

VII.

Есть два симптома из числа важнейших и наиболее бросающихся в глаза проявлений депрессивных душевных расстройств, которые имеют непосредственное отношение к приему пищи: *отказ принимать пищу и страх умереть от голода*.

Когда я в первый раз сделал попытку (несколько лет тому назад) выяснить психоаналитическим путем структуру депрессивных душевных заболеваний, я не обратил на оба эти симптома того внимания, которого они, как мне кажется теперь, заслуживают. Я полагаю, что в последующих строках мне удастся дать еще некоторые данные по вопросу о психогенезе депрессивных состояний, но я вполне отдаю себе отчет в том, что все это попрежнему еще очень далеко от полного и окончательного разрешения проблемы.

Кто станет внимательно наблюдать меланхолически-депрессивного больного, тот вскоре получит впечатление, что такой больной отвергает жизнь. Поэтому очень нетрудно притти к мысли, что в отказе от пищи следует видеть проявление тенденции к самоубийству. Ничего нельзя возразить против правильности подобного объяснения. И все же психоаналитик не в состоянии удовлетвориться этим объяснением, потому что оно неполно и односторонне. У него возникает вопрос, почему же больной, если он решился на смерть, выбирает медленный и ненадежный путь голодной смерти. Но, кроме того, психоаналитический опыт не позволяет нам легко соглашаться с таким пониманием, которое пытается свести психопатологическое явление к сознательным и *логическим* причинам.

Но и возникновение второго из указанных симптомов — страха умереть от голода — тоже не удается объяснить какими-либо простыми соображениями. Страх голодной смерти особенно часто имеет место при депрессивных состояниях, наблюдающихся в возрасте обратного развития. Примитивное психологическое понимание этого проявления болезни было бы, по всей вероятности, таково: человек чувствует, что он становится старым, и вот он начинает испытывать озабоченность, начинает опасаться за свое дальнейшее существование. А так как в периоде обратного развития наклонность к нервным и психическим расстройствам особенно велика, то, в зависимости от предрасположения данного индивидуума, эти заботы выразятся либо в болезненном страхе, либо в депрессивной бредовой идее.

Но такое толкование не захватывает самого существа этого состояния. Оно придерживается исключительно буквально словесного смысла болезненного представления, его явного содержания. При этом не выясняются ни движущие силы психоза, ни более глубокое содержание симптомов.

Психоанализ исследует латентное содержание болезненных представлений. В моей статье, которую я уже цитировал, мне удалось доказать, что больные с депрессивным расстройством настроения оплакивают потерянную способность их к жизни. Но как раз возраст обратного развития, возраст процессов инволюции приносит человеку понижение значения его генитальной эротики. И это как раз тот возраст, в котором чаще всего развиваются депрессивные состояния. У женщин в этом возрасте возникает особое чувство, имеющее очень большое значение для них: чувство утраты ими своего обаяния для мужчин. Но психоанализ депрессивных душевных расстройств в более молодом возрасте дает те же результаты: и тут существует то же самое соотношение в переживаниях. Больной человек отстраняет от своего сознания восприятие этой внутренней перемены. И в то же время его либидо проделывает такое регрессивное изменение, которое мы должны признать особенно глубоким и значительным. Я имел возможность несколько глубже заглянуть в структуру депрессивных психозов и пришел к убеждению, что у этих больных *либидо регредирует* на самую примитивную из известных нам стадий своего развития, на ту стадию, которую мы называем оральной или каннибалистической.

И при нормальных условиях в периоде инволюции, в возрасте обратного развития можно доказать наличие следов регрессивного изменения либидо. С особенной же ясностью признаки этого процесса проявляются у субъектов невротических. Но у них в общем регрессия не идет так далеко и принимает, кроме того, более спокойное и постепенное течение. Явления этого рода столь хорошо знакомы психоаналитикам, что нам достаточно немногих указаний.

В возрасте инволюции многие люди начинают уделять гораздо больше внимания своему питанию, чем это они делали раньше. А с падением половых функций (в тесном смысле слова) появляется особый повышенный интерес к еде, к выбору пищи, к ее особенностям. Регрессивная тенденция этого процесса явственно сказывается в том, что часто снова возвращается детская любовь к сластям.

Замечательно, что в то же время и функции кишечника начинают привлекать гораздо больше внимания. И чем больше падает значение генитальной зоны, как источника наслаждения, тем сильнее происходит у многих людей возврат к наслажде-

пиям, связанным с оральной и анальной зонами. У лиц, находящихся в возрасте обратного развития, нередко можно отметить все возрастающую склонность делать эти оральные и анальные интересы темой разговоров.

Как уже сказано, подобные явления у невротиков отмечаются в особо повышенной степени. Представления, относящиеся к процессам приема пищи, принимают ипохондрический характер [1]).

Что касается меланхолических депрессивных состояний, то, как мне кажется, либидо при них регрессирует до самой ранней из известных нам ступеней развития. Это значит: меланхолический больной в своем бессознательном переживает особое желание по отношению к своему сексуальному объекту: желание включения его в свое тело, желание поглощения объекта («Einverleibung»). В глубинах бессознательного живет тенденция проглотить, уничтожить объект.

В моей прежней статье я показал некоторые, резко бросающиеся в глаза общие особенности и совпадения в структуре меланхолии и невроза навязчивости: я подчеркнул в особенности амбивалентность эмоциональных импульсов и первичное преобладание садизма в эмоциональной жизни больных. Но теперь я чувствую себя обязанным отметить и некое, как мне кажется, существенное *отличие* этих только что названных болезненных состояний друг от друга.

Правда, остается неизменным прежний взгляд, что либидо больного относится к своему объекту преимущественно враждебно, стремится уничтожить его. Но, в противоположность садистическим тенденциям навязчивого невротика, бессознательные стремления меланхолика, как мне кажется, имеют скорее своею целью произвести уничтожение объекта любви путем поглощения его в качестве пищи, путем его пожирания.

Часть тяжких самообвинений меланхоликов обнаруживает перед не-профаном эти только что указанные инстинктивные импульсы, хотя, конечно, вся эта связь остается неосознанной самими больными.

---

[1]) Я отсылаю читателя к фрейдовскому описанию психогенеза ипохондрии. Согласно *Фрейду* ипохондрия возникает на основе регрессии к нарцизму, следовательно, также к одной из ранних фаз развития либидо. (Freud. «Zur Einführung des Narzismus». Jahrb. d. Psychoanalyse. B. I. 1914, см. выпуск VIII этой библиотеки.)

В этих самоупреках много типического. Иной больной прямо-таки объявляет, что он—величайший преступник всех времен: все несчастия, все зло и все страдания, существующие в мире, возникли только благодаря ему. Кто знает язык неврозов и психозов, кто знает формы этого языка, легко поймет более глубокий смысл подобных гиперболических доносов на себя самого. Больной борется с совершенно определенными представлениями, стремящимися проникнуть в его сознание: представления эти кажутся ему особенно страшными и невыносимыми, и мне думается, мы вправе допустить, что дело здесь идет о каннибалистических инстинктивных импульсах.

В некоторых случаях нетрудно видеть, что это именно так. Так, на-ряду с другими примерами, Крепелин (Kraepelin) приводит в своем учебнике психиатрии следующее: «Больной навлек несчастья и беды на весь мир, съел своих собственных детей, выпил источник благодати!».

Но по большей части эти обличения и оговоры претерпевают известное искажение.

Фантазия каннибалистического характера со всей явственностью сказывается также в одной определенной форме депрессивного бреда. В прежние времена бредовая идея, которую я имею в виду, была чрезвычайно широко распространена, но она и в настоящее время далеко не совсем еще исчезла. Эта бредовая идея состоит в представлении о превращении в дикое животное, поглощающее людей. Старая психиатрия очень хорошо знала это бредовое самообвинение, оно встречалось очень часто; по этой бредовой идее даже выделялось особое состояние «одержимости», носившее название *ликантропии*. Это—бред превращения в хищного волка.

Но чаще эти своеобразные самооклеветания больных претерпевают некоторое искажение.

Больной отрицает в своем сознании *качество* поступка, к которому он стремится, но обвиняет себя в таком огромном *количестве* преступлений, какового он в действительности никоим образом не мог бы совершить.

Если мы допустим, что глубочайшие вытесненные желания меланхолика суть желания каннибалистического характера, что его «грехи» в конечном счете сводятся на запрещенную и отвратительную еду, то нам станет вполне понятно, почему так часто встречается отказ от пищи. Больной ведет себя таким об-

разом, как будто только полный отказ от всякой пищи может спасти его от того, чтобы не пустить в ход его вытесненные импульсы. Но одновременно он приговаривает себя к наказанию, которое одно можно считать адекватным его бессознательным каннибалистическим позывам: к смерти от голода.

Теперь нам нетрудно понять и страх больных перед голодной смертью. Позыв к поглощению, к пожиранию желанного объекта наталкивается на мощное внутреннее сопротивление. И так же, как и другие инстинктивные импульсы, и каннибалистическое влечение превращается в тот же невротический страх, как только его реализация наталкивается на непомерно сильное сопротивление. Этому влечению грозит удел никогда не исполниться; зона рта никогда не испытает того насыщения, к которому стремится бессознательно. Следствие — страх умереть от голода.

Я не могу оставить тему меланхолических расстройств, не отметив и не подчеркнув, что выше пытался выяснить исключительно содержание желаний в некоторых депрессивных бредовых идеях, а также и бессознательные импульсы, лежащие в основе некоторых особенностей поведения меланхолических больных; я не делал попытки выяснения общих причин меланхолической депрессии. Решение этой последней большой проблемы и не входило в план настоящего исследования.

VIII.

Бессознательные каннибалистические импульсы, лежащие, как мне кажется, в основе определенных симптомов депрессивных психических заболеваний, существуют и у нормального взрослого человека. Они иной раз проступают в сновидениях.

Один знакомый рассказал мне однажды следующее сновидение. Он видел перед собой посуду с кушаньем, приготовленным для него его женой. Масса, находившаяся в посуде, имела вид овощей; но на овощах лежали детские ножки, точно они были сварены вместе с овощами. Ножки эти напоминили ему во время сновидения ножки его собственного сына. Он проснулся с величайшим ужасом и негодованием; просыпаясь со страхом от этого сновидения, он ясно отдал себе отчет, что он только что собирался во сне поглотить части тела своего собственного ребенка.

Негодование, которое он испытал при одной мысли о подобном поступке,—это то же самое негодование, в какое нас приводят

привычки каннибальских народов. И в наше время у некоторых народов еще бывают такие случаи, когда какой-нибудь князек убивает, или велит убить, своего мятежного сына и после этого сам его съедает.

А в сказаниях культурных народов (и в сказаниях весьма распространенных) мы находим богов, которые поглощают своих собственных детей. Но здесь не место углубляться в мифологические и этнологические детали. Поэтому я отсылаю читателя к богатейшему материалу, разработанному *О. Ранком* (O. Rank) в его труде о «м о т и в е и н ц е с т а» (кровосмешения), особенно к главе, посвященной «мотиву раздробления на куски».

Все эти многообразные фактические данные, сопоставленные мною на предыдущих страницах, вынуждают нас к признанию правильности сделанного *Фрейдом* предположения о существовании ранней каннибалистической стадии развития либидо. Эта фаза индивидуальной инстинктивной жизни находится в полном соответствии со степенью каннибальской культуры, сохранившейся и по наши дни у некоторых народов и пережитой в прежние времена и «культурными нациями», имеющими за собой столь долгий путь развития. И вот: известные психические явления, продуцируемые больным и здоровым индивидуумом (особыю), напоминают нам о самой ранней стадии его детства; народ же хранит следы своего отдаленнейшего прошлого в сагах и сказках.

КОНФЛИКТЫ ДЕТСКОЙ ДУШИ

Д-р Юнг (C. G. Jung).

приват-доцент психиатрии при Цюрихском университете.

Как раз в то время, когда я был занят подготовкой к печати первого полутома нашего ежегодника за прошлый год, в котором помещены достопамятные сообщения *Фрейда* о «маленьком Гансе» [1]), я получил от одного сведущего в психоанализе родителя ряд наблюдений, сделанных им над его четырехлетней дочкой.

В этих наблюдениях многое до такой степени напоминает данные *Фрейда* о «маленьком Гансе» и так дополняет их, что я не мог отказаться от желания познакомить с ними более широкие круги читателей. «Маленького Ганса» встретили непониманием, чтобы не сказать — негодованием, и это для меня лишний повод к тому, чтобы опубликовать и мой материал, правда, значительно уступающий «Гансу» в смысле обширности. Несмотря на это, он содержит такие данные, которые способны подтвердить то, что в «маленьком Гансе» является типическим. Так называемая ученая критика, поскольку она вообще сочла нужным ознакомиться с этими важными явлениями, и на этот раз взяла опять слишком быстрый темп: до сих пор еще не научились сперва проверять и только затем уже после проверки судить окончательно о работе.

Девочка, чутью и умственной живости которой мы обязаны нижеследующими наблюдениями, является здоровым и цветущим ребенком, обладающим живой эмоциональной конституцией. Ничем серьезным она никогда не хворала, никаких «симптомов» со стороны нервной системы не наблюдалось.

---

1) «Психоанализ детского страха», см. выпуск XXIII этой же библиотеки.

Интересы систематического характера в более живой форме появились у нее приблизительно на третьем году; она начала задавать вопросы и высказывать желания, конечно, в виде фантазий. В дальнейшем нам, к сожалению, придется отказаться от систематического изложения: наши данные представляют собою отдельные эпизоды, выхваченные из целого ряда сходных с ними происшествий; описание носит поэтому не строго научный, а художественный характер, от такого способа изложения мы, при теперешнем положении психологической науки, не в силах отказаться; нам еще очень далеко до возможности во всех случаях с полной уверенностью отделять курьезное от типического.

Условимся называть нашу девочку Аней. Однажды, когда ей было приблизительно три года, между ней и ее бабушкой завязался следующий разговор:

Аня. «Бабушка, отчего у тебя такие тусклые глаза?»

Бабушка. «А потому, что я уже старая».

Аня. «Слушай, ты ведь опять будешь молодой».

Бабушка. «Нет, милая, я буду все более и более становиться старой, а потом и умру».

Аня. «Ну, а потом?»

Бабушка. «Потом я превращусь в ангела».

Аня. «А потом ты опять станешь маленьким ребеночком?».

Ребенок находит здесь удобный повод к предварительному разрешению определенной проблемы. За последнее время она часто обращается к матери с вопросами такого рода: получит ли она живую куклу, ребеночка, напр., братца; за этими вопросами, конечно, сейчас же следуют вопросы о том, откуда происходят маленькие дети. Вопросы эти ребенок ставил совершенно безо всяких влияний со стороны и, между прочим, родители не придали им значения и отнеслись к ним так же легко, как, по их мнению, относилась к ним и сама девочка. Так, в один прекрасный день ей сказали в шутливом тоне, что детей приносит аист. В другой раз она услышала иную версию, несколько более серьезную: дети — это ангелочки, они живут на небе, и оттуда их приносит вниз на землю аист. Повидимому, эта теория и послужила исходной точкой для исследовательской работы маленькой девочки. В разговоре с бабушкой оказывается, что теория эта получает широкое применение; оказывается, что с ее помощью можно не только удовлетворительно разрешить неприятный вопрос о смерти, но и загадку о происхождении детей. Повидимому, Аня

мысленно говорит себе: когда человек умирает, он превращается в ангела, а потом он делается ребенком. Такого рода решения, убивающие зараз не менее двух зайцев, упорно держатся не в одной только науке, ребенок тоже расстается с ними не без известных потрясений. В этом наивном воззрении содержатся все элементы учения о перевоплощении, в которое — как известно — веруют до сих пор миллионы людей.

В жизни «маленького Ганса» поворотный пункт — рождение сестренки, в нашем случае эту роль играет появление братца, случившееся, когда Ане только что исполнилось четыре года. До сих пор проблема появления детей почти не затрогивалась, теперь после этого события она становится насущной. Беременность матери, повидимому, не обратила на себя внимания девочки: в этом смысле она не делала никаких замечаний. Вечером, незадолго до родов, когда у матери уже появились боли, девочка находилась в комнате у отца. Он взял ее на колени и спросил: «Послушай, что бы ты сказала, если бы у тебя в эту ночь появился братец?»—«Я бы его убила», тотчас последовал ее ответ. Слово «убила» кажется весьма страшным, но на деле оно имеет довольно невинное значение. В детском языке слова «убить» и «умереть» означают удаление (исчезновение), активное или пассивное, на что неоднократно указывал *Фрейд*. Мне как-то пришлось лечить 15-летнюю девушку, которой много раз в течение анализа совершенно самостоятельно приходило в голову все одно и то же представление: это была мысль о стихотворении Шиллера «Колокол»; однако она ни разу не читала этого стихотворения, как следует, и только однажды перелистала его; в настоящее же время ей вспоминается исключительно то, что речь шла о каком-то соборе. Дальнейших же подробностей она не помнит вовсе. Вот относящийся сюда отрывок:

«С соборной башни
Тяжко и тревожно
Колокола поют
Пе нь погребенья» и т. д
«Подземный темный князь
Уводит из объятий мужа
Его дра кайшую супругу,
Мать верную его детей», и т. д

Само собой разумеется, что дочь очень любит свою мать и ей и в голову не приходит думать о ее смерти. Все дело в следующем:

дочь и мать собираются поехать на пять недель к родственникам, в прошлом же году мать ездила одна, а дочь оставалась дома вместе с отцом. Она—единственный ребенок в семье и избалована. И вот теперь, к сожалению, маленькую «супругу» «уводят из объятий мужа», дочке же было бы гораздо приятнее, если бы были разлучены «верная мать» и ребенок.

Итак, слово «убивать» на языке ребенка вещь совершенно безобидная, а кроме того, надо учитывать и то, что наша девочка пользуется этим словом для обозначения самых разнообразных видов разрушения, удаления, уничтожения и т. п. Но все-таки сама тенденция, конечно, заслуживает внимания. (Ср. анализ «маленького Ганса», стр. 5.)

Под утро наступили роды. Присутствовали врач и акушерка. Когда все убрали и смыли все следы крови, отец пошел в комнату, где спала Аня. Она проснулась, как только он вошел. Отец сообщил ей новость о появлении братца. Аня приняла эту весть с изумлением, выражение ее лица приняло напряженный оттенок. Отец взял ее на руки и снес в комнату матери. В первый момент девочка бросила быстрый взгляд на мать, которая выглядела несколько бледной, а потом приняла какой-то смущенно-недоверчивый вид, точно она думала: «ну, что-то теперь будет?» (таково впечатление отца). При виде новорожденного она не проявила почти никакой радости, так что родители были даже несколько разочарованы: так холодно отнеслась она к братцу. Вплоть до обеда девочка почему-то избегала матери, что очень бросалось в глаза, так как обычно она от матери не отходила. Но выбрав момент, когда мать осталась в комнате одна, Аня подбежала к ней, обняла ее за шею и быстро прошептала: «Слушай, разве ты теперь не умрешь?»

Теперь нам становится отчасти ясен происходящий в душе ребенка конфликт; теория с аистом, очевидно, осталась без всякого действия, зато прочное впечатление оставила гипотеза о перевоплощении, согласно которой смерть одного человека сопровождается появлением на свет другого, но уже ребенка. По этой теории маме полагалось умереть — но в таком случае, могла ли Аня радоваться новорожденному? Мы не говорим уже о том, что пробуждающаяся детская ревность настраивает ее не в его пользу. И вот, выбрав удобный момент, она должна удостовериться, умрет ли мама или нет. Мама не умирает. Однако этот счастливый исход наносит тяжкий удар теории перевоплощения.

Но как же объяснить появление братца, как понять, откуда берутся дети? Оставалось только вернуться к теории аиста, которой она на словах никогда не отрицала, но отрицание которой все-таки подразумевалось в переходе к теории перевоплощения[1]).

Дальнейшие попытки объяснения, последовавшие непосредственно вслед за этими событиями, к сожалению, остались неизвестны родителям, так как девочка на несколько недель переехала к бабушке. Со слов последней выяснилось, что девочка неоднократно вспоминала аиста, конечно, под влиянием того, что окружающие говорили ей в таких случаях.

Когда Аня вернулась обратно к родителям, то в момент встречи с матерью в поведении ее опять проскользнуло какое-то смущение и недоверие, совсем как в день родов. И мать и отец это ясно почувствовали, хотя и не поняли причины. По отношению же к новорожденному она вела себя очень мило. За это время у ребенка появилась воспитательница, она носила особое форменное платье, так как принадлежала к особой общине; на девочку она произвела большое впечатление, на первых порах крайне отрицательное,— она во всем сильно сопротивлялась воспитательнице. Так, напр., она ни за что не хотела, чтобы воспитательница раздевала и укладывала ее в постель по вечерам. Но вскоре выяснилось, откуда происходило такое сопротивление: у постели братца произошла сцена, Аня с гневом закричала на воспитательницу: «это не твой братец, а мой». Но постепенно она с ней примирилась и начала даже сама играть в воспитательницу, изъявила желание иметь белую наколку и передник и ухаживала то за братцем, то за куклами. Нельзя было, однако,

---

1) Здесь нам могут задать вопрос, имеем ли мы право допускать, что у детей этого возраста вообще имеется интерес к подобного рода теориям. На это надо ответить, что дети напряженно интересуются всеми переменами в окружающей их обстановке, которые воспринимаются с помощью органов чувств. Это, между прочим, проявляется и в бесконечных вопросах, задаваемых детьми о самых различных предметах. А кроме того, необходимо на минуту снять с себя очки культурного человека, если мы хотим понять психологию ребенка: ведь рождение младенца и для всякого человека, пожалуй, самое важное событие. Однако для цивилизованного мышления утрачена значительная доля биологической единственности этого события, равно как и вообще сексуальности. И все-таки правильные биологические оценки, бывшие привычными в течение десятков тысячелетий, должны были сохраниться где-то в человеческом духе, в какой-то его сфере. Что может быть вероятнее того предположения, что у ребенка эти оценки еще существуют и что он проявляет их до тех пор, пока покров цивилизации не наброшен еще на примитивное мышление.

не заметить, что настроение ее как-то изменилось в сравнении с прежним, стало каким-то элегически-мечтательным. Аня часто подолгу сиживала под столом и пела какие-то длинные собственного сочинения, песни, частью непонятные, частью содержавшие выражение фантастических желаний на тему о воспитательнице («я воспитательница из общины Зеленого Креста»); было заметно, что в этих песнях прорываются и ищут выражения какие-то определенно тоскливые чувства.

Здесь мы встречаем новый, важный момент в жизни маленькой девочки: она начинает переживать какие-то мечты, какие-то приступы элегической настроенности, даже какие-то намеки на поэтическое творчество. Все это такие вещи, которые мы привыкли наблюдать совсем не в эту фразу жизни, а в более позднюю; в ту пору, когда юное человеческое существо собирается сорвать с себя оковы семьи и начать самостоятельную жизнь, но в то же время внутренно еще приковано к семье и не в силах расстаться с ней, так как испытывает тоскливые и щемящие ощущения при одной мысли об утрате родительского очага с его теплом и уютом. В эту пору начинается пополнение недочета за счет творческого воображения: недостающее компенсируется фантазией. Это сближение психологии 4-летнего ребенка с психологией периода полового созревания на первый взгляд может показаться парадоксальным: однако в данном случае сходство в механизме, к возрасту же оно не имеет никакого отношения. Элегические мечтания означают то, что известное количество любви подверглось интраверсии, т.-е. обращению внутрь, внутрь субъекта; прежде эта сумма любви была направлена на реальный объект, как и следовало; теперь, подвергшись интраверсии, эта любовь порождает усиленную деятельность фантазии [1]). Но ка-

[1]) Это вообще типический процесс, наступающий всякий раз, когда, в связи с житейскими препятствиями и невозможностью приспособиться к ним, происходит остановка в претворении либидо в реальную действительность. Наступает интраверсия: вместо активности, вместо деятельности, направленной на реальное, начинается усиленная работа фантазии: тенденция этой работы — устранение препятствий, по крайней мере, на первых порах хотя бы только чисто фантастическое устранение, при чем в дальнейшем может наметиться даже и определенное фактическое разрешение. Таково происхождение преувеличенных сексуальных фантазий невротиков, пытающихся преодолеть специфическое вытеснение, таковы же и типические фантазии заик об имеющемся у них большом ораторском таланте. (Что у них до известной степени существует право на таковой талант, это показывают ценные соображения *Адлера* (Adler) по вопросу о недостаточности органов.)

ково происхождение этой интраверсии? Является ли она характерным для этого возраста психологическим процессом или же она вызвана к жизни каким-нибудь конфликтом?

Это разъясняется следующими событиями. Аня довольно часто не слушается матери, проявляет упорство и говорит при этом: «я опять поеду к бабушке!».

Мать. «Мне будет грустно, если ты опять уедешь».

Аня. «Ах, с тобой останется братец!».

То впечатление, которое эта угроза девочки снова уехать производит на мать, показывает нам, куда собственно метила девочка: ей, очевидно, хотелось знать, как отнесется мать к этому ее проекту, а тем самым и как она вообще относится к ней; она хочет выяснить, не лишилась ли она любви матери, не вытеснил ли ее из сердца матери маленький братец. Однако нельзя принимать эту маленькую уловку так просто и без оговорок за чистую монету. Ведь девочка могла прекрасно видеть и чувствовать, что, несмотря на появление братца, отношение к ней ни в чем существенном не изменилось, что мать любит ее попрежнему. Так что ее упрек матери необоснован и это отражается и в некоторой аффектации ее тона, не ускользающей от чуткого слуха. И взрослые люди нередко говорят таким тоном. В таких случаях человек не рассчитывает, что к его тону отнесутся серьезно, и чувствует себя вынужденным еще более повысить его. Упрек этот, как таковой, матери, конечно, не приходится принимать всерьез, так как он только предвестник дальнейших и на этот раз более сильных сопротивлений. Вскоре после этого только что приведенного разговора, произошла следующая сцена:

Мать. «Поди сюда, мы пойдем сейчас в сад!»

Аня. «Ты лжешь, смотри, если ты сказала неправду!»

Мать. «Что с тобой? Конечно, я говорю правду».

Аня. «Нет, ты не говоришь правды».

Мать. «Вот ты увидишь, что я говорю правду, мы пойдем сейчас в сад».

Аня. «Это правда? Наверное, правда? Ты не врешь?».

Сцены подобного рода повторялись неоднократно. Тон теперь стал резким и подчеркнутым, а ударение на словах «ложь» и «неправда» указывало на какой-то особый затаенный смысл, неразгаданный родителями, так как в то время они и вообще не придавали никакого особого значения подобным проявлениям девочки. В этом отношении они, конечно, вели себя так, как это

вообще принято, совсем в духе современного официального воспитания.

Ведь обыкновенно к детям совсем не прислушиваются, обыкновенно их (в любом возрасте) опекают, точно невменяемых, чуть только дело коснется чего-нибудь существенного, все же остальное сводится к дрессировке, ведущей к автоматоподобному совершенству. За сопротивлением всегда кроется какой-нибудь вопрос, какой-нибудь конфликт, о чем мы и узнаем впоследствии по какому-нибудь другому поводу. Но мы обыкновенно забываем привести в связь между собой то новое, что мы узнали или услышали, с происшедшим ранее сопротивлением. Так, напр., некоторое время спустя Аня стала задавать матери такие трудные вопросы:

Аня. «Когда я буду большая, я хотела бы стать воспитательницей».

Мать. «Такое же желание было и у меня, когда я была маленькой».

Аня. «Вот как! Так почему же ты не стала воспитательницей?»

Мать. «Да потому что я сделалась мамой, у меня самой дети, которых я могу воспитывать».

Аня (задумавшись). «Неужели я буду другой женщиной, не такой же, как ты? Неужели я буду жить тогда в другом месте? Буду ли я тогда разговаривать с тобой?»

Опять мы видим по ответу матери, какова собственно была цель вопроса девочки [1]): Ане, очевидно, хочется получить ребеночка, чтобы воспитывать его и ходить за ним, вроде как это делает сестра-воспитательница. Ане совершенно ясно, откуда взялся ребеночек у сестры-воспитательницы, таким же образом и у нее самой, когда она станет большой, может оказаться ребеночек. Но почему мама не стала такой же воспитательницей,

---

[1]) Наш прием судить о цели вопросов ребенка по ответам матери может показаться парадоксальным и требует поэтому пояснений. *Фрейд* вскрыл всю проблематичность сознательных мотивов в наших желаниях, и это одна из его величайших психологических заслуг. Значение сознательного мышления в определении нашей деятельности вообще безмерно переоценивается; эта переоценка — последствие вытеснения влечений. По *Фрейду* критерием для психологии поступков является не сознательный мотив, а результат (но не физическое его значение, а психологическое). Это понимание проливает новый, биологически значительный свет на наши поступки. Не буду приводить примеров, ограничусь только указанием на то, что эта точка зрения имеет существенное значение для психоанализа и чрезвычайно ценна в эвристическом отношении.

относительно которой все было бы так же ясно и понятно? Т.-е. откуда у нее взялся ребенок, если он получен ею не тем же путем, как воспитательницей? Получить ребенка по способу воспитательницы, конечно, вполне возможно в будущем и для Ани, но совершенно неясно и непонятно, как это могло бы быть на иной лад, как она могла бы уподобиться матери в смысле способа получения ребенка. Отсюда вытекает полный раздумья вопрос: «Неужели я буду не такой женщиной, как ты?» И буду ли я во всех отношениях какой-то другой? Теория аиста явным образом никуда не годится; смерть тоже ничего не объясняет; значит ребенка можно получить, напр., по способу сестры-воспитательницы. Способ этот совершенно естественный, и она сама (Аня), вероятно, могла бы иметь ребенка с его помощью, но как же происходило это у мамы? Она—не воспитательница и все-таки у нее есть дети. С этой точки зрения Аня и задает свой вопрос: «Почему ты не стала воспитательницей?» Scilicet почему же ребеночек появился у тебя не таким же способом, вполне понятным и естественным? Эта своеобразная манера ставить вопросы в косвенной форме представляется типичной и, может быть, обусловливается неясным пониманием самой проблемы: так приходится объяснять эту форму, если не угодно думать, что ребенок прибегает к некоторой «дипломатической» неопределенности, избегая прямо ставить вопросы. В дальнейшем мы встретим кое-что, указывающее на то, что возможно и такое понимание.

Перед нами, очевидно, вопрос: «откуда появляются дети?». Ребенка принес не аист, мама не умерла и получила ребенка не по способу воспитательницы. Когда прежде она расспрашивала об этом отца, он сказал ей, что детей приносит аист; но это, несомненно, не так, она никогда этому не верила. Значит, папа и мама лгут, да и все остальные тоже. Мы видим теперь, как просто объясняется и ее недоверчивое настроение после родов матери и ее упреки по адресу мамы. Но, кроме того, раскрывается значение еще одного момента, а именно значение элегической мечтательности, которую мы решили свести на парциальную интраверсию. Теперь нам понятно, каков тот реальный объект, который должен был лишиться направленной на него любви, после чего эта любовь, став беспредметной, должна была подвергнуться интраверсии: объект этот — родители, которые лгут и не хотят говорить ей правды. (Что же это такое, если этого нельзя сказать? Что происходит при этом? Таковы, примерно,

те вопросы, которые несколько позже ребенок ставит как бы в скобках, между строк. Ответ получается следующий: «Значит это что-нибудь такое, что надо скрывать; может быть, это что-нибудь опасное.) Не удается и попытка вызвать на разговор мать и выманить у нее истину с помощью коварных вопросов: в результате сопротивлению противопоставляется сопротивление и с другой стороны, и начинается интраверсия любви. Вполне естественно, что у 4-летнего ребенка способность к сублимации развита еще очень незначительно и не в состоянии сослужить сколько-нибудь большой службы: психике поэтому приходится обращаться к компенсациям иного рода, приходится вернуться к какому-нибудь из давно уже оставленных инфантильных приемов борьбы за любовь, из которых самый излюбленный: крик по ночам и вызов матери. Этот прием уже усердно практиковался и был широко использован на первом году жизни. Теперь он появился вновь, однако, в соответствии с теперешним возрастом он уже сопровождался мотивировкой и был разукрашен свежими впечатлениями.

В это время как раз произошло землетрясение в Мессине, и за столом были разговоры об этом событии. Аня проявила крайний интерес к этому происшествию и постоянно заставляла бабушку рассказывать ей, как заколебалась земля, как стали обваливаться дома, сколько людей при этом погибло. С этого момента у нее каждый вечер стал появляться страх, она боялась оставаться одна, мать должна была приходить и сидеть с ней, так как она боялась, что произойдет землетрясение, обвалится дом и ее задавит. Мысли эти живо занимают ее и днем; на прогулках она изводит мать разными вопросами на эту тему: что будет с нашим домом, когда мы вернемся домой? Будет ли он цел? А папа? Будет ли он еще жив? Верно ли, что дома не произошло землетрясения? Наверное ли это так? О каждом камне, попадавшемся на дороге, она спрашивала, не от землетрясения ли он? Всякий строющийся дом казался ей руиной от землетрясения и т. п. В конце концов, она стала часто вскрикивать по ночам, кричала, что приближается землетрясение, что она уже слышит его раскаты.

По вечерам приходилось давать ей торжественное обещание, что наверняка не будет никакого землетрясения. Пробовали успокаивать ее самыми различными способами, напр., ей сказали, что землетрясения бывают только там, где существуют вулканы.

Но после этого потребовались новые доказательства, что горы в окрестности города—не вулканы. Это резонерство постепенно вылилось в крайне сильную любознательность, совершенно неестественную в таком возрасте; любознательность эта проявлялась таким образом, что, в конце концов, пришлось принести ей из библиотеки ее отца целый ряд атласов и геологических таблиц. Она целыми часами рылась в этих изданиях, рассматривала изображения вулканов, искала землетрясений и задавала бесконечные вопросы.

Здесь перед нами очень энергичная попытка сублимации страха в научное стремление, однако эта попытка решительно не по возрасту. Как это и вообще нередко делается по отношению к одаренным детям, которых мучит та же проблема, эту преждевременную сублимацию начинают поощрять, с ней начинают носиться, что, конечно, совсем не в интересах ребенка, так как, благоприятствуя сублимации в этом возрасте, мы только поддерживаем элементы невроза. В данном случае корнем научного стремления является страх, и этот страх, в свою очередь, является выражением конвертированного либидо, т.-е. интраверсии, которая уже успела стать невротической, что в этом возрасте и не отвечает действительным потребностям ребенка и не может быть благоприятным для его развития. Какова была в конечном счете цель этого научного влечения, становится понятным на основании целого ряда поднимавшихся почти ежедневно вопросов: почему Соня (так зовут ее младшую сестрицу) моложе, чем я? Где же Фриц (братец) был до рождения? Он был на небе? Что же он делал там? Почему он спустился вниз только теперь, а не раньше?

Все эти обстоятельства внушили отцу мысль, что мать должна сообщить девочке всю правду о происхождении братца, при чем для этого ей следовало воспользоваться каким-нибудь подходящим поводом.

Это и произошло вскоре, когда Аня как-то снова завела речь об аисте. Мать сказала ей, что рассказ про аиста — это неправда, а в действительности же Фриц вырос внутри мамы, наподобие того, как цветы вырастают из земли. Сперва он был совсем маленький и постепенно становился все больше и больше, как и растения. Девочка слушала очень внимательно, нимало не изумилась и вслед затем спросила: «Что же, он вышел сам собой?

Мать, «Да».

Аня. «Да ведь он даже ходить не может».

Младшая сестра Ани. «Значит, он выполз».

Аня (не обращая внимания на слова сестрицы). «А разве там (показывает при этом на грудь) есть дыра? Или он появился изо рта? Ну, а кто вырос из воспитательницы?»

Тут она перебила сама себя и воскликнула: «Нет, я знаю, что братца принес с неба аист». Затем, прежде чем мать успела ответить на последние вопросы, девочка оставила эту тему и выразила опять желание посмотреть на картинки с изображением вулканов. Весь вечер после этого разговора прошел совершенно спокойно. Внезапно полученное девочкой половое просвещение, очевидно, навязало ей целый ряд всевозможных догадок, что и отразилось в той поспешности, с которой она ставила свои вопросы. Теперь перед нею открылись новые и неожиданные перспективы, и она быстро подходит к главной проблеме, а именно, к вопросу: откуда появился ребенок? Из отверстия в груди или изо рта? Оба эти предположения являются иногда отправными пунктами целых теорий.

Случается, что этой теории—отверстия в стенке туловища и кесарского сечения—продолжают придерживаться даже молодые женщины, недавно вышедшие замуж. Это должно выражать особенно высокую степень невинности. Конечно, в этих случаях дело совсем не в невинности, а в инфантильных сексуальных проявлениях, поведших к тому, что естественные родовые пути получили в их глазах в дальнейшем дурную славу. В сущности говоря, мы должны бы дивиться тому, как может притти в голову ребенка подобная нелепая идея, что в груди существует отверстие, или что роды происходят через рот; почему же через рот, а не через одно из тех естественных отверстий в нижней части тела, из которых ежедневно выделяются соответствующие продукты? Однако это объясняется очень просто: ведь еще не так давно наша девочка проявляла повышенный интерес к этим двум отверстиям и к их своеобразным продуктам, при чем этот интерес далеко не всегда соответствовал требованиям опрятности и приличия, так что воспитательскому таланту матери было над чем потрудиться. Пора эта не за горами. В эту пору ей пришлось познакомиться с существованием особых исключительных законов, касающихся этой области тела; как впечатлительный ребенок она вскоре сообразила, что там в этой области что-то

«табу». Поэтому эта область и не может итти в счет; эту маленькую логическую ошибку нам нетрудно простить 4-летнему ребенку, когда мы вспомним о всех тех взрослых людях, которые нигде не усматривают ничего сексуального и не в состоянии усмотреть, несмотря на то, что вооружены сильнейшими очками. Наша девочка реагирует гораздо послушнее, чем ее маленькая сестренка, которая, надо сказать, проявила совершенно исключительные успехи в области интереса к моче и калу, обнаружив весьма сходные манеры также и за едой. Экцессы свои она всегда обозначала словом «весело»; но мать находила, что это «отнюдь не весело» и запрещала ей эти игры. Девочка с внешней стороны как будто бы пошла навстречу этим непонятным педагогическим капризам, но вскоре, однако, последовала ее месть. Как только за обедом появлялось какое-нибудь новое кушанье, она категорически отказывалась есть его на-ряду с другими и делала при этом замечание: «это невесело». С этого момента она отказывалась от всех, не совсем обычных кушаний, со словами: «это невесело».

Психология этого негативизма вполне типична и понять ее нетрудно. Эмоциональная логика здесь такова: «Вы находите, что мои «художества» вещь невеселая, вы требуете, чтобы я от них отказалась, в таком случае я буду так же относиться к вашим хваленым «художествам» и не буду принимать в них участия». Как и все подобные же, столь частые у детей, компенсации, так и эта компенсация строится на основании следующего детского принципа: «если мне больно, пусть вам будет еще больнее».

Сделав это отступление, обратимся снова к нашему случаю. Аня оказалась легко поддающейся внучкой и до такой степени приспособилась к культурным требованиям, что мысль о самом простом (в данном вопросе) приходит ей в голову лишь в последнюю очередь (таков, по крайней мере, ее разговор). Неправильные теории, занимающие место правильных воззрений, держатся у нее целыми годами, пока вдруг совершенно внезапно и извне она не получает соответствующее разъяснение. Поэтому неудивительно, что подобные теории, даже поощряемые родителями и воспитателями, в дальнейшем, если развивается невроз, делаются важными детерминантами симптомов, а в случаях развития психоза превращаются в бредовые идеи, как это доказано мною в моей психологии раннего слабоумия. То, что существовало в душе в течение долгих лет, всегда как-нибудь да наличе-

ствует в ней, хотя бы и скрываясь за компенсаторными явлениями, как будто иного характера или происхождения.

Еще не разрешен окончательно вопрос о том, откуда же выходит младенец, как уже навязывается новая проблема: итак, из мамы выходят дети, но как же обстоит дело у воспитательницы? Может быть, и из нее тоже вылез кто-нибудь? Но после этого вопроса сразу происходит перелом: «нет, нет, братца принес аист с неба». Что же тут особенного, что никто не появился на свет из воспитательницы? Мы вспоминаем, однако, что Аня идентифицировала себя с сестрой-воспитательницей и строит планы стать в будущем и сама воспитательницей, так как ей тоже хотелось бы иметь ребеночка, и ей кажется вполне возможным получить его на тот же лад, как его получила воспитательница. Но как быть теперь, когда стало известно, что братец вырос в маме, что теперь думать об этом?

Этот страшный вопрос тотчас же отбрасывается, и Аня снова хватается за старую теорию, в которой фигурируют аист и ангелочек, и в которую она, в сущности, никогда как следует не верила, но на этот раз эта теория после некоторых попыток остановиться на ней, окончательно сдается в архив. Теперь, однако, висят в воздухе два вопроса; один из них гласит: «Откуда появляется на свет младенец». Второй вопрос значительно труднее, вот он: «Как это так, что у мамы есть дети, а у воспитательницы и у прислуги нет детей?» В первое время, однако, эти вопросы больше не всплывали.

На другой день за обедом Аня вдруг, повидимому, без всякой связи, заявила следующее: «Мой брат в Италии, у него дом из материи (сукна) и стекла и этот дом не падает».

Как и всегда, и в данном случае нельзя было получить объяснения путем распросов, так как она всегда оказывает слишком большое сопротивление и ее внимания не удается фиксировать. Это заявление, сделанное всего один раз, производящее впечатление как бы чего-то официозного, чрезвычайно важно. В течение приблизительно трех месяцев дети заняты стереотипной фантазией на тему о взрослом «большом брате», который все знает, все может, у которого ни в чем нет недостатка, который был и есть везде и всюду, где они не бывали, и может делать все, что им запрещено. У каждой девочки есть такой большой брат и у него есть большие коровы, овцы, лошади, собаки

и т. п. [1]). Источник этой фантазии не приходится искать слишком далеко; отец представляет собой образец для фантазии: он ведь что-то вроде такого брата по отношению к матери. Такого могущественного брата поэтому должны иметь и дети. Брат этот очень смел, находится в настоящее время в опасной Италии и живет в очень «ломком, до невозможности хрупком доме, который все-таки не обваливается». Все это реализует очень важное для ребенка желание: землетрясение больше не представляет опасности. Страху и фобии в силу этого надлежит отпасть, и они действительно проходят. С этого момента боязнь землетрясения совершенно прекратилась. Вместо того, чтобы по вечерам звать отца к своей кроватке для успокоения страха, девочка проявляет больше нежности и просит отца по вечерам целовать ее. Чтобы испытать прочность создавшегося положения, отец показал девочке целый ряд новых фотографий вулканов и изображений последствий землетрясений. Но Аня отнеслась к ним холодно и равнодушно: «Это покойники! Это я уже много раз видела». Так же было дело и с фотографией вулканического извержения: для девочки во всем этом не было больше ничего привлекательного. Весь интерес к науке пропал, при чем столь же быстро, как и возник. Но в ближайшие дни после полученного ею разъяснения у нее, конечно, было занятие поважнее, она приступила к распространению новых знаний на окружающее, при чем вот каким образом: прежде всего еще раз было констатировано, что маленький Фриц вырос внутри мамы, а также и она и младшая сестренка; папа вырос в своей маме, мама—в своей, точно так же и служанка.

Желая убедиться в прочности этой новой для нее истины, Аня стремилась проверить ее целым рядом частых вопросов, так как предшествовавшие события сделали ее в порядочной степени недоверчивой, и, чтобы рассеять все сомнения, нужно было много раз подтвердить, что все это действительно так. На-ряду с этим время от времени случалось, что обе девочки опять вспоминали теорию с аистом и с ангелочками, однако, не всерьез, несколько нараспев рассказывая ее куклам.

Очевидно, новая истина оправдывалась, так как фобия исчезла. И только один раз случилось так, что эта уверенность чуть не пошла прахом. Дней через восемь после полученного ею разъяс-

[1]) Э.о — примитивное определение божества.

нения отец как-то до обеда пролежал в постели, так как захворал инфлуэнцой. Дети не знали о болезни отца; Аня пришла в спальню родителей и увидела нечто для нее непривычное: отец лежал в постели. Опять на ее лице отразилось изумление, она остановилась на значительном расстоянии от постели, не захотела подойти поближе; очевидно, испугалась и стала опять недоверчивой. Наконец она выпалила внезапно: «Почему ты в постели? У тебя, может быть, тоже растение в животе?»

Отец, конечно, расхохотался и успокоил ее, сказав, что в папе не могут расти дети, что у мужчин вообще детей не бывает, а только у женщин, после чего девочка тотчас же успокоилась и стала доверчивой. Но спокойствие было только наружным, в глубине же шла работа над все теми же проблемами. Прошло несколько дней, и Аня сообщила за столом, что «видела сегодня ночью во сне Ноев ковчег». Отец спросил, что же она собственно видела; в ответ Аня понесла какой-то вздор. В таких случаях необходимо просто выжидать и наблюдать, что будет дальше. Так оказалось и тут, через несколько минут она сказала бабушке: «Сегодня ночью я видела во сне Ноев ковчег, внутри него было много зверков». Затем наступила снова пауза, после чего она уже в третий раз приступила к рассказу: «Сегодня ночью я видела во сне ковчег Ноя, в нем было много зверков, а внизу была крышка, она открылась и все зверки вывалились». Эта фантазия для посвященного весьма ясная. У наших девочек действительно есть игрушечный ковчег, но отверстие в нем и крышка находятся сверху, на кровле, а не внизу. В сновидении содержится следующий тонкий намек: рассказ о том, что роды происходят через рот или через грудь—неверен; правда начинает чувствоваться: ребенок выходит снизу.

После этого прошло несколько недель без всяких сколько-нибудь заметных событий. Затем как-то она видела такое сновидение: «Я видела во сне папу и маму! Они долго сидели в кабинете, и дети тоже были вместе с ними». На поверхности здесь перед нами обычное детское желание, так же долго не ложиться спать вечером, как и родители. Здесь реализуется это желание, при чем оно маскирует другое гораздо более важное желание, а именно следующее: быть при том, как родители останутся вечером наедине, и, конечно, вполне невинным образом, в кабинете, где девочка видела столько интересных книг, где она утолила жажду знания, т.-е. стремилась разрешить жгучий вопрос, от-

куда появился на свет братец. Вот если бы дети были бы с родителями в кабинете, они бы узнали это [1]).

Через несколько дней Аня видела страшный сон и проснулась с криком: «Сейчас будет землетрясение, дом уже дрожит». Мать подошла к ней, успокоила и утешила ее, землетрясения не будет, все спокойно, все в доме спят. На это Аня крайне серьезно сказала: «Я хотела бы посмотреть на весну, как будут выходить цветочки, как весь луг будет полон цветов. Я хотела бы посмотреть на маленького Фрица, у него такое милое личико. Что делает папа? Что он говорит?» (Мать отвечает: «Он спит и ничего не говорит».) Тогда девочка говорит с насмешливой улыбкой: «Пожалуй, он опять будет болен завтра!»

Этот текст следует читать, начиная с конца. Последняя фраза была сказана несерьезно, насмешливым тоном: когда отец был болен в прошлый раз, Аня высказала подозрение, что у него «растение в животе». Смысл насмешки, повидимому, таков: у папы-то завтра, пожалуй, будет ребенок? Но сказано это, конечно, несерьезно: не у папы будет ребенок, дети могут быть, ведь, только у мамы, а у нее вот действительно завтра, может-быть, опять будет ребеночек. Откуда же он появится? «Что делает папа?» Здесь всплывает определенно формулировка трудной проблемы: что же такое делает отец, если он не рождает детей? Девочке слишком сильно хочется получить разъяснение всех ее вопросов; хочется знать, как появился на свет маленький Фриц; хочется видеть цветочки и как они весной появляются из земли. И все эти желания скрываются за страхом, что случится землетрясение.

После этого интермеццо Аня спала спокойно до утра. Утром мать стала ее спрашивать: «Что это такое было с тобой сегодня ночью?» Девочка ничего не помнила и думала, что видела только следующее сновидение: «Мне снилось, что я могу сделать лето, и кто-то вдруг после этого бросил в клозет Петрушку».

В этом странном сне, очевидно, две различных декорации, два действия, отделенные словом «вдруг». Материал для второй части связан с недавним желанием иметь Петрушку, т.-е. куклу мужского пола (подобно маме, у которой есть мальчуган). Кто-то кидает Петрушку в клозет. В клозет же обычно спускают совсем

---

1) Это желание сидеть до глубокой ночи у отца и матери нередко впоследствии играет роль во время невроза. Обычно желание это преследует цель: помешать половому акту родителей.

другое. *Вот так же, как это выходит в клозете, так выходит наружу и ребеночек.* Итак, тут мы имеем полную аналогию с «Lumpf»-теорией «маленького Ганса». Если в одном сновидении встречается несколько сцен, то обыкновенно каждая такая сцена представляет собою особый вариант обработки комплекса. Так и в данном случае первая часть только вариант темы, общей для обеих частей. Мы уже видели выше, что это значит: «видеть весну» или «видеть, как выходят цветочки». Теперь Ане снится, что она «может делать лето», т.-е. сделать так, чтобы появились цветочки; снится, что она сама может сделать ребеночка; вторая же часть сновидения говорит о том, что делается это так же, как в клозете. Здесь перед нами эгоистическое желание, скрывающееся за теми интересами, о которых речь шла ночью и которые казались совершенно объективными.

Несколько дней спустя у Анниной матери была в гостях дама, ожидавшая вскоре разрешения от бремени. Дети как будто, ничего и не заметили.

Но на другой день, тайком от родителей они потешались над этим и играли в особую игру: они вытащили все старые газеты из корзины отца и набили себе этими газетами толстые животы, несомненно, имитируя виденное накануне. Ночью у девочки был следующий сон: «Я видела во сне женщину в городе, у нее был толстый-толстый живот». В сновидениях главным действующим лицом всегда бывает тот, кто переживает это сновидение, правда, всегда в каком-нибудь особом аспекте; в данном случае игра, которой накануне забавлялись дети, получает свое исчерпывающее объяснение.

Некоторое время спустя Аня поразила мать следующим зрелищем: она подсунула себе под юбки куклу, потом осторожно вытащила ее, головой вниз, и сказала: «Смотри, вот ребеночек выходит, вот он совсем вышел». Этим она хотела сказать: «Видишь, я так понимаю роды, а ты что думаешь? Так ли это?» Смысл игры заключался, как мы увидим дальше, в требовании Ани дать ей официальное подтверждение верности этого ее понимания родов.

В течение следующих недель у Ани то и дело появлялись разные фантазии, указывавшие на то, что обдумывание проблемы родов все еще продолжается. Так, через несколько дней, игра повторилась, при чем роль ребенка играл медведь, любимая кукла девочки. Однажды, показывая на розу, она сказала ба-

бушке: «Смотри, у розы будет ребеночек». Бабушка не могла вполне согласиться с этим; Аня показала ей тогда несколько вздутую чашечку: «Смотри, она стала в этом месте совсем толстая».

Как-то Аня поссорилась с сестренкой, и эта последняя сердито крикнула ей: «Я убью тебя!», на что Аня возразила: «Если я умру, ты будешь совсем одна, и тебе придется молить Бога, чтобы он дал тебе живого ребеночка». Тотчас сцена изменилась; Аня стала ангелом, сестренка должна была встать перед ней на колени и просить ее подарить ей живого ребеночка. Так Аня превратилась в мать, подающую детей.

Как-то за столом к дессерту были поданы апельсины. Аня с нетерпением стала просить себе апельсин и сказала: «Я возьму апельсин и проглочу его целиком, совсем глубоко в живот, и получу потом ребеночка».

Ну, как тут не подумать о сказках, в которых рассказывается про бездетных женщин, которые, в конце концов, становятся беременными, проглотив плоды, рыбу или что-нибудь в этом роде [1]). В данном случае Аня сделала попытку разрешить вопрос, каким образом, собственно, дети оказываются внутри матери? Здесь она ставит вопрос, до сих пор еще ни разу не формулированный ею с такой остротой. Разрешает она его в форме сравнения, свойственной и вообще архаическому детскому мышлению. (И взрослый человек мыслит этим же способом в пределах душевного слоя, лежащего непосредственно под сознательным. Сновидения заставляют всплывать на поверхность подобные уподобления; то же самое происходит и при раннем слабоумии.) Характерно, что подобные детские сравнения довольно часто встречаются как в немецких сказках, так и в сказках многих других народов. Сказки, повидимому, представляют собою детские мифы, поэтому в них на-ряду с прочим содержится также и мифология, которую создает себе ребенок по поводу явлений сексуального характера [2]). Поэзия сказок действует

---

[1]) Ср. Riklin. Wunscherfüllung und Symbolik im Märchen. F. Deutike. Wien.

[2]) Сказка — миф ребенка,—это формула слишком уже сокращенная. Носительницей сказок является прежде всего мать, ей известны действительные сексуальные отношения и она во всяком случае не делает сознательного перевода их на язык символов. Да и бессознательный перевод этих отношений в символы едва ли осуществляется когда-либо в наши времена; символика сложилась вполне прочно, имеет за собой вековую давность и во всех древнейших источниках встречается почти в тождественном виде. Целый ряд символов, несомненно, заимствован сказ-

чарующим образом и на взрослого человека; это, может быть, в известной мере обусловливается тем, что в нашем бессознательном продолжает жить немало древних теорий. Кому не знакомо то совершенно своеобразное и таинственное чувство, которое возникает в нас, когда что-нибудь смутно (чисто эмоционально) напомнит нам наше самое раннее детство!

Проблема о том, как ребенок очутился внутри матери, представляет большие затруднения и трудно разрешима. Ведь в наше тело проникает только то, что попадает в рот; поэтому можно предположить, что мать съела нечто вроде какого-нибудь плода, который потом вырос внутри тела. Однако, возникает дальнейшее затруднение, именно следующее: теперь известно, что детей производит на свет мать, но неизвестно, зачем же тут собственно отец. Это давняя привычка нашего ума приводить в связь две неизвестные величины и, при выяснении значения одной из них, принимать в расчет и другую.

И вот у ребенка очень скоро укрепляется убеждение, что отец принимает какое-то участие во всем этом деле, при чем, главным образом, потому, что все еще остается неясным, как дети попадают в тело матери, остается невырешенной проблема, как возникают дети.

Что делает отец? Теперь Аню занимает исключительно этот вопрос. Однажды утром она прибежала в спальню к родителям и застала их за утренним туалетом, она прыгнула на постель отца, легла на живот и стала болтать ногами. При этом она воскликнула: «Так делает папа? Верно?» Родители усмехнулись и не ответили на этот вопрос, так как они гораздо позже сообразили, что за смысл могло иметь подобное представление. Прямо изумительно, однако, сходство с лошадью, делающей шум ногами, о которой говорил «маленький Ганс».

После этого случая разработка всей этой проблемы, повидимому, совершенно остановилась, по крайней мере, родителям не пришлось сделать каких-либо дальнейших наблюдений. Что остановка в развитии проблемы произошла именно в этот мо-

ками из суеверных обычаев, утративших былое обрядовое значение. Наши толкования в единичных случаях могут, конечно, быть и не совсем правильными, но тем не менее не подлежит сомнению, что существенная часть символики сказок носит сексуальный характер. Время возникновения символов довольно отдаленное; это — эпоха инфантильного, т.-е. аналогизирующего мышления. С тех пор сменилось, однако, не более 100 культурных поколений.

мент, неудивительно, так как здесь был затронут самый трудный пункт. А кроме того, опыт показывает, что мало детей переходит эту границу уже в детском возрасте. Проблема слишком трудна для детского интеллекта, так как у ребенка нет целого ряда необходимых сведений, без которых неразрешима эта проблема. Ребенок ничего не знает о семени, не знает также и о половом сношении. И рисуется только одна возможность: мать что-нибудь съедает, так как только таким образом что-нибудь может попасть внутрь тела. Но что же при этом делает отец? Частые сравнения с сестрой-воспитательницей и другими незамужними женщинами, очевидно, не прошли даром. Аня должна была на их основании сделать вывод, что существование отца имеет значение. Но что же он делает? И маленький Ганс и Аня полагают, что здесь что-то делается ногами.

Затишье в разработке вопроса продолжалось приблизительно пять месяцев и в течение этого времени не наблюдалось никаких фобических симптомов и вообще никаких признаков обработки комплекса. По истечении же этого срока появились предвестники событий. Семья Ани жила тогда на даче, на берегу озера, в котором детям разрешалось купаться вместе с матерью. Аня боялась входить в воду дальше, чем по колено, и тогда отец как-то взял и внес ее в воду, что повело, однако, к страшному крику. Вечером, укладываясь спать, Аня спросила мать: «Послушай, папа хотел утопить меня»?

Через несколько дней она опять сильнейшим образом расплакалась. Она подошла к садовнику и так долго не отходила от него, что он, в конце концов, в шутку посадил ее в небольшую, только что вырытую им яму. Аня принялась жалобно кричать и после уверяла, что садовник хотел зарыть ее.

В довершение всего она как-то ночью проснулась в страхе и с криком. Мать вошла к ней в комнату и успокоила ее. Ане приснилось, что «там наверху проезжает поезд и рушится вниз».

Итак, перед нами та же история, что и ломовая телега «маленького Ганса». Эти события определенно указывают на то, что в воздухе снова запахло страхом, т.-е., что снова появилось препятствие для перенесения на родителей, вследствие чего значительнейшая доля любви подверглась конверсии в страх. На этот раз недоверие направлено уже не на мать, а на отца, который, конечно, знал в чем дело, но никогда не проронил по этому поводу

ни слова. Что же он такое затеял, что он делает? Эта тайна представляется ребенку, как нечто очень опасное, так что, очевидно, необходимо опасаться самого худшего со стороны отца. (Подобный страх, такую же настроенность против отца у взрослых мы встречаем при раннем слабоумии, при чем во вполне ясно выраженной форме; вообще получается такое впечатление, будто это заболевание находится в согласии с психоаналитическими принципами и снимает покров с очень многих бессознательных процессов.) Поэтому Аня и приходит к повидимому столь нелепому предположению, что отец хочет утопить ее.

Тем временем Аня несколько подросла, и ее интерес к отцу принял особый оттенок, с трудом поддающийся описанию. Трудно найти в нашем языке подходящие слова, чтобы описать эту совершенно своеобразную форму нежного любопытства, написанного на лице ребенка.

Как раз в это время дети придумали одну любопытную игру. Едва ли это было случайно. Две самые большие куклы были возведены в ранг бабушек, и началась игра в «больницу», при чем роль больничного здания играла беседка в саду. Туда они отнесли бабушек, положили их там и оставили на ночь. В данном случае «бабушка» до последней степени напоминает фигурировавшего в прошлом «большого брата». Представляется весьма вероятным, что «бабушка» эта просто замещает мать. И вот девочка, следовательно, приступает уже к устранению матери[1]). Возникновению этого намерения могло способствовать и то, что мать опять подала ей повод к тому, чтобы относиться к ней несколько пренебрежительно.

Было это вот как: садовник разбил большую площадку и стал засевать её травой. Аня с великим удовольствием помогала ему в этой работе, повидимому, совершенно не чуя глубокого значения этой «детской игры». Прошло дней четырнадцать. Аня часто приходила и с радостью смотрела на молодую пробиваю-

[1]) Тенденция удалить мать обнаружилась еще и по следующему поводу: в играх девочек беседка играла роль квартиры, в которой они как бы поселились вместе с куклами. Важной принадлежностью всякой квартиры является клозет, каковой, конечно, должен был найти свое место и в этой квартире. Соответственно этому дети начали отправлять свои потребности в одном из уголков беседки. Мать, конечно, должна была расстроить эту иллюзию и запретила подобную игру. Вскоре ей пришлось услышать следующее объяснение: «Когда мама умрет, то мы каждый день будем делать в беседке и ежедневно надевать воскресные платья».

щуюся травку. Однажды она явилась к матери и спросила ее: «Скажи мне, как росли глаза в голову?» Мать ответила, что она не знает этого. Но Аня стала продолжать свои вопросы и пожелала знать, известно ли это богу и папе, и почему бог и папа все знают? Мать предложила ей обратиться к отцу и спросить у него, как это происходит, что глаза врастают в голову. Несколько дней спустя вся семья была в сборе за столом, только что окончился обед, и все собирались расходиться по своим делам. Отец несколько задержался, читая газету, осталась тут же и Аня. Внезапно она подошла к отцу и спросила: «Скажи мне, каким образом глаза росли в голову?»

Отец. «Они вовсе не росли в голову, а с самого начала были в ней и выросли вместе с головой.

Аня. «Разве глаза не посадили (как растения)»?

Отец. «Да нет! Они выросли в голове, так же как и нос».

Аня. «А рот и уши тоже так выросли»?

Отец. «Да, все это выросло так же».

Аня. «И волосы так же? Ведь маленькие мышки появляются на свет совсем голые. Где же до этого были волосы? Нет ли для них семячек?

Отец. «Нет, знаешь, волоса выходят из очень маленьких зернышек, вроде семячек; но эти зернышки уже сидят под кожей и их никто не посеял».

Здесь отец почувствовал себя в несколько затруднительном положении. Он догадывался, чего хотела девочка, куда она метила; итак, теория с семенами вошла в обиход ее мыслей, она вывела ее, наблюдая самоё природу, при чем сама форма теории была столь дипломатична и удобна, что отец решил не разбивать всей теории только потому, что в данном случае девочка применила ее неправильно; к тому же и тон девочки был так необычен и серьезен, что отнестись к ее вопросам невнимательно было совершенно невозможно.

Аня (явно разочарованная, сокрушенным тоном): «Но как же маленький братец попал внутрь мамы? Кто же его туда вклеил? И кто вклеил тебя в твою маму? И где же он вышел наружу?»

Весь этот поток вопросов вырвался совершенно внезапно, отец выбрал последний из них для ответа.

«Подумай, ты видишь, ведь маленький Фриц — мальчик; из мальчиков потом выходят мужчины, из девочек—женщины; детей

могут иметь только женщины, но не мужчины. Теперь подумай, где же мог выйти наружу маленький Фриц?»

Аня (засмеялась, радостно возбужденная, и показала на свои половые органы): «Значит, он вылез отсюда»?

Отец. «Ну, конечно, ведь и сама ты так думала?»

Аня (не слышит вопроса, поспешно): «Но как маленький Фриц попал внутрь мамы? Его тоже посадили как растение? Посадили семячко?»

Этот вопрос был слишком определенен и отец почувствовал, что на этот раз он не в силах дать уклончивый ответ. Он объяснил ребенку, что мать играет роль почвы, а отец—роль садовника, отец дает семена, а у матери семена возрастают, и таким способом получается младенец. Аня слушала с величайшим вниманием. Ответом этим она была чрезвычайно довольна, тотчас же бросилась к матери и воскликнула: «Папа мне все рассказал, я теперь все знаю». Но что она знала, она не сказала.

Уже на следующий день она сыграла на своих новых познаниях. Придя к матери, она сказала ей: «Мама, подумай, папа рассказал мне про Фрица: он был ангелочком и аист принес его с неба». Мать, конечно, очень удивилась и сказала: «Не может быть, папа не мог сказать этого». Девочка же засмеялась и убежала.

Это была, несомненно, месть. Мать не знала или не хотела знать, как выросли на голове глаза; она, в конце концов, может быть, не знает даже и того, каким образом врос в нее Фриц. Можно поэтому преспокойно провести ее, рассказать ей эту старую историю. Она, пожалуй, даже поверит.

Теперь девочка успокоилась, так как знания ее обогатились, и трудная проблема разрешилась. Но главная польза была в том, что создались более интимные отношения с отцом, нисколько, однако, не умалявшие ее умственной независимости. Отец, правда, был встревожен, он чувствовал себя несколько не по себе при мысли, что он выдал ребенку $4^1/_2$ лет такую тайну, которую другие родители тщательно скрывают. Понятно, что его тревожило, как девочка воспользуется своими знаниями? Не начнет ли она болтать, не будет ли слишком широко пользоваться своими знаниями? Ведь ей ничего не будет стоить начать просвещать своих сверстниц или с наслаждением играть роль enfant terrible перед взрослыми. Однако все эти опасения оказались совершенно неосновательными. Аня никогда, ни разу, ни слова не проронила об этом. Разъяснение, данное девочке,

достигло цели и в том отношении, что все вопросы прекратились, проблема, так сказать, затихла. Но, конечно, в бессознательном сохранился интерес к загадке появления людей на свет. Несколько недель спустя после разъяснения Аня рассказала следующий сон: ей снилось, что она в саду, и что около деревьев было несколько садовников, которые мочились; среди них был и отец.

Мы узнаем нерешенную еще до сих пор проблему: как отец это делает?

В это время в квартире появился слесарь, которого позвали исправить какой-то тугой ящик; Аня стояла подле и смотрела, как он обтесывал ящик. Ночью же у нее было такое сновидение: слесарь обтесывает ей половые органы.

Это сновидение нетрудно истолковать в том смысле, что Аня задает себе вопрос: все ли у меня в порядке? Не надо ли сделать чего-нибудь вроде того, что сделал слесарь, чтобы у меня все было в порядке? Подобное предположение указывает на то, что в настоящий момент эта проблема в сильной степени занимает бессознательную сферу девочки, подвергаясь бессознательной переработке; причина—наличность каких-то неясностей. Что это действительно так, обнаружилось при первой же возможности; произошло это через несколько месяцев, незадолго до того дня, когда ей исполнилось пять лет. Тем временем и младшая сестрица Соня тоже доросла до этих же вопросов. Надо сказать, что она присутствовала при том разговоре, во время которого Ане было дано некоторое разъяснение, в периоде боязни землетрясения. Она даже сделала одно замечание, как будто говорившее о понимании ею того, о чем шла речь (ср. выше). Однако она ничего не поняла. Это вскоре обнаружилось. У нее появились периодические приливы нежности по отношению к матери: она ходила за матерью по пятам, но в то же время она была довольно непослушна и раздражительна. В один из таких дурных дней ей вдруг захотелось опрокинуть колыбель маленького братца. Мать запретила ей это, тогда она разразилась громким ревом. И, громко рыдая, она внезапно сказала: «Я же совсем не знаю, откуда берутся маленькие дети». Ей, конечно, тотчас же дали такое же разъяснение, какое прежде было дано и старшей девочке. На этом, повидимому, проблема у неё остановилась. Так продолжалось несколько месяцев. Потом опять стали выпадать дни, когда она делалась плаксивой, когда у нее портилось настроение. Но вот однажды она совершенно неожи-

данно обратилась к матери с таким вопросом: «Разве Фриц был у тебя в животе?»

Мать. «Да».

Соня. «И ты его выдавила?»

Мать. «Да».

Соня (быстро). «Там внизу?»

Тут она употребила такое детское выражение, которое обозначает и половой орган и задний проход.

Соня. «И тогда его спустили вниз?»

Выражение «спустили вниз» относится к механизму ватерклозета, очень интерессовавшему детей: в клозете «спускают вниз» экскременты.

Аня. «Разве Фриц был в рвоте?»

У Ани вечером как раз была рвота в связи с легким расстройством пищеварительного тракта.

После паузы в несколько месяцев Соня снова принялась за все эти вопросы и захотела еще раз удостовериться в верности данного ей разъяснения. Это, повидимому, указывает на то, что у нее возникали сомнения в верности слов матери. Судя по содержанию вопросов сомнения были обусловлены недостаточно ясным объяснением акта рождения. Выражение «выдавливать» наши дети применяют для обозначения дефекации. Это выражение указывает на тот путь, которым пойдет у Сони развитие теории. Её вопрос, не был ли Фриц «спущен вниз», указывает, что она вполне отожествляет братца с экскрементами: отожествление это заходит так далеко, что граничит с забавным. По этому поводу Аня делает странное замечание, спрашивает: «Разве Фриц был в рвоте?» Рвота, бывшая у нее накануне вечером, произвела на нее сильное впечатление. Рвоты у нее не было со времени самого раннего детства: с тех пор это был первый случай. Ведь и таким путем возможно выхождение чего-либо из внутренних частей тела. До сих пор мысль об этой возможности не приходила ей, как следует, в голову. (Она подумала об этом лишь, когда возник вопрос об отверстии в стенке туловища: тогда ей пришла было в голову мысль о рте.) Делая такое замечание, она решительно уклоняется в сторону от теории экскрементов. Почему же она не догадывается сразу, почему не думает сразу о половых органах? Последнее рассказанное ею сновидение дает возможность найти те основания, которые, по всей вероятности, сыграли здесь роль: в половых органах есть что-то

непонятное для нее; там что-то должно быть сделано для того, чтобы дело «пошло». А может быть, все это происходит и иным путем, не с помощью половых органов? Может быть, семя, из которого происходит ребенок, попадает в тело через рот, как и кушанья, а ребенок появляется затем наподобие рвоты.

Итак, механизм родов в деталях продолжает все еще оставаться загадочным.

Поэтому мать еще раз внушила Ане, что ребенок действительно выходит снизу. Приблизительно через месяц Аня вдруг рассказала следующее сновидение:

«Мне снилось, будто я была в спальне у дяди и тети. Оба они лежали в кровати. Я сняла с дяди одеяло, села ему верхом на желудок и стала подскакивать [1]).

Об этом сновидении она заговорила как-то совершенно неожиданно: такое, по крайней мере, получалось впечатление. В то время дети уже несколько недель жили на даче, а отец, задержанный делами в городе, как раз в этот день приехал к ним на побывку. Аня была с ним особенно нежна. Отец спросил ее в шутку: «Хочешь поехать со мной в город вечером?» Аня: «Да. А можно мне будет спать с тобой вместе?» В этот момент она с нежностью прижала к отцу, взяв его под руку, при чем сделала она это точь в точь, как это иногда делает мать. А через несколько мгновений она рассказала это сновидение. Незадолго до этого разговора она несколько дней провела в гостях у тети, упоминаемой в этом сновидении [2]). Она с радостью собиралась в гости к тете, так как была вполне уверена, что встретится там с двумя маленькими кузенами, которыми она искренно интересовалась. Но, к сожалению, их там не оказалось, чем Аня очень была огорчена и разочарована. В настоящей ситуации, очевидно, должно было быть нечто близкое по содержанию к теме сновидения, иначе непонятно, почему это сновидение внезапно всплыло в памяти в настоящий момент. И действительно, имеется совершенно ясное сходство между содержанием сна и ее теперешним разговором с отцом. Дядя—человек уже довольно пожилой, наша девочка знает его не очень близко, встречалась с ним всего несколько раз, да и то изредка. В сновидении образ этого дяди

---

1) Аня употребила здесь непереводимое выражение (на диалекте: «uf und abgjuckt»), его смысл: производить ритмическое подскакивающее движение в вертикальном направлении.

2) С тех пор как она видела это сновидение, прошло тоже несколько дней.

представляет собой выполненное lege artis замещение отца. Само сновидение представляет собой компенсацию, компенсирует ее за пережитое накануне разочарование: она находится в постели отца. Вот где tertium comparationis с настоящей ситуацией. Вот почему в этот момент она внезапно вспоминает это сновидение. В этом сновидении она повторяет одну игру, которую она часто проделывала в (пустой) кровати отца: езду верхом и болтание ногами, в игре она делала это на матраце. Игра эта связана с вопросом: как делает это папа? так? (см. выше). В настоящий момент ей тоже пришлось испытать разочарование—отец ответил ей на ее вопрос: «ты будешь спать в соседней комнате». И вслед за этим всплывает воспоминание о сновидении, однажды уже принесшем ей утешение после испытанного ею эротического разочарования. В то же время в сновидении этом имеется существенное уточнение теории: это происходит в кровати и с помощью указанных выше ритмических телодвижений. Она говорит, что садится дяде на желудок: есть ли здесь какая-нибудь связь со рвотой, это пока еще не ясно.

Таковы наблюдения по настоящее время. Ане теперь несколько более пяти лет и, как мы видели, ей уже известен целый ряд важнейших фактов в области половой жизни. Однако каких-либо дурных влияний этих знаний на ее характер или нравственность не последовало. О благоприятном же терапевтическом эффекте мы уже говорили. Из всего этого сообщения вытекает, что и младшая сестра, очевидно, тоже будет нуждаться в сексуальном просвещении, при чем приступить к нему придется лишь тогда, когда эти вопросы у нее возникнут сами собой. Пока они не назрели, все разъяснения, повидимому, совершенно бесполезны.

Я не сторонник того, чтобы сексуальное просвещение детей производилось в школе, и вообще не сторонник какого-либо механического общего для всех способа этого просвещения. Поэтому я не могу советовать в этом вопросе что-либо положительное и общеобязательное. На основании приводимого мной материала я могу сделать только один вывод: надо брать детей такими, каковы они в действительности; надо перестать видеть в них только то, что мы хотели бы в них видеть; а воспитывая их, надо сообразоваться не с мертвыми правилами, а с естественным направлением развития. Если подобное требование не должно остаться фразой, то есть один только путь выполнить его: этот путь — психоанализ. Что он способен дать нам, мы видим по нашему фрагменту из истории развития души ребенка.

ЗНАЧЕНИЕ ОТЦА В СУДЬБЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Д-р Юнг, Цюрих (C. G. Jung).

Ducunt volentem fata,
nolentem trahunt.

Психосексуальные отношения ребенка к родителям, и в особенности к отцу, имеют решающее значение по отношению и содержанию невроза, развивающегося у этого ребенка в его дальнейшей жизни; на это обстоятельство *Фрейд* обращал наше внимание неоднократно [1]) с полной определенностью и ясностью. Действительно, отношение к родителям — это тот инфантильный канал par excellence, в который устремляется обратно либидо [2]) взрослого человека, если оно наталкивается на препятствия в жизни; подобное устремление либидо ведет к тому, что снова оживают давным-давно забытые сновидения времен детства. Так ведь и всегда бывает в жизни, когда приходится отступить перед каким-либо крупным препятствием, перед угрозой слишком горького разочарования или слишком рискованным и ответственным решением; в подобных случаях волевая энергия, накопленная было для решения задачи, бессильно устремляется обратно и заполняет побочные рукава, каналы примитивной системы, не употреблявшиеся уже, так как они перестали соответствовать целям взрослого индивида. Кому не удается счастье любви к женщине, — а это ведь лишает мужества, — тот возвращается обратно и хватается за суррогат мечтательной дружбы, онанизма, религиозности, а если такой разочарованный человек сверх того и невротик, то он идет еще дальше назад, он возвра-

---

1) См. особенно Freud. Die Traumdeutung. II Auflage. Deuticke. Wien. 1909.

2) Libido, это — то, что старые психиатры называли «хотением» («Wollen») и «стремлением» («Streben»). Выражение *Фрейда* представляет собою denominatio a potiori.

щается к тем своим связям времен детства, которых он никогда не покидал совсем и целиком, и к которым и нормальный человек привязан столькими нитями: к отношениям к отцу и матери. Каждый сколько-нибудь основательно проведенный психоанализ обнаруживает более или менее ясно эту регрессию («R e g r e s s i o n»). Здесь отмечается однако, та особенность, что отношение к отцу, повидимому, превалирует, имеет более веское значение; обстоятельство это ярко оттенено и в работах и воззрениях *Фрейда*. И вот с этим значением отца в образовании детской психосексуальности мы встречаемся опять в совсем уже другой области, в области генеалогических исследований целых семейств [1]). Новейшие фундаментальные исследования в этой области обнаруживают доминирующее влияние отцовского характера в семьях, часто могущее быть прослеженным на протяжении целых столетий. Материнское влияние в семье, повидимому, гораздо менее значительно. Если это обнаруживается даже в сфере наследственности, то мы, конечно, в праве ожидать несравненно более ясных проявлений того же самого в сфере тех психологических влияний, которые исходят от личности отца. Правомерность этой точки зрения выяснилась для меня окончательно не только в связи с вышеизложенными данными, но в очень порядочной степени была обусловлена результатами одного психоанализа, проведенного мною совместно с доктором *Гроссом* (Otto Gross). Разработка этого вопроса значительно подвинулась вперед и углубилась в связи с исследованиями моей ученицы, д-ра *E. Фюрст* (E. Fürst), установившими однообразие типа реакций [2]) в пределах одной и той же семьи. *Фюрст* проделала ассоциативный эксперимент с 100 испытуемыми, принадлежавшими к 24 семьям. Из всего этого обширного материала по настоящее время успели подвергнуться обработке и изданы только результаты опытов, относящихся к 9 семьям с 37 испытуемыми (все

---

[1]) S o m m e r. Familienforschung und Vererbungslehre. Barth. Leipzig. 1907.— J o e r g e r. Die Familie Zero. «Arch. f. Rassen - und Gesellschaftsbiologie». 1905.— M. Z i e r m e r (Pseudonym). Genealogische Studien über die Vererbung geistiger Eigenschaften. «Arch. f. Rassen - und Gesellschaftsbiologie». 1908.

[2]) E. F ü r s t. Statistische Untersuchungen über Wortassoziationen und über familiäre Uebereinstimmung im Reaktionstypus bei Ungebildeten. X Beitrag der diagnostischen Assoziationsstudien, herausgegeben von Dr. C. G. Jung. «Journal für Psychologie und Neurologie». 1907. Bd IX. (Erscheint später im II Band der angegebenen Sammlung).—C. G. J u n g. Associations d'idees familiales. «Arch. de Psychologie» T. VII. 1907.

они субъекты неинтеллигентные, без образования). Однако точность произведенных вычислений дает нам уже и в настоящий момент возможность сделать некоторые довольно интересные выводы. Ассоциации были классифицированы согласно классификационной схеме *Крепелина-Ашаффенбурга* (Kraepelin-Aschaffenburg), которую я несколько упростил и видоизменил, а затем были вычислены различия в разных качественных группах для разных испытуемых. В конце концов, получились средние величины различия в типе реакций вообще. Результат получился следующий:

Мужчины, не связанные родством, диффрируют между собой на . . 5,9
Женщины, не связанные родством, диффрируют между собой на . . 6,0
Мужчины-родственники диффрируют между собой на 4,1
Женщины-родственницы диффрируют между собой на 3,8

Итак, у родственников, а особенно у родственниц, существует в среднем сходство в типе реакции. Это говорит за то, что психологическая установка родственников сравнительно мало диффрирует. При изучении этих различий в зависимости от разных степеней родства получалось следующее:

Средняя разность для мужа и жены равняется 4,7

Но предел этой средней величины равен 3;7, т.-е. количеству очень большому, а это значит, что средняя величина 4,7 составилась из очень различных величин: существуют супружеские пары с очень большим сходством типа реакции, и, наоборот, с очень большим различием. В общем ближе всех друг к другу оказываются *отцы* и *сыновья* с одной стороны, *матери* и *дочери* — с другой.

Разность отцов и сыновей составляет 3,1
Разность матерей и дочерей составляет 3,0

За исключением некоторых случаев разности между супругами (разность между ними может спускаться до 1.4) эти цифры принадлежат к минимальным величинам разности. Среди них в материале *Фюрст* имеется даже один случай, где разность между 45-летней матерью и 16-летней дочерью составляла всего 0,5. Но как раз в этом последнем случае разность между типом матери и дочери и типом отца составила 11,8. Отец — человек глупый и грубый, к тому же пьяница, мать посещает «Christian Science». Этому вполне соответствует и то, что и матери и дочери в резкой степени свойственен тип оценочных предикатов («Wert-

prädikatentypus [1]), а это по моим наблюдениям важный симптоматический признак для диагностики недостаточной насыщенности сексуального объекта. При этом типе реакции огромное количество эмоции обращено на внешний мир, во вне, при чем человек раскрывает свои чувства, стремясь вызвать ответные чувства у экспериментатора; стремление это совершенно прозрачно, хотя испытуемый не мог бы признаться в нем и самому себе.

Значительное сходство типа реакции у предков и потомков заставляет задуматься. Ведь ассоциативный эксперимент только небольшой фрагмент из душевной жизни человека. Повседневная жизнь в сущности не что иное, как огромный и крайне разнообразный ассоциативный эксперимент, и в принципе наши реакции и в жизни и в эксперименте соответствуют одним и тем же нашим особенностям. Однако как ни ясно это положение, оно все же подлежит некоторым ограничениям. Возьмем в качестве примера только что отмеченный случай 45-летней несчастной матери и 16-летней незамужней дочери. Резкая степень выраженности оценочных предикатов у матери несомненно представляет собой осадок всей ее жизни, полной разбитых надежд и неисполнившихся желаний. Подобный тип реакции в данном случае нисколько не удивляет. Но ее 16-летняя дочь ведь совсем еще ничего не пережила; ее реальный сексуальный объект совсем еще не найден, и все-таки она реагирует так, как если бы она была на месте своей матери, и так же, как и мать, пережила целый ряд разочарований. У нее установка матери, и постольку она идентифицирует себя со своей матерью. Но установка матери, как совершенно очевидно, сводится на ее отношение к отцу. Дочь же не состоит в браке с отцом и не нуждается поэтому в подобной же установке. Установка эта воспринята ею благодаря влиянию среды, и ей придется в дальнейшей жизни проделать попытку приспособиться к жизни, обладая подобной семейной травмой («familiäre Bruchfläche»). Ведь вытекающая из неудавшегося брака установка нецелесообразна в той же степени, в которой нецелесообразен и этот неудачный брак, и этой девушке придется в дальнейшем ходе ее жизни перешагнуть через препятствия своей семейной среды, чтобы быть в силах приспосо-

[1]) Это тот тип реакций, когда со словом-раздражителем связывается не какой-нибудь объективный момент, а субъективно окрашенный предикат, напр., цветок: приятный; лягушка: отвратительная; рояль: страшный; соль: плохая; петь: мило; зерно: полезно.

биться к жизни; если же ей не удастся сделать это, то ее постигнет судьба, предопределенная подобной установкой.

Судьба эта, конечно, может оказаться бесконечно разнообразной. Семейная травма может сгладиться, негатив родительских характеров может заполниться, при чем все это может завершиться во внутреннем мире человека, совершенно незаметно для окружающих, принимая форму борьбы с разного рода препятствиями, которые останутся непонятыми им самим. Или же человек в своем развитии вступает в мучительный конфликт с окружающим миром, в котором он нигде не находит себе места, и дело кончается тем, что удары судьбы, следующие один за другим, открывают ему постепенно глаза на его инфантильные особенности, делают и его негодным к приспособлению. Исконная причина инфантильного приспособления к родителям лежит, конечно, в аффективном отношении обеих сторон, т.-е. в психосексуальности родителей, с одной стороны, и ребенка—с другой. Это своего рода психическая зараза [1], а мы знаем, что движущие пружины такой заразы — не истины логики, а аффекты и их телесные проявления. Аффекты эти устремляются в душу ребенка со всею мощью стадного инстинкта и определяют ее очертания и детали ее формы. Все главнейшие определяющие развитие линии, в точности соответствующие родительской Matrix, повидимому, вполне заканчивают свое образование в течение первых четырех лет жизни, а это—самая пластичная пора жизни. Это так, ибо, как учит психоаналитический опыт, первые признаки будущего конфликта между родительской констелляцией и самостоятельностью индивида, между либидо и вытеснением (*Фрейд*), обыкновенно, как правило, обнаруживаются до пятого года жизни ребенка.

Теперь я хотел бы привести ряд анамнезов и показать на их примере, как родительская констелляция, о которой мы говорили, препятствует приспособлению потомства к жизни. Я ограничусь тем, что буду приводить только главные события жизни, т.-е. события сексуального момента в жизни.

Случай первый. Женщина 55 лет, хорошо сохранившаяся; одета бедно, но аккуратно: платье — черного цвета, не без некоторой элегантности; тщательно причесана; в обхождении вежлива и определенно жеманна; в разговоре наклонность

---

[1] См. Vigouroux et Juquelier. La contagion mentale. Chapitre VI Doin. Paris. 1905.

к оборотам изысканным и набожным. По виду пациентку можно принять за жену мелкого чиновника или купца. Однако, по ее словам, она—разведенная жена крестьянина. Больная, сообщая это, сильно краснеет и опускает глаза. Она обращается в поликлинику с жалобами на депрессию, страх по ночам, сердцебиение, легкие первые подергивания в руках, представляя собою, следовательно, типическую картину легкого климактерического невроза. Картина эта становится совсем полной, когда больная добавляет, что ее сильно мучают страшные сны, ей чудится во сне, будто кто-то бросается на нее, нападают дикие звери и т. п.

Анамнез свой она начинает с истории своего семейства. (Я воспроизвожу, насколько возможно, слова самой пациентки.) Ее отец был высоким представительным мужчиной, несколько полным, но величественным. Брак его с матерью больной был очень счастлив, так как мать благоговела перед ним. Человек он был толковый, ремесленник по профессии, умел держать себя с достоинством. Детей было только двое: больная и еще одна сестра, старше ее. Сестра была любимицей матери, а больная—любимицей отца. Отец умер внезапно от удара в возрасте 42 лет, когда больной исполнилось пять лет. Больная стала чувствовать себя одинокой, и ей стало казаться, что мать и сестра обходятся с ней, как с Золушкой. Она прекрасно видела, что мать любит старшую сестру больше, чем ее. Мать осталась вдовой, так как ее благоговение перед отцом было слишком велико и исключало возможность брака с другим человеком. Память отца она окружила «как бы религиозным культом», и в этом же духе воспитывала и своих детей.

В дальнейшем сестра больной вышла замуж довольно рано, сама же больная вступила в брак лишь в возрасте 24 лет. Молодые люди никогда не нравились ей, казались слишком пошлыми; внимание ее всегда устремлялось на мужчин более зрелого возраста. В возрасте приблизительно 20 лет она познакомилась с господином несколько старше 40 лет, представительной внешности, к которому почувствовала большое расположение. По различным причинам отношения эти, однако, расстроились. Когда ей исполнилось 24 года, она познакомилась со вдовцом, у которого было двое детей. Он напоминал ее отца своей величественной фигурой, был высокого роста, представителен, несколько тучен, и ему было 44 года. Она вышла замуж за этого человека, любила его и была ему в высшей степени предана.

Брак был бездетен, а дети мужа от первой жены умерли от инфекционной болезни. После 4 лет совместной жизни, муж умер от удара. 18 лет она была верной вдовой своему мужу. Но в возрасте 46 лет (т.-е. непосредственно перед *менопаузой*) она почувствовала сильную любовную потребность. Знакомств у нее не было, поэтому она обратилась в брачную посредническую контору и вышла замуж за первого встречного, а именно за крестьянина лет 60, дважды уже разведенного по приговору суда вследствие его грубости и сумасбродства, о чем она узнала еще до свадьбы. Этого мужа она терпела пять лет, жизнь с ним была невыносима, и она прибегла к разводу. Некоторое время спустя после развода начинается невроз.

Эпикриз. Для читателя, искушенного в психоанализе, не требуется никаких дальнейших разъяснений. Случай слишком прозрачен. Для незнакомых с психоанализом читателей отмечу следующее: ведь у больной до 46-летнего возраста не было, в сущности, никаких других переживаний, кроме таких, которые представляли собой довольно точную копию среды, окружавшей ее в самом раннем детстве. И вот сексуальность заявляет о себе, но слишком поздно и чересчур неотступно, что ведет еще к одному изданию отцовского суррогата, на этот раз ухудшенному, и поздний расцвет сексуальности нашей пациентки оказывается отравленным. Невроз выявляет яркую, хоть и вытесненную, эротику стареющейся женщины, которой все еще хотелось бы нравиться (жеманность), которая, однако, не осмеливается признаться себе в своей сексуальности.

Случай второй. 34-летний мужчина; небольшого роста; выражение лица умное, добродушное. Легко приходит в смущение, часто краснеет. Пациент пришел полечиться от «нервности». Он жалуется на большую раздражительность, быструю утомляемость, нервные желудочные расстройства; по его словам, настроение у него часто ухудшается так резко, что он уже не раз подумывал о самоубийстве.

Еще за некоторое время до личного обращения ко мне, он прислал мне обширную рукопись, свою автобиографию или скорее свою собственную историю болезни. Это он сделал, чтобы подготовить меня к своему визиту. История эта начиналась следующими словами: «Отец мой был мужчина очень высокий и сильный». Эта фраза показалась мне любопытной, я перевернул страницу и прочел следующее: «когда мне было 15 лет, один 19-летний

парень высокого роста взял меня с собою в лес и совершил надо мною безнравственный поступок».

В этой истории болезни оказалось много пробелов; пришлось собрать у больного более точный анамнез, что привело к следующим довольно интересным результатам.

Больной — младший в семье, у него два брата. Отец служил сперва солдатом в папской швейцарской гвардии, потом стал полицейским. Он—высокого роста, рыжеволосый. Это был строгий, сердитый военный, воспитывавший своих сыновей в духе военной муштровки; он имел обыкновение командовать, звать сыновей свистками, а не по имени. Молодость свою он провел в Риме и об этом бурном периоде жизни напоминал lues, последствиями которого он страдал и в пожилом возрасте. Он умел порассказать о своих прежних приключениях. Его старший сын (значительно старше больного) был совершенно похож на отца; высокого роста, крепкий, с рыжеватым цветом волос. Мать была женщиной болезненной, рано состарилась, была истощена и измучена жизнью; она умерла 40 лет, когда больному было 8 лет от роду. Больной вспоминает о матери с хорошим, нежным чувством.

В школе наш пациент был всегдашним козлом отпущения; товарищи колотили его и издевались над ним. Он думает, что виною тому было его произношение, отличавшееся от местного диалекта. Попав потом в ученье к очень строгому и злому мастеру, он продержался у него более двух лет, живя все время в самых скудных условиях; никто из других учеников не выживал так долго, все убегали гораздо скорее. Когда ему исполнилось 15 лет, случилось вышеупомянутое покушение, за которым последовали и некоторые другие менее значительные гомосексуальные экстравагантности. Затем судьба забросила его во Францию. Там он познакомился с одним французом - южанином, большим хвастуном и сексуальным героем. Этот последний потащил его в публичный дом, при чем больной наш шел против своего желания, только потому, что стеснялся своего компаньона. Однако он оказался импотентен.

В дальнейшем он отправился в Париж, где его брат, столь похожий на отца, работал по малярному делу и вел беспутный образ жизни. Там он жил довольно долго, плохо зарабатывал, но помогал своей невестке, жалея ее. Брат часто таскал его с собой по публичным домам, однако, больной продолжал быть импотентным. Однажды брат потребовал от него, чтобы он отдал

ему 6.000 франков, унаследованные им от отца. Больной решил предварительно посоветоваться с другим братом, бывшим тоже в Париже. Последний не советовал ему давать брату этих денег, так как тот их наверняка промотает. Однако больной отправился к брату и передал ему свое наследство, которое тот и спустил в кратчайший срок. И второй брат, не советовавший давать денег, тоже потерял при этом 500 франков. Когда я изумился и невольно спросил больного, зачем же так легко и без всяких гарантий он отдал брату эти деньги, он ответил: ведь брат потребовал их у меня, я не раскаиваюсь ни капли, что дал их ему, дал бы и еще раз такую же сумму, если бы она у меня была. Старший брат совсем опустился, и жена его развелась с ним. Больной вернулся в Швейцарию, где целый год не мог найти регулярного заработка и часто терпел от голода. В это время он познакомился с одним семейством, где он стал бывать в гостях. Глава этой семьи был сумасбродным сектантом и лицемером и совершенно не заботился о семействе. Его жена была пожилой, болезненной и слабой женщиной и, в довершение всего, ожидала ребенка. Детей было уже шесть человек; семья жила в большой бедности. Больной почувствовал большую склонность к этой женщине и делился с ней тем немногим, что у него было. Женщина эта жаловалась на свою судьбу и говаривала, что предчувствует смерть от родов. После этого он обещал ей — он, не имевший никаких средств — взять детей и воспитать их. Действительно, женщина эта умерла во время родов. Вмешался, однако, сиротский суд и постановил оставить на руках больного только одного ребенка. И вот у него был ребенок, семьи же не было, и воспитывать ребенка один он был, конечно, не в состоянии. Поэтому он пришел к мысли о необходимости жениться. Однако он испытывал большое затруднение, так как до сих пор вообще ему еще ни разу не случалось влюбиться в девушку. Тогда ему пришло в голову, что его старший брат развелся с женой, и он решил жениться на ней.

Он написал ей в Париж об этом своем намерении. Она была, правда, семнадцатью годами старше, однако ничего не имела против его плана. Она пригласила его приехать в Париж для личных переговоров. Однако судьбе было угодно, чтобы накануне отъезда он наступил на большой железный гвоздь и ранил себе ногу; поездка не могла состояться. Некоторое время спустя рана зажила, и он все-таки поехал и нашел, что он иначе предста-

влял себе свою невестку и будущую жену: покрасивее и помоложе, чем это было в действительности. Свадьба состоялась, а спустя три месяца, по инициативе жены, имело место и первое половое сношение. Он сам совсем не стремился к этому. Они принялись совместно воспитывать ребенка; он по-швейцарски, жена его по-парижски, так как она была француженкой. Ребенок достиг девятилетнего возраста и погиб, попав на улице под велосипед. Тогда больной наш стал чувствовать какое-то странное одиночество в своей квартире. Он предложил своей жене взять в дом молодую служанку, на что жена реагировала дикой ревностью. И вот тут-то впервые в жизни он влюбился в молодую девушку, и одновременно с этим начался невроз, он впал в глубокую депрессию, почувствовал нервное истощение, так как его семейная жизнь тем временем успела превратиться в ад.

Я предложил ему разойтись с женой, он наотрез отказался, мотивировав это тем, что он не может взять на себя инициативы сделать несчастной старую женщину. Он, очевидно, предпочитает, чтобы его и впредь мучили, так как воспоминания детства, повидимому, для него милее всякой радости в настоящем.

Эпикриз. Также и в этом случае человек всю жизнь вращается в заколдованном кругу семейной констелляции. Наиболее сильную и роковую, доминирующую роль играет отношение к отцу: мазохистически-гомосексуальная окраска этого отношения всегда выступает совершенно отчетливо. И даже этот в высшей степени несчастный брак детерминирован отношением к отцу, так как пациент женится на разведенной жене своего старшего брата, т.-е. иными словами на своей матери. Эта женщина одновременно является и заместительницей его умершей во время родов подруги, которая играла роль суррогата матери. Невроз дебютирует как раз в тот момент, когда либидо явным образом высвобождается из инфантильно констеллированного соотношения и впервые в жизни приближается к индивидуально детерминированной сексуальной цели. В этом случае, как и в предшествующем, обнаруживается значительный перевес семейной констелляции, так что стремлению индивидуальности остается всего лишь узкое поле невроза.

Случай третий. 36-летняя крестьянка, среднего умственного уровня, здорового вида, крепкого сложения, мать троих детей. Материальное положение вполне удовлетворительное. Больная поступает на амбулаторное лечение и вот по каким причинам:

уже несколько недель она испытывает какую-то странную тяжесть и боязливость, спит плохо, видит страшные сны, да и днем на нее нередко нападают страх и депрессия. Все эти явления будто бы совершенно беспричинны, все это очень удивляет ее, и она должна признать, что вполне прав ее муж, который все время уверяет, что все это—вздор и воображение. Однако она никак не может освободиться от этого. Часто нападают на нее и странные мысли, что она должна умереть и попасть в ад. С мужем она ладит очень хорошо.

Психоаналитическое освещение случая дало прежде всего следующее: несколько недель тому назад ей попали в руки душеполезные сочинения, которые давно лежали у них дома без всякого внимания. И вот она прочла, что тот, кто проклинает, попадает в ад. Это запало ей в душу, и с тех пор ей все время приходит в голову, что она должна удерживать людей от проклятий, так как иначе и она тоже попадет в ад. Дней за четырнадцать, примерно, до чтения этих сочинений, внезапно умер от удара ее отец, живший в ее семье. В момент его смерти ее не было дома, она вернулась домой, когда его уже не было в живых. Испуг ее и горе было очень велики.

Первые дни после его смерти она много думала о том, почему отцу суждено было умереть так внезапно. Во время этих размышлений она внезапно вспомнила, что последние слова, слышанные ею от отца перед его смертью, были следующие: «Я тоже из тех, что упали с чортовой тележки». Воспоминание это встревожило ее, она припомнила также, как часто отец проклинал и цинично ругался.

Она стала думать и о том, есть ли жизнь за гробом, а если есть, то где ее отец: в раю или в аду. Во время этих мудрствований ей и попали под руку душеполезные трактаты, и она принялась читать их, пока не дошла до места, где говорилось, что ругатели попадают в ад. Тогда на нее напала тревога и большой страх, она стала осыпать себя упреками, обвиняла себя в том, что не удерживала отца от брани и должна быть наказана за это. За это она должна умереть и будет осуждена попасть в ад. С этого момента она стала тосклива, задумчива, надоедала мужу своими навязчивыми мыслями, стала избегать общества и всякого развлечения.

Вот какова история жизни нашей пациентки (изложенная частью ее собственными словами),

В семье было пятеро детей; больная—самая младшая и была всегда любимицей отца. Отец из любви к ней делал все, что он только мог. Когда, напр., ей хотелось получить новое платье, и мать отказывалась исполнить ее желание, она могла быть вполне уверена, что в следующую же поездку в город отец привезет ей желанное платье. Мать умерла довольно рано. 24 лет больная против воли отца вышла замуж за человека, избранного ею самой. Отец не мог привести каких-либо особых доводов против этого человека, однако, просто не одобрял выбора дочери. После свадьбы она взяла отца к себе в дом. По ее мнению, это само собой разумелось, так как никто из ее братьев и сестер не заявлял о желании жить с отцом. Надо сказать, что отец был пьяница, ругатель, любитель заводить ссоры. Зять и тесть, как легко понять, не ладили, не уживались вместе. Всегда бывали у них ссоры и перебранки, при чем больная в таких случаях добросовестно сама приносила отцу водки из трактира. Пациентка находит, правда, что муж ее—человек «справедливый». Он хороший и терпеливый, но у него один недостаток: он слишком мало слушается отца. Она находит это совершенно непонятным и ей было бы гораздо приятнее, если бы муж совершенно подчинился отцу. Отец ведь всегда остается отцом. Во время частых ссор и сцен она принимала участие и поддерживала всегда отца. Хотя против мужа и возразить нечего, и он обыкновенно совершенно прав, когда предъявляет те или иные требования отцу,—все-таки «надо же помочь отцу».

Уже давно дело нередко доходило до того, что больная начинала чувствовать свою неправоту по отношению к отцу и видела свою вину именно в браке против его воли; часто, после ссоры, она чувствовала, что вся ее любовь к мужу куда-то исчезает. А с тех пор как отец умер, она вообще не может больше любить своего мужа, так как он и его непослушание были самой частой причиной тех приступов злобы и ругани, которые находили на отца. Как-то муж, будучи не в силах переносить раздора, даже убедил жену поселить отца на другой квартире. Отец прожил там два года. В это время супруги жили мирно и счастливо. Однако мало-по-малу у больной появились упреки совести; она стала думать, что она не вправе заставлять отца жить одного, так как, несмотря ни на что, он все-таки—отец. И, в конце концов, несмотря на протесты мужа, она опять взяла отца к себе, так как она говорит, что она, в сущности, сильнее любила отца, чем мужа. Стоило старику только появиться в доме, как тотчас же

возобновилась война. И так шло дело до его внезапной смерти.

Рассказав все это, больная разразилась целым рядом жалоб: она должна развестись с мужем и сделала бы это давно уже, если бы не было детей. Дело в том, что она поступила очень плохо, тяжко согрешила, когда вышла за своего теперешнего мужа против отцовской воли. Она должна была взять в мужья человека, которого советовал ей ее отец. Тот, конечно, повиновался бы отцу, и все тогда было бы по-хорошему. Увы!—мужу далеко до отца, от отца можно было всего добиться, от мужа же—ничего. Отец давал ей все, чего она желала. И теперь ей больше всего хотелось бы умереть, чтобы быть с отцом.

Когда все эти возгласы прекратились, я с любопытством осведомился, почему же она, собственно, отказала жениху, предложенному ей отцом?

Отец, мелкий земледелец, арендовавший тощее именьице, взял к себе в дом в работники маленького, жалкого мальчугана, подкидыша. Это было как раз в ту пору, когда только что родилась у него младшая дочь. Мальчуган развивался самым неудачным образом: он оказался настолько глуп, что не выучился ни чтению, ни письму и долго не мог выучиться говорить как следует. Он был набитым дураком. Когда он возмужал, у него распух ряд желез на шее, некоторые из них вскрылись и из них постоянно текла гнойная жидкость. Это придавало отталкивающий вид этому человеку, и без того некрасивому и грязному. Его интеллект не развился и в дальнейшем, и он остался, поэтому, в работниках без определенного жалованья в хозяйстве нашего крестьянина.

За такого молодого человека хотел отдать свою любимую дочь отец.

К счастью, девушка не согласилась с этим, а теперь она жалеет об этом, так как подобный идиот несомненно более повиновался бы ее отцу, чем ее молодчина-муж.

Эпикриз. В данном случае мы должны еще раз определенно подчеркнуть, что наша пациентка ничуть не слабоумна, равно как и больной, описанный в предшествовавшем случае. Умственные способности в обоих случаях нормальны, но интеллект снабжен шорами инфантильной констелляции, являющимися помехой. Это с совершенно особенной очевидностью вытекает из этой истории болезни. Отец, в данном случае, превыше всяких ди-

скуссий! Это ничего не значит, что он — сварливый пьяница и явная причина всяческой розни и разлада; наоборот, законный супруг должен даже подчиниться этому пугалу, и в довершение всего больной приходится даже раскаиваться, что отцу не удалось раз навсегда уничтожить все счастье ее жизни. Зато теперь она сама старается сделать это при помощи невроза, навязывающего ей желание умереть, чтобы попасть в ад, где — nota bene — уже находится отец.

Если вы хотите взглянуть на работу демонической силы рока, вглядитесь в эти мрачные и молчаливые трагедии, медленно и мучительно совершающиеся в душах наших невротиков. Одни из них шаг за шагом, в постоянной борьбе с незримыми силами, освобождаются из когтей демона, готовящего им все новые и новые удары судьбы; другие поднимаются на ноги и завоевывают себе свободу с тем, чтобы снова попасть в петли невроза и вступить на свою прежнюю дорожку. Никто не вправе говорить, что эти злосчастные люди—невротики или дегенераты. Если мы, нормальные, будем психоаналитически обследовать нашу собственную жизнь, то и мы увидим властную руку, неощутимо ведущую нас к нашим судьбам, и руку эту не всегда придется назвать милостивой [1]). Часто мы говорим, что это—божья десница или рука дьявола, власть инфантильной констелляции с течением тысячелетий превратилась в убедительный материал для религии. Мы не хотим этим сказать, что мы должны сваливать вину наследственного греха на наших родителей. Если слишком чувствительный ребенок с величайшим вчувствованием повторяет в своей душе нецелесообразные особенности своих родителей, то вина в том, что его судьба принимает роковой характер, лежит в нем самом, в особенностях его организации. Однако, как показывает наш последний случай, так бывает не всегда: и родители могут

---

[1]) В то же время мы полагаем, что каждое мгновение являемся господами наших поступков. И все-таки, когда мы оглядываемся на пройденный нами жизненный путь, особенно же когда мы вглядываемся в наши несчастливые поступки и их последствия, то часто мы не можем понять, как могли мы сделать то-то или не сделать этого, и получается впечатление, будто нашими шагами руководила некая чуждая сила. Вот почему и говорит Шекспир:

«Fate show thy force: ourselves we do not owe;
What is decreed must be, and be this so!»

Шопенгауер: О кажущейся преднамеренности в судьбе отдельного человека. Parerga und Paralipomena.

внести несчастье в душу ребенка, когда они пользуются его незрелостью, чтобы сделать его рабом своих собственных комплексов; к сожалению, это происходит слишком часто. В нашем случае отец, несомненно, собирается поступить именно так. Ведь невозможно скрыть, с какой целью собирается он отдать свою дочь замуж за этого отвратительного полуживого человека: ему хотелось сохранить ее для себя и сделать ее навсегда своей рабыней. То, что он делает, в сущности говоря, показывает нам в ярких и преувеличенных красках то же самое, что делается тысячами так называемых порядочных и образованных родителей, считающих своим долгом проделывать обычную бестолочь традиционного воспитания. Вспомним про отцов, уничтожающих своей критикой зародыши всякого самостоятельного чувствования и мышления в своих детях; отцов, балующих дочерей, не умея прикрыть, как следует, свою эротику и тиранию чувства; опекающих сыновей и властно толкающих их по пути той или иной профессии, с тем, чтобы, в конце концов, подыскать им «подходящую» партию; вспомним и про матерей, окружающих ребенка уже в колыбели нездоровой нежностью, делающих из него затем куклу-собственность и позволяющих себе в дальнейшем ревниво копаться в их эротике,—все они ведут себя в принципе не иначе, чем наш мало культурный крестьянин.

Возникает вопрос, в чем же эта волшебная сила родителей, приковывающая к ним детей иногда на всю жизнь. Психоаналитику известно, что она ни в чем ином, как в обоюдосторонней сексуальности.

До сих пор еще сопротивляются и не хотят признать, что у ребенка есть сексуальность. Но это происходит исключительно вследствие нарочитой неосведомленности, снова довольно определенно заявляющей о себе как раз в последнее время [1]).

1) Мы испытали это на Амстердамском конгрессе в 1907 г., где один выдающийся французский ученый уверял, что учение *Фрейда* только «une plaisanterie». Этот господин, как было доказано, не читал ни последних работ *Фрейда*, ни моих работ и, следовательно, понимает во всем этом деле не более малого ребенка. К столь блестяще обоснованному суждению вполне присоединяется в своем сообщении о конгрессе также один известный немецкий профессор. Приходится преклониться перед подобной основательностью. На том же конгрессе увековечил свое имя и другой видный германский невропатолог. Вот его остроумное рассуждение: «Если истерия в согласии с воззрениями *Фрейда*, действительно, была бы обусловлена вытесненными аффектами, то вся немецкая армия была бы истеричной».

Я не дал никакого настоящего анализа только что доложенных случаев. Мы не знаем поэтому, что творилось с этими роковыми людьми, когда они были детьми. В одной из своих статей *Фрейд* дает возможность заглянуть в живую душу ребенка на неслыханную до этой работы глубину. И если, после мастерских описаний *Фрейда*, я беру на себя смелость выступить с небольшим вкладом в деле изучения детской души, то я делаю это потому, что психоаналитическая казуистика представляется мне вообще чрезвычайно ценной.

Случай четвертый. 8-летний мальчик, умненький, несколько хрупкого вида; мать приводит его ко мне по поводу недержания мочи. Мать—молодая, красивая женщина; во время консультации мальчик все цепляется за нее. Брак родителей вполне счастлив; отец только строгий, и мальчик (старший ребенок) немного побаивается его. Мать компенсирует строгость отца соответственной дозой нежности, на что сын отвечает тем, что вообще не отходит от материнской юбки. Он не играет никогда со школьными товарищами, не ходит никогда один на улицу, разве лишь когда ему надо итти в школу. Он боится грубости и насилий со стороны ребят-школьников, предпочитает играть дома в разные умные игры или же помогает матери в ее домашних женских работах. К отцу он относится очень ревниво; он терпеть не может, когда отец бывает нежен с матерью.

Я уединился с мальчиком и стал расспрашивать его про его сновидения.

Он часто видит во сне черную змею, которая хочет ужалить его в лицо. Он вскрикивает тогда, и мать должна притти к его кровати из соседней комнаты.

По вечерам он ложится спать совершенно спокойно. Но когда он засыпает, то ему кажется, будто в его постели лежит злой черный человек с саблей или с ружьем—высокий, худощавый человек, который хочет убить его.

Родители спят в соседней комнате. Ему часто снится, что там происходит что-то страшное, будто там находятся большие черные змеи и злые люди, которые хотят убить маму. Тогда он должен кричать, и мать приходит утешать его.

Каждый раз, когда он мочится под себя, он зовет мать, и она должна переменить ему белье.

Отец его высокого роста, худощавый. Каждое утро он раздевается догола и основательно моется у умывальника на глазах у

мальчика. Мальчик также рассказывает мне, что он часто внезапно просыпается ночью от какого-то странного шума в соседней комнате, и ему всегда делается ужасно страшно; будто там происходит что-то страшное, какая-то борьба,—но мать успокаивает его и говорит, что ничего нет.

Не представляет никаких затруднений понять, откуда происходит черная змея, кто этот злой человек и что происходит в соседней комнате. Легко понять также и ту цель, которую преследует мальчик, когда он зовет мать к себе: он ревнует и хочет разлучить ее с отцом. Это он делает и днем, как только отец становится нежен к матери. В этом смысле мальчик не больше и не меньше как соперничающий с отцом любовник матери.

Но к этому присоединяется еще то обстоятельство, что змея и злой человек угрожают и ему, с ним происходит то же самое, что и с матерью в соседней комнате. Следовательно, он идентифицирует себя самого с матерью и ставит себя в то же отношение к отцу, которое существует и у матери. Это его гомосексуальный компонент,-по отношению к отцу он чувствует по-женски. С точки зрения *Фрейда* нетрудно понять, что означает в данном случае недержание мочи. Это разъясняют нам сновидения на тему о позыве на мочу. Я отсылаю читателя к подобному анализу в моей работе: L'analyse des rêves. Année psychologique. 1909. Недержание мочи имеет значение сексуального суррогата и применяется в сновидениях и у взрослых в качестве излюбленного маскировочного материала, покрывающего собой позывы полового инстинкта.

Этот маленький пример показывает нам, что творится в душе 8-летнего ребенка, уже попавшего в отношение зависимости к родителям, не без вины со стороны слишком строгого отца и слишком нежной матери.

Как видим, инфантильная установка не что иное, как инфантильная сексуальность. Если мы теперь еще раз оглянемся на все то, что в силах произвести инфантильная констелляция, то мы должны сказать, что наши жизненные судьбы по сути дела идентичны с судьбами нашей сексуальности. И если *Фрейд* и его ученики, в первую очередь, занимаются тем, чтобы проследить именно судьбы этой сексуальности, то делается это, право, не с целью отыскивания пикантных ощущений, а в видах достижения более глубокого понимания тех движущих сил, которые лежат в основе судьбы каждого отдельного индивидуума. И этим

сказано отнюдь не слишком много, скорее слишком мало. Так как, если нам удастся разгадать проблемы судьбы в индивидуальном человеке, то наш горизонт тотчас же расширится, и мы перейдем от истории индивидуума к истории народов.

Мы обратимся в первую голову к истории религий, к истории фантастических систем целых народов и эпох. Ветхозаветная религия подняла pater familias на высоту иудейского Иеговы, которому народ должен был в страхе повиноваться. Промежуточной ступенью к божеству являются «патриархи». Невротический страх еврейской религии (несовершенный или неудавшийся опыт сублимации, проделанный слишком еще варварским народом) порождает из себя педантическую строгость моисеева закона, навязчивый церемониал невротика [1]). Освобождаются от него только пророки, которым удается идентификация с Иеговой, эта совершенная сублимация. Они становятся отцами народа. Христос—исполнитель завета пророков и учит людей тому, что истинное отношение к божеству—это «любовь». Этим он разрушает навязчивый церемониал зáкона и подает пример личного любовного отношения к богу. Несовершенные сублимации в христианской массе в дальнейшем приводят снова к церемониалу церкви, от которого лишь изредка в состоянии освободиться способный к сублимации мозг святых и реформаторов. Не даром, поэтому, современная теология говорит об освобождающем значении «внутреннего» или «личного» переживания, так как пыл любви всегда растворяет страх и насилие в более высокие и свободные формы чувствования.

То, что мы видим во всемирно-историческом процессе, мы опять находим также и у индивидуума, т.-е. происхождение и эволюцию божества. Как высший рок, направляет ребенка власть родителей. Но когда он подрастает, начинается борьба инфантильной констелляции и индивидуальности, родительское влияние, связанное с доисторическим (инфантильным) периодом, вытесняется, попадает в бессознательное, однако, вместе с тем, не элиминируется; но с помощью невидимых нитей управляет индивидуальными (как это кажется) творениями созревающего духа. Как все, что очутилось в бессознательном, и инфантильная констелляция посылает в сознание некие темные, загадочные ощущения, чувства таинственного руководства и потустороннего

---

[1]) Ср. *Фрейд*. Zeitschrift für Religionspsychologie. 1907.

влияния. Здесь корни первых религиозных сублимировок. Вместо отца с его констеллирующими добродетелями и пороками появляется, с одной стороны, божество на абсолютной вершине, с другой же стороны,—дьявол; последний в новое время по большей части стушевывается в связи с интуицией собственной моральной ответственности. Первому подчиняется высшая любовь, последнему—низменная сексуальность. Как только мы вступаем в область невроза, эта противоположность оказывается напряженной до максимума. Бог становится символом высшего сексуального вытеснения, дьявол же—символом сексуального наслаждения. Таким образом сознательные выражения отцовской констелляции, как и всякое выражение бессознательного комплекса, появляющееся в сознании, приобретает лик Януса, приобретает компоненты утверждения и отрицания. Любовный эпизод в книге Товия представляет собой на редкость хороший пример этой коварной игры бессознательного: Сарра, дочь Рагуэля из Экбатаны, хочет выйти замуж; однако ее злой судьбе угодно так, что она семь раз под ряд так выбирает себе мужа, что он умирает в свадебную ночь. Злой дух Асмодей, преследующий ее, убивает ее мужей. Она молит Иегову, чтобы он лучше послал ей смерть, чем заставил ее переживать этот позор и дальше. Служанки ее отца издевались над нею за это. Восьмого жениха, Товита, посылает ей сам бог. Его ведут в брачный покой. Но старик Рагуэль только прикинулся, что пошел спать, он встает с постели, выходит на двор и предусмотрительно копает зятю могилу, а утром шлет в брачный покой слугу, чтобы констатировать ожидаемую смерть. Однако на этот раз роль Асмодея кончилась: Товит оказался жив.

Соображения врачебной тайны, к сожалению, запрещают мне рассказать про один случай истерии, вполне подходящий к этой схеме, с той лишь разницей, что не семь, а только трое мужчин были неудачными избранниками, и это также при наличии всех признаков инфантильной констелляции. Первый наш случай относится сюда же, а в третьем случае мы видим, как старик-крестьянин собирается отдать свою дочь на погибель.

В качестве благочестивой и послушной отцу дочери (ср. ее прекрасную молитву в III главе), Сарра проделала обычную сублимацию и расщепление отцовского комплекса: ее инфантильная любовь возвысилась до благоговения перед богом, навязчивая же власть отца превратилась в преследующего ее демона

судьбы, Асмодея. Легенда так прекрасно изложена, что и отец Рагуэль изображается в своих двух ролях: с одной стороны, это— неутешный отец невесты, с другой стороны, — тайный, предусмотрительный могильщик своего зятя. Я очень ценю эту прекрасную сказку и пользуюсь ею в качестве примера при моих анализах: ведь столь нередки случаи, где демон-отец протягивает руку к своей дочери, так что она всю жизнь, даже и выйдя замуж, не в состоянии найти себе мужа по душе, потому что его образ не совпадает с находящимся в бессознательном и постоянно оказывающим влияние инфантильным идеалом отца. И это верно не только по отношению к дочерям, это распространяется и на судьбу сыновей. Хороший пример подобной отцовской констелляции имеется в недавно появившейся работе д-ра *Брилль (Brill): Psychologikal Factors in dementia praecox. Journal of Abnnormal Psychology. Vol. VIII, p. 219. 1908.*

По моим наблюдениям для детского воображения отец важнее и опаснее; если такую роль играет мать, то мне удавалось открыть за ее спиной деда, которому она внутренно принадлежала. Вопрос этот я должен оставить открытым: мой опыт недостаточен для его решения. Исследования ближайшего будущего, вероятно, позволят пробить более глубокие ходы в эти пока еще столь темные области. Я мог только попытаться бегло осветить их. Будем надеяться, что удастся больше изучить таинственную мастерскую правящего судьбой демона, о котором Гораций говорит следующее:

Scit Genius natale comes qui temperat astrum,
Naturae deus humanae, mortalis in unum.
Quodque caput, vulta mutabilis, albus et ater.

ЗНАЧЕНИЕ ДЕДА В СУДЬБЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Проф. Э. Джонс (Ernst Jones). Лондон.

В чрезвычайно интересной статье, о которой читатель вспомнит, прочтя заглавие предлагаемой работы, *Юнг* уже охарактеризовал то значение, которое личность отца может иметь для развития человека, и с данными *Юнга* приходится согласиться каждому психоаналитику, так как каждый новый изучаемый нами случай только подтверждает эти данные. И все-таки мне кажется, что, быть может, следует с бо́льшим, чем до сих пор, вниманием отнестись также и к вопросу о влиянии деда [1]), так как став на точку зрения, учитывающую и это влияние, мы приобретаем возможность получить целый ряд ценных указаний, освещающих немало черт характера, не одну невротическую реакцию. *Ранк (Rank)* [2]) в своих мифологических исследованиях, правда, неоднократно вскрывал ту роль, которую образ деда может играть в деятельности воображения, однако чисто клинической стороне этой темы до сих пор уделялось сравнительно немного внимания.

Вполне вероятно, что направленные на личность деда интерес, восхищение и фантазии в конечном счете всегда обусловлены аналогичной установкой по отношению к личности отца, существовавшей еще раньше, но есть некоторые важные пункты, которыми фигура деда отличается от прочих повторений «образа отца» («Vater-Imago»). Образ деда, в первую голову, отличается от всех остальных уже тем, что он старше из всех, и часто может быть прослежен до самого раннего детства. Особенное значение личность деда может приобрести в ту пору, когда мальчик начинает пере-

---

1) Mutatis mutandis—это относится и к влиянию бабки. Однако, в видах упрощения дела, мы будем говорить только о влиянии деда.

2) См. в особенности «Миф о рождении героя» и «Мотив инцеста в поэзии и в сказаниях».

живать свой «семейный роман» (*Фрейд*), когда он пытается освободиться от своего фактического отца, замещая его в своем воображении какой-нибудь другой более или менее удовлетворяющей его фигурой (эта фигура впоследствии превращается в бога: происходит это в течение второго периода великих вытеснений, в пору полового созревания): в данном случае дед может оказаться вполне приемлемым заместителем. После исследований *Ранка* мы знаем, что такая замещающая личность всегда снабжается качествами, принадлежащими отцу, так что анализ фантазии в данном случае опять-таки приводит нас к личности отца. Естественно, что выбор часто падает на деда, так как дед в высокой степени подходит к только что указанным требованиям ввиду его сходства с отцом и родственной близости между ними (если это дед по отцу). Большая нежность и терпимость, отличающая по большей части отношение пожилых людей к детям, часто поддерживает этот процесс замены отца дедом (строгий отец нередко превращается в очень снисходительного дедушку; происходит это отчасти, быть может и потому, что у старых людей параллельно с ростом их житейской мудрости притупляется чувство ответственности за воспитание ребенка). Впоследствии, когда ребенок подрастает, то эта ассоциация, уже успевшая установиться, еще более усиливается, так как теперь сходство отца с сохранившимся в воспоминании образом деда становится еще больше.

Ассоциация эта имеет и более глубокое основание, а именно следующее: у очень многих детей возникает желание превратиться со временем в отца (или мать) своих собственных родителей, и у детей иногда бывает даже фантастическая вера, что в той же мере как им самим предстоит расти и становиться больше, их родителям предстоит делаться все меньше и меньше, так что с течением времени роли их по отношению друг к другу переменятся. Эта своеобразная фантазия, являющаяся, вероятно, одним из источников веры в перевоплощение, само собой разумеется тесно связана с инцестуозными желаниями, она доводит до предела другое, более часто встречающееся желание,—желание быть своим собственным отцом. Однако она может связываться также и с враждебной установкой по отношению к родителям и осуществлять желание такой перемены в наличной ситуации, при которой ребенок мог бы командовать над теми, кому он теперь подчинен. Фантазия эта иногда курьезным образом приближается к своему осуществлению в действительной жизни, а именно в тех

случаях, когда сын женится на матери второй жены своего отца т.-е. на отцовской теще, делаясь, так сказать, отцом своего отца, при чем в газете такое событие отмечается, напр., под следующим заголовком: «Человек превратился в своего собственного деда».

Что касается деда со стороны матери, то здесь присоединяется еще один фактор. Если мать чрезмерно привязана к своему отцу, а бывает это очень часто (инфантильная фиксация), то ее сын инстинктивно чувствует, что, именно дед, его соперник по отношению к матери, в гораздо, может быть, большей степени, чем отец. В таких случаях создается эдиноподобная ситуация, в которой роль Лая переходит к деду. В мифологии существует ряд прекрасных примеров, иллюстрирующих эту ситуацию: на эти примеры указал *Ранк*. Типичный формой здесь является следующая комбинация: тиран держит взаперти свою дочь, препятствуя ее выходу замуж, однако влюбленный в нее герой побеждает все препятствия, а месть совершает затем его сын, убивая деда, стремившегося к обладанию его матерью.

До сих пор мы вели наши рассуждения, имея в виду точку зрения мальчика, но все это верно и относительно девочек. Дед и для них—заместитель отца. Мы только что разбирали фантазию, которой мы могли бы дать название фантазии «перестановки поколений»: если подобная фантазия появляется у девочки, то, воображая себя матерью своих родителей, она, конечно, в то же время мнит себя женой своего деда; вполне аналогичное происходит и с мальчиком, который, при наличии тех же предпосылок, считает себя мужем своей бабки. Тех, кто способен с улыбочкой обойти эти явления, считая их вздорной выдумкой, я попросил бы обратить внимание на то, что в христианской религии (как обстоит дело в других религиях, я не исследовал) существует даже особая официальная заповедь: «Ты не должен вступать в брак со своею бабкой (respective с дедом)». Ни одна религия не запрещает с такой серьезностью вещей, сделать которые никому не приходит в голову. Вполне справедливо, что нам, современным людям, подобное специальное запрещение кажется совершенно лишним, но нельзя забывать, что целый ряд влечений, удовлетворение которых в настоящее время возможно исключительно в затаенных фантазиях, в прошлые времена встречали куда более слабые сопротивления и легко претворялись в действительность.

Отметим теперь некоторые результаты «дедовского комплекса». Самый яркий—тенденция к геронтофилии, т.-е. склонность к старым людям; наклонность эта может корениться также и в том, что возраст отца при рождении ребенка был старше среднего. Стоит только вспомнить о том своеобразном предпочтении, которое иногда оказывают старым людям некоторые женщины, а молодые девушки в особенности; сейчас, когда я пишу эти строки, мне сообщают про случай брака между 84-летним стариком и 19-летней девушкой, при чем деньги здесь абсолютно не играют никакой роли; подобные случаи вовсе не так уж редки. Параллель на мужской стороне: притягательное действие пожилых женщин на мужчин; наблюдается оно почти так же часто.

В некоторых случаях этот же комплекс можно обнаружить и в основе повышенного интереса к своему происхождению и к предкам, хотя вероятно гораздо чаще дело здесь сводится к любознательности в сфере проблемы деторождения. Мне вспоминается одна пациентка, психика которой была совершенно заполнена подобными изысканиями. Она посвятила им двадцать лет жизни, изучила генеалогическое дерево своей семьи во всех его разветвлениях, проследив некоторые линии более чем на четыреста лет. Отец ее умер, когда она была еще ребенком, а воспитывалась она в доме деда, перед которым она благоговела. Вещь,—хорошо известная, что в тех частях Азии, где к старикам относятся с особым почитанием и послушанием, обыкновенно господствует какая-нибудь форма культа предков, в виде ли прямого поклонения предкам или в форме священного благоговения [1]. В своем последнем этюде на египетские темы, помещенном в *Imago*, *Абрагам* превосходно иллюстрировал тот способ, с помощью которого могут быть переносимы на менее близких лиц те чувства, которые некогда были направлены непосредственно на отца.

Неоднократно констатировалось, до какой степени мальчик иной раз «выходит» в деда (в отношении характера или некоего общего направления ума или даже в некоторых мелочах манеры держаться); случаев сходства внука с дедом так много, и это столь

---

[1]) *В других странах, более «цивилизованных»,* часто наблюдается полная противоположность: враждебное отношение вместо почитания. Там же, где старики не пользуются особым уважением и где считается постыдным, когда «кем-нибудь руководит его дед», обыкновенно в соответствии с этим можно констатировать и отсутствие гордости своими семейными традициями и происхождением.

общеизвестно, что на эту тему существует даже целый ряд пословиц и поговорок. С особенной яркостью это сказалось при изучении гениальности: выяснилось, что гораздо чаще, чем гениальность в двух смежных поколениях, существуют два такие ряда: «посредственность—гений—посредственность» или «гений—посредственность—гений». В настоящее время эта закономерность достаточно хорошо обоснована фактически; мне не приходится приводить примеров,—они многочисленны; каждый читатель и сам располагает такими примерами. Все это повело к формулировке целого ряда остроумных законов и правил, в которых устанавливается и обосновывается «чередование гениальности по поколениям». Однако все эти положения, может быть, станут совершенно ненужны, если мы ясно представим себе, как, с одной стороны, влияние великого отца может уничтожающе действовать на сына, и как, с другой стороны, для внука может стать предметом глубочайшего интереса личность деда. Все это в одинаковой мере относится не только к гениальности, но и к другим качествам: особенно хороший пример—пьянство.

Существует интересный продукт той фантазии, «перестановки поколений», о которой мы говорили выше. Он также имеет определенное отношение к нашей теме. Фантазия эта становится одним из источников инцестуозной склонности родителей к детям, пожалуй, даже и нормальной родительской любви и педофилии вообще. Я наблюдал например, как правило, что у тех мужчин, у которых отмечается ненормально сильная привязанность к дочерям, обыкновенно на ряду с этим имеется и столь же сильная инфантильная фиксация по отношению к матери. Такой человек переживает фантазии, в которых он рождает свою мать (напр., спасая ее), делается ее отцом и в дальнейшем приходит к тому, что его фактическая дочь оказывается отождествленной с матерью. В душевной жизни одного и того же поколения предыдущее и последующее поколения сливаются таким образом воедино, как и вообще прошлое и будущее в продуктах фантазии: фантазия нередко отождествляет прошлое и будущее и смешивает одно с другим. Мы видим как тесно связаны между собой материнский и дочерний комплексы, равно как и отцовский и сыновний. То же самое относится, конечно, и к другим эмоциональным установкам; то, что верно по отношению к любви, применимо, напр., и к ненависти; знаменитый случай графа Ченчи—разительный пример.

В заключение посвятим несколько слов одному члену семейства, на которого обыкновенно обращается еще менее внимания, а именно незамужней тетке. У меня было порядочно пациентов, интересы и привязанность которых концентрировались на личности такой тети; склонность эта в дальнейшем обобщалась, и они относились нежно ко всем старым девам вообще; один из них влюблялся в каждую незамужнюю женщину старше сорока лет, которую ему приходилось встречать в жизни. Смысл подобной установки чувства ясен: незамужняя тетка замещает образ матери-девственницы. Представление это оказало сильнейшее влияние на многие религии.

В своих исследованиях, посвященных браку близких родственников, *Абрагам*[1]) раскрыл смысл любви к племянникам и племянницам и доказал ее инцестуозное происхождение. Излагая свои соображения, я стремился расширить результаты, достигнутые *Абрагамом*, указывая на установку чувства по отношению к другим членам семьи. Можно совершенно спокойно решиться на обобщение и сказать, что все члены семейной группы (от брата до деда и от сестры до тетки) играют исключительно роли заместителей в первоначальной троице, образуемой отцом, матерью и ребенком.

---

[1]) Jahrbuch. 1909. T. I, стр. 110 и сл.

К ПСИХОЛОГИИ ДЕТСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ.

Д-р В. Тауск (Victor Tausk), Вена.

Кто приступает к ознакомлению с сексуальной жизнью ребенка, тому не следует забывать, что сообщительность детей в этих делах, даже при максимуме доверчивости по отношению к родителям, все-таки весьма и весьма условна. Ребенка отучают от проявлений детской сексуальности, и этот процесс отвыкания, даже при условии максимальной мягкости в воспитании, неизбежно приводит к тому, что все, напоминающее сексуальность, приобретает в глазах ребенка характер чего-то запретного; этот запретный характер поддерживается и усиливается кроме того еще двумя следующими моментами: первый из них,—подчеркнутое молчание о всем, что носит название сексуальности,—молчание прерываемое лишь в особо исключительных случаях; второй момент,—решительное отклонение всякого рода сексуальных тем школьным преподаванием. Опыт большинства попыток психоанализа у детей показывает, что сопротивления все-таки чрезвычайно велики даже у самых прямодушных детей, что сопротивления эти заставляют детей ослаблять и искажать свои признания.

Не будем особенно долго останавливаться на том, что очень трудно, когда дело идет о детях школьного возраста, вполне опрятных и приобретших известные манеры, подыскать в жизни детей такой удобный повод для расспроса о сексуальных фантазиях, при котором исключалась бы опасность слишком сильного привлечения внимания ребенка к сексуальным темам. Но можно избегнуть такой опасности, если дать детям возможность высказывать свои сексуальные фантазии в иной совершенно непринужденной, и в то же время очень интересной для них, форме, при которой к тому же вполне сохраняется характер интимной беседы

и личных признаний: я говорю об анализе детских сновидений. Дети в таких случаях целиком заняты процессом анализа и течением ассоциаций: сопротивление падает до минимума, и ребенок совершенно свободно вводит аналитика в свои тайны и секреты. Я хочу привести два примера, которые должны показать, насколько успешной может быть подобная работа. Оба сновидения рассказаны мальчиком десяти лет, учеником четвертого класса городского училища. Мальчик исключительно умел, очень зрело и живо отнесся к анализу, проявил большой (нередко даже самостоятельный) интерес к причинным и ассоциативным соотношениям; близкие родственные отношения аналитика и мальчика, детальное знание первым всего образа жизни последнего создавали возможность постоянной проверки фактического материала; все эти моменты дали возможность провести анализ с очень большой полнотой.

I. Сновидение о «категории».

Сновидение было рассказано в три приема, рассказ состоял, так сказать, из трех параграфов. Вначале, во время воспроизведения первого параграфа, мальчик совершенно не помнил ни второго, ни третьего и вспомнил их лишь потом, когда небольшой анализ создал ассоциативную возможность репродукции.

Первая часть сновидения. У меня был смешной сон. Я держал вступительный экзамен в гимназию. И это почему-то называлось «категорией». В экзаменационный класс пришлось итти по целому ряду лестниц и коридоров; везде было много дверей и больших классных досок. На белом щите, стоявшем на подставке, была надпись красными буквами «категория». Какова была обстановка в этой комнате и кто был моим учителем, я уже больше не могу вспомнить.

Ассоциации.

Фриц (так зовут нашего сновидца), подвергающийся всего только во второй раз в жизни анализу сновидения,—в первый раз он проделал это шесть месяцев тому назад,—с самого начала сумел ассоциировать совершенно непринужденно и нетенденциозно. Он в точности следовал предложению говорить все, «что по данному поводу приходит в голову» и исключительно по собственной воле высказал изумление, что «иной раз и вправду приходит в голову нечто, относящееся к делу, а иной раз

неотносящееся». К своим собственным невольным мыслям он относится точно посторонее лицо и проявляет очень объективный интерес к тому, какие мысли появятся и как они возникнут. Когда какая-нибудь ассоциация «не подходит», то он ее все-таки не утаивает, а сообщает и довольствуется потом заявлением: «тут ничего нет». Анализу подвергается постепенно каждое предложение.

Я держал вступительный экзамен в гимназию.

Фрицу очень хотелось бы поступить в гимназию. Но для приема в нее требуется выдержать экзамен. В сновидении он и выдерживает этот экзамен, он выполняет свое сильное желание быть гимназистом.

Это *называлось «категорией».*

Это было написано в газете, среди объявлений: женская категория, свободные места. Пишется это для того, чтобы можно было быстро отыскать это место. Когда учительница, г-жа М. (у которой Фриц и его брат столовались) искала служанку, она прочитывала эти объявления.

В экзаменационный класс пришлось идти по целому ряду лестниц и коридоров, везде было много дверей и больших классных досок.

«Все это было точь-в-точь, как в ратуше. Я был там два раза. В первый раз с тетей Эллой, чтобы прописать нашу горничную Анну. В другой раз с мамой, когда брат поступал в школу. Школьный врач принимал в ратуше и брату для поступления в школу надо было сперва подвергнуться телесному осмотру».

На белом щите, стоявшем на подставке, была надпись красными буквами «категория».

«И дверь и щит на подставке я видел у школьного врача. Только слово «категория» сюда не подходит».

Вопрос аналитика

Что же это за «категория»? В одном случае это «женская категория», в другом это—надпись на дверях у школьного врача.

Фриц. Теперь я вспоминаю: сновидение продолжалось дальше. Категория встречается еще раз.

Вторая часть сновидения. «После этого я пошел в городское училище. Ребята спрашивали друг у друга: «Ну, как же, ты уже категорировал?» Я случайно сижу не на своем месте, а на первой скамейке, рядом с мальчиком, который в прошлом году был у нас в гостях. Мальчика этого зовут Кон».

Ассоциация ко второй части сна: Я случайно . . . .
. зовут Кон.

«В действительности же на месте, на котором я сидел во сне, раньше сидел Берг. Во время уроков Кон постоянно подъезжал к Бергу и щипал его. Берг пожаловался на него. Учитель же сказал: «Берг, придумай сам наказание для Кона». И вот Кон должен был переписать пять строчек в наказание».

Анализ.

Было странно, что у Фрица не получилось никакой ассоциации на своеобразное употребление слова категория в глагольной форме («категорировал»). Догадка аналитика, что своеобразное искажение этого иностранного слова могло быть вызвано каким-нибудь непристойным мотивом, повидимому, подтверждалась воспоминанием о скверном мальчугане на школьной скамейке.

Аналитические соображения побуждали к такому толкованию: встречающееся в сновидении обстоятельство,—нахождение Фрица рядом с дурным мальчиком, с которым он вовсе не сидит вместе,—может быть имеет то значение, что Фриц сравнивает себя с этим скверным мальчиком. Нашлась и аналогия с тем, что он очутился на месте Берга, т.-е. на месте сострадательного мученика, приговаривающего своего мучителя к такому ничтожному наказанию, как переписка пяти строчек; аналогия эта: отношение мальчика к своему собственному брату. По отношению к своему брату Фриц находится в положении, очень похожем на отношение Берга к Кону: грубый и ревнивый брат мучает его, жесток с ним, но Фриц реагирует на это крайне мягко (по гомосексуальным основаниям, о которых мы не будем далее распространяться) и очень жалеет, если брату приходится быть из-за него наказанным. Он старается смягчить вину брата, поскольку это зависит от него, и ему было бы приятнее всего, если бы брат совсем не был наказан. Момент сновидения, изображающий Фрица на скамье рядом с Коном, мог бы поэтому означать, что он сравнивает себя с Коном, а Кон—скверный мальчик: следовательно, и он тоже плохой мальчик. Как и Берг, он тоже хочет, чтобы Кон получил только небольшое наказание; собственно говоря, его желание, чтобы Кон был не очень уж наказан, объясняется тем, что Кон, по его мнению, ничуть не хуже его самого. Этим сказано, что он выступает на защиту самого себя, требует для себя лишь небольшого наказания. Из этой

аргументации для данного специального случая с полной последовательностью вытекает и та общая мысль, что снисходительное отношение к чужим проступкам можно вывести из сознания своей собственной виновности; еще одно подтверждение этой идеи можно найти в психоанализе отношений Фрица и его брата (если не считаться с тем, что идея эта открыта не с помощью одного только психоанализа, но и различного рода философскими путями). Фриц старше своего брата на два года; к появлению брата на свет он отнесся без особого удовольствия. Вскоре послышались даже неприязненные выражения и замечания по адресу маленького пришельца, привлекшего к себе на долгий срок все внимание матери; и спустя короткое время мальчик умственно стал ориентироваться в сторону отца, чувствуя, что мать о нем меньше заботится; со стороны отца он встретил неограниченную нежность, т.-е. гомосексуальную компенсацию за неудовлетворенную любовь к матери. Через два года отцу пришлось надолго уехать из дома, Фриц принял роль отца по отношению к своему младшему брату: он стал заботливым, чувствовал себя покровителем, уделял брату много нежностей и любви. Таким образом он компенсировал ту неприязненность, которую он вначале испытывал по отношению к младшему брату, как к сопернику.

Итак, интерпретация разыгрывающегося на школьной скамье момента сновидения будет такова: Фриц аргументирует в пользу того, чтобы его снисходительно наказали, т.-е. он, значит, сделал или пожелал сделать что-то запрещенное, за что может полагаться наказание. Присоединение этой части сновидения к фразе: «ты уже категорировал?», заставляет нас подумать о возможности связи между этим искажением слова и предполагаемой виной Фрица.

Мы вспоминаем теперь, что и в первой (явной) части сновидения, да и во второй, слово «категория» было поставлено в непосредственную связь со школьными делами. Во-первых, «категория» означает экзамен, а во-вторых, это слово фигурирует в качестве надписи на дверях той комнаты, в которой наш сновидец опознает комнату школьного врача, где подвергается исследованию, т.-е. экзамену, его брат. Если позволительно поставить знак равенства между экзаменом и исследованием,— вскоре выяснится, что это действительно позволительно,—то можно ожидать, что в связи между «исследованием» и «катего-

рией» содержится тот же самый момент вины, который, как мы полагаем, мы обнаружим также и во второй части сновидения в последовательности слова «категорировал» и школьной оценки. (Категория—испытание перед поступлением в гимназию—исследование брата перед поступлением в городское училище. Школьный врач—школа—воспоминание о скверных мальчиках в школе.) Но в первой части сновидения существует еще одно значение слова «категория». Мы вспоминаем, что здание, в котором исполнял свои служебные функции школьный врач, было здание ратуши, и что Фриц как-то был в другом отделе этого учреждения вместе со своей тетей, чтобы прописать новую горничную, чтобы заявить о приеме ее в дом. И здесь тоже дело идет о «приеме», как и при приеме в гимназию и при врачебном исследовании брата для приема в городское училище. Представление о горничной ассоциируется у него с воспоминанием о хозяйке М., собиравшейся принять к себе новую горничную и с этой целью смотревшей объявления в газете под рубрикой: «женская категория, свободные места»[1]). Итак, слово «категория» становится мостом между двумя ассоциативными центрами. Один ассоциативный ряд развивается по направлению, даваемому представлением о «горничной», другой—по направлению представления о «школе». Оба эти ряда связываются представлением о «приеме» (на службу—в школу). В ряд мыслей, развивающихся по направлению «приема в школу», вдвигается представление об «испытании» или «исследовании» (в смысле условия приема). Это обусловливающее представление на первых порах еще не включается в цепь ассоциаций в направлении «горничная». Но слово категория оказалось детерминированным благодаря определению, что дело идет о «женской категории».

Связь между представлением об «испытании» и «исследовании» с мыслью о «женской категории» могла быть установлена (уже в этот момент работы толкования) на основании личного знакомства с жизнью мальчика, каковое знакомство имелось у аналитика.

Горничная Анна играла значительную и важную роль в жизни Фрица и его брата. У мальчиков не было сестер, и оба они

[1]) Здесь Фриц заблуждается. Учительнице для ее целей следовало бы читать объявления не под рубрикой «свободные места», а под рубрикой «предложения труда». Эта ошибка может быть не лишена значения, как результат искажения благодаря цензуре. Она, однако, не подвергалась дальнейшему анализу.

считали, что все люди, и женщины в том числе, обладают мужскими половыми органами. В одной из бесед с аналитиком они высказали это мнение и тотчас же получили разъяснение, соответствующее истинному положению вещей.

Разъяснение это привело к тому, что с этого момента у братьев появилось живейшее желание наглядным образом познакомиться с этим отличием полов; при первом же удобном случае они рассказали аналитику об этом своем стремлении [1]). При этом обнаружилось, что интерес их главным образом сосредоточивается на желании поглядеть, как происходит через подобное отверстие (или щель) мочеиспускание; им хотелось исследовать этот странный аппарат у горничной Анны. Итак, в результате привлечения этих фактов, известных аналитику прямым путем, а не из анализа сновидения, связываются в прочный остов ассоциации: «категория — женская — исследовать — запретное деяние».

Синтез этого ряда, установленного с помощью толкования, привел аналитика к следующему соображению: категория—это по всей вероятности «женские половые органы». И так как Фриц уже давным-давно хотел посмотреть, как функционируют эти органы, отличные от его собственных, то очень может быть, что слово «категорировать» означает функцию «категории», работу, выполняемую этим органом, так же, как, напр., косить означает деятельность, выполняемую с помощью косы. «Категорировать» может быть значит «мочиться».

Толкование это было предложено мальчику. В ответ на это он радостно-изумленно ответил: «Да, я вспомнил еще частицу сновидения, которую я было забыл».

Третья часть сновидения. «Когда я пошел домой из школы, то шел я по С... переулку в направлении П... улицы. Приблизительно на половине С... переулка находится решетка на мосту через канал. Там стояло несколько мужчин и среди бела дня, находясь на улице, они мочились через эту решетку. Я шел

1) См. также и следующее сновидение. Чтобы не отпугивать профессионалов от детских анализов, я должен подчеркнуть, что любопытство это у мальчиков вскоре сгладилось и уступило место спокойному знанию. Знание это и дальше ни в каком отношении не оказывало на них какого-либо возбуждающего действия, сексуальное же любопытство целиком заменилось интересами, направленными на человеческую личность.

вместе с Анной и сказал: «Смотри, они вот не стесняются!» Дальше я слышал, как чей-то голос (не знаю чей) сказал: «Когда категорируешь, то появляется жажда». У меня во сне получилось такое впечатление, будто под этими словами подразумевалось, что надобно пойти в клозет.

Ассоциации.

Решетка на мосту через канал в С... переулке. Решетка эта существует в действительности. Оттуда виден клозет, находящийся на углу С... переулка и Н... улицы.

«Летом я был в Граце и купался там в купальне. Мой купальный костюм разорвался, и мы говорили, что он выглядит, точно решетка.

Дня за два, за три, до сновидения Эмиль (брат Фрица) купался в кухне. И у него тоже был худой и разорванный купальный костюм, и он не хотел, чтобы входил в кухню дядя Гейнц, так как он стеснялся дяди. Через этот купальный костюм все было видно. Тетя все-таки пустила дядю в кухню. Эмиль рассердился на нее за это, но тетя сказала ему: «Мужчинам нечего стесняться друг друга».

Вполне понятно, что после этого рассказа Фрица (рассказ этот ассоциативно детерминирует также и сцену с уринирующими мужчинами в последней части сна), аналитик считал возможным сказать мальчику следующее:

«Итак, так как мужчинам нечего стесняться друг друга, то они не стесняются и урипировать вместе у решетки. Мне кажется, тебе хотелось бы, чтобы люди не стеснялись друг друга, чтобы тебе можно было посмотреть, как мочатся мужчины».

Фриц. «Да, это правда. Как-то однажды дядя Гейнц пошел в клозет и оставил дверь раскрытой, мне захотелось тогда посмотреть, как он мочится».

Вопрос аналитика. «Почему тебе этого хочется?»

Фриц. «Я хотел бы посмотреть какой величины это (penis) бывает у взрослых?»

Вопрос аналитика. «Тебе хотелось бы видеть, как мочатся мужчины, и только?»

Фриц. «Я хотел бы видеть и женщин, Анну и тетю Эллу. Но так как мне это все равно не удастся, то я подумал: «А плевать мне на это!».

Трудно себе представить более удачный пример процесса вытеснения in statu nascendi, чем это простое и откровенное

признание ребенка. Но на ряду с этим мы получаем возможность заглянуть и в самый механизм явления смены гетеросексуального интереса гомосексуальным: гетеросексуальный интерес, явственно стоящий под знаком запрета, отступает и переносится на гомосексуальный эротический объект. Каковы педагогические выводы из этого факта, этого мы здесь обсуждать, однако, не будем.

Остается окончательно доказать, что «категорировать» действительно означает «мочиться». Если мы даже не будем учитывать того, что высказанное аналитиком предположение, будто смысл слова именно таков, повело к репродукции третьей части сновидения и к связанным с нею ассоциациям, если далее и на встречающееся в самом сновидении предложение,—«у меня во сне получилось такое впечатление, будто под этими словами подразумевалось, что надобно пойти в клозет»,—мы не станем смотреть как на момент, гарантирующий нам верность нашего толкования, то у нас все-таки остается хорошо известный нам механизм сновидения, который и поведет нас дальше в наших усилиях расшифровать это странное слово.

«З а т е м я у с л ы ш а л, к а к ч е й - т о г о л о с (н е з н а ю, ч е й) с к а з а л ...»

Если в сновидении встречается какое-либо лицо, которого не видно, то это обыкновенно сам видящий сновидение. Итак, если Фриц не знает, чей голос сказал последовавшие за тем слова, то, повидимому, он сам сказал их, это прозвучала его собственная мысль. Правильность этого допущения сейчас же подтверждается и вот каким образом.

Вопрос аналитика. «Что это значит: «когда категорируешь, то появляется жажда?»

Фриц. «У меня всегда появляется сильный позыв на мочу, когда я пью воду». Он прибавил, смеясь: «Это ведь тоже водопровод, и тут тоже есть и кран и труба, да и течет вода тоже сверху вниз».

Вопрос аналитика. «Значит, эти слова надо обернуть: когда жажда, то приходится «категорировать».

Фриц. «Да. Я прямо оборотень. Я всегда говорю на каком-то особом языке, «шиворот-навыворот».

Этот особый язык—целая глава в жизни Фрица. На восьмом году жизни он придумал себе особый секретный язык, как он сам признался, по той причине, что его родители разговаривали

иногда в присутствии детей на иностранном языке, непонятном детям. Раз у родителей был секретный язык, то Фриц счел нужным реваншироваться перед ними и изобрел и сам такой язык, чтобы родители почувствовали, каково это, когда не понимаешь, что говорят люди. Фриц пустил в ход все свои педагогические способности и выучил этому языку своего брата. Вскоре мальчики о всех своих делах говорили исключительно на этом языке собственного изобретения.

Техника этого языка имеет существенное значение для психологии обоих братьев. Техника эта состояла в том, что немецкие слова произносились наоборот (напр. Retav—Vater, отец); и мальчики до такой степени наловчились в этом языке, что совершенно свободно и без запинки говорили на изобретенном ими жаргоне. Порядок слов при этом не менялся (напр., der Vater ist nicht da—red retav tsi thcin ad).

Но спрашивается, какое значение имеют в деятельности бессознательного такие явления, как «обращение и переворачивание». С точки зрения психоанализа они указывают на существование гомосексуальных тенденций. Это подтверждается и на толковании этого сновидения: латентные мысли сновидения таковы, что не остается никаких сомнений, что мальчик стоит на гомосексуальном пути,—он отказывается от мысли увидеть женские половые органы и теперь уже переносит свой интерес на мужские органы. Ряд дальнейших наблюдений над жизнью Фрица также подтверждает это. Фраза: «когда категорируешь, то появляется жажда», может быть поэтому истолкована следующим образом: категорировать означает мочиться. Слово это, как таковое, судя по его ассоциативному генезу, представляет собою женский половой орган (женская категория). Обращение содержания этого тезиса означает поворот сексуальной склонности: осуществленное в сновидении желание—созерцание уринирующих мужчин—делает инфантильное влечение к разглядыванию («V o y e r s t u m») средством для удовлетворения подлинного сексуального извращения. Впрочем намек на это извращение содержится уже в первой части сновидения в том его пункте, где странное слово «категория» вдруг оказывается на вывеске комнаты школьного врача, где подвергался врачебному осмотру брат Фрица, без всякого сомнения имеющий для Фрица значение сексуального объекта. Для полноты толкования приведем еще три следующих момента.

Первый из этих моментов: почему слово «категория» написано на вывеске красными буквами? Почему здесь появляется красный цвет? Это удалось истолковать только впоследствии на основании толкования сновидения о клозете для девочек (см. стр. 101). Там мы узнаем, что летом, до первого сновидения, Фриц как-то мельком видел зияющие половые органы маленькой девочки, спутницы по играм. Он не видел отчетливо формы органа, так как обстановка не дала ему этой возможности, но красный цвет слизистой оболочки ясно запечатлелся в его памяти. Каково же значение того, что этот красный цвет, свойственный женским половым органам, фигурирует на вывеске комнаты школьного врача, осматривающего его брата? Это, может быть, означает, что Фриц еще колеблется в своем половом выборе; это скажется еще более явственно в сновидении о клозете для девочек. Впрочем локализация этого цвета, может быть, просто-напросто сводится к тому обстоятельству, что школьный врач исследует не только мальчиков, но и девочек.

Второй момент, подлежащий нашему обсуждению, представляет собой деталь техники толкования сновидений. В первой части сновидения мы имеем два способа описания пространственной обстановки, различающихся по степени ясности и отчетливости зрительных восприятий во время сновидения. Он совершенно ясно видит лестницы, коридоры и двери, ведущие в экзаменационный класс. Но он не в состоянии сказать, как выглядела сама эта комната. Автор определенно утверждает, что в анализированных им сновидениях неясность окружающей обстановки всегда была обусловлена определенными техническими приемами работы сновидения. Неясности в обстановке представляют собой продукт вторичной обработки сновидения, они относятся к «фасаду» сновидения, они служат исключительно тем добавком, с помощью которого могло бы рационализироваться такое событие, которое работа-сновидения изображает в искаженном виде. Добавок этот и представляет собой такую несколько неопределенную обстановку, в которой данное событие (в соответствии с явным, а не латентным содержанием сновидения) могло бы происходить. В нашем случае следует сказать следующее: явное содержание сновидения говорит об экзаменационном классе, латентные же мысли сновидения и его толкование вскрывают тождество школьного экзамена с осмотром половых органов. Переживаемый в сновидении эпизод заканчи-

вается в первой части сновидения тем, что он видит категорию в красных тонах. Продолжение сновидения дальше, в сторону отчетливого восприятия самого экзаменационного помещения, указывает только на попытку продумать эту часть сна до конца в смысле «школьной обстановки». Но для исполнения желания, как такового, эта последняя часть работы сновидения представляется уже ненужной. Надо отличать этот род изображенья обстановки от символического значения пространственных картин в сновидении. Такие картины, если они имеют символическое значение, редко не бывают яркими в зрительном отношении (по данным автора они даже никогда не теряют яркости). Поэтому при толковании сновидения не имеют значения те места, такая обстановка, которую можно только назвать словесно, но которая в самом сновидении конкретно не была воспринята, которую человек в сновидении не видел ярко и определенно. Лестницы и коридоры, ясно видимые в сновидении, соответствуют действительности и являются образами воспоминания. Надо ли толковать их символически, этого анализ не выяснил.

Третий момент, подлежащий дополнительному толкованию, это—фраза второй части сновидения: «Ну, как же, ты уже категорировал?». Эта фраза, как и все встречающиеся в сновидении фразы (за исключением тех случаев, когда слова произносятся кем-то невидимым и представляют собой, как выясняет толкование, его же собственные звучащие мысли), была произнесена в свое время в действительности. Но связь этой фразы с реальной действительностью раскрылась опять-таки лишь при анализе сновидения о клозете девочек (см. ад. 7.). Дело в том, что школьный учитель запрещал детям выходить из класса во время урока. Они должны были отправлять свои потребности до начала урока. По этой причине иногда и случалось, что ученики спрашивали один другого перед уроком: сходил ли ты на двор? В сновидении это представлено словами: «ты уже категорировал?», т.-е. помочился. Это место дает нам окончательное несомненное доказательство значения слова категорировать = = мочиться. Здесь кроме того еще раз окончательно подтверждается еще одно наше толкование: то обстоятельство, что Фриц сидит на скамейке рядом с Коном, мы истолковали в том смысле, что он чувствует себя виноватым (см. стр. 92); здесь мы находим еще одну детерминанту. За выход из класса во время урока полагалось наказание, и Фрицу пришлось в действитель-

ности подвергнуться этому наказанию. Связь между вопросом: «категорировал ли ты?» и сравнением самого себя со скверным мальчиком, заслуживающим наказания (сравнение это дано в факте сидения рядом с Коном) окончательно и недвусмысленно относит «категорию» к числу запрещенных деяний.

Сделаем краткое резюме. Сновидение это раскрывает нам, что мальчик направил свою сексуальность на гомосексуальный путь, что он имеет наклонность находить удовлетворение своему половому влечению в инфантильной жажде созерцания («S c h a u - t r i e b»), но относится к этому как к чему-то недозволенному, вследствие чего и приближается к вытеснению этого момента.

II.

Сновидение о клозете для девочек.

Это сновидение точно и по всем пунктам повторяет душевную ситуацию предшествующего сновидения о «категории»; оно подверглось анализу лишь спустя семь недель после первого. Фриц, по собственному почину, рассказал аналитику сновидение и сделал при этом замечание, что ему опять приснилось то же самое только в несколько ином виде. Сновидение это крайне ясно и связно, поэтому толкование его будет изложено весьма кратко и должно будет ограничиться главным образом указаниями на совпадения между обоими сновидениями: данным и предшествующим. В видах удобства обзора мы снабдим цифрами отдельные части сновидения и относящиеся к ним ассоциации.

1. «Я был в школе. Учитель сказал: «Кто неженка, тому надо превратиться в девочку». *2.* А я подумал: «Теперь мне можно будет посмотреть немного клозет для девочек». Потом мы вышли из школы, *3.* навстречу нам попались девочки. Прежде чем мы встретили девочек, кто-то сказал мне слово: корректура (исправление); и я сразу понял—что и девочки тоже должны превратиться в мальчиков. Но вот мы встретили девочек, *4:* и я уже вижу, что у одной из них волосы рыжие, короткие, остриженные, как у мальчиков, и штаны тоже короткие, серые, выше колен, и серый жакет. Мы вышли за ворота и увидали, что за воротами *5.* гололедица. Когда мы были уже на половине расстояния от дома, я подумал, что я мог бы теперь вернуться и поглядеть клозет для девочек. Я сейчас же повернул обратно и стал, точно на коньках, скользить по льду по направлению

к школе. *6.* Тут меня задержал учитель и сказал: *7.* «Надо ходить раньше». Он задержал меня, протянув передо мной свою руку.

Ассоциации и анализ.

К п. *1.* а) Тетя Элла часто говорит нам: «Девочки, и те не так избалованы и не такие неженки, как вы».

в) Учитель постоянно говорит нам: «Про девочек говорят, что они гусыни, когда они слишком много... (уринируют?). Что же надо сказать про вас?».

Толкование: Здесь сказывается отрицательное отношение к девочкам: девочка—существо, заслуживающее презрения. Для полноты картины вспомним о гомосексуальных наклонностях, проявлявшихся в сновидениях о «категории». Презрительное отношение к женскому полу [1]) основывается на этих тенденциях, на их нарцистическом компоненте (гордость своим penis'ом).

К п. *2.* У меня часто бывает желание поглядеть клозет для девочек. Однажды я уже хотел войти в него, когда мне пришлось снести книги из библиотеки в класс девочек. Но со мной был Франц, так что я не мог сделать этого. Я все-таки сказал Францу: пойдем посмотрим клозет девочек,—но он не послушался.

Толкование: В данном случае мы видим, как половое влечение проявляется в виде влечения к подглядыванию, направленному на выделительные процессы. То же самое открыл нам и сон о «категории». Но там пришлось прибегнуть к сложному толкованию, здесь мы без всякого труда видим, в чем дело. То обстоятельство, что любопытство Фрица направлено на женский пол, говорит о том, что его сексуальная установка еще колеблется. Но и предшествовавшее сновидение также ведь начинается с гетеросексуального любопытства. Но если в первом сновидении мы видим вскоре отклонение в сторону мужского пола, то во втором перед нами низкая оценка женщины; еще яснее это будет видно в пункте *4.* Здесь мы позволим себе замечание, что при наличии колеблющейся сексуальной склонности выбор окончательного направления в ту или другую сторону происходит, по всей вероятности, лишь в периоде полового созревания, и что не исключена возможность оказать влияние на

---

1) Замечание это носит одновременно и полемический характер: оно направлено против конструкции *Адлера* (Adler), пытающегося объяснить тенденцию желания быть мужчиной, как «мужской протест», возникающий в связи с социальной оценкой обоих полов или в связи с волей к власти, а не на почве инстинктивных наклонностей.

сексуальное развитие, если пытаться оказать это влияние до наступления периода созревания (даже если уже явственно проявились ненормальные влечения).

К п. *3*. «Девочки отправились прямо в четвертый класс, где им, собственно говоря, нечего было делать. Они попались мне навстречу». (Фриц учится в городском училище для мальчиков и девочек. Оба отделения соединены корридором.)

Толкование: Бросается в глаза, что ассоциации Фрица в данном случае представляют собой только более яркое изображение ситуации сновидения, что ему не приходят в голову какие-нибудь реальные воспоминания. То изумление и та критика, с которыми он относится к этой ситуации, говоря, что девочкам, которые пошли ему навстречу, нечего было в сущности делать в четвертом классе (это его классное помещение), показывают, что это встречное движение девочек имеет другой смысл, не пространственный, как это изображено в сновидении. Понятие «пойти навстречу» в психологическом смысле здесь попросту представлено в образе. Чувство изумления выражает то, что в действительности дело обстоит как раз наоборот, что девочки не идут ему навстречу. Но такое отрицательное отношение девочек к нему существует только в его психике, так как в действительности девочки очень любят его: он мальчик славный и красивый. Но им в сущности нечего с ним делать, потому что он ими не интересуется. Опять мы получаем, при помощи обращения смысла предложения, ненормальный элемент на самом критическом гомосексуальном месте. Совсем как это было и в сновидении о «категории», когда мы произвели обращение фразы: «когда категорируешь, то появляется жажда» (см. выше).

Встречное движение в сновидении представляет собой исполнение желания по отношению к активному стремлению мальчика посмотреть на женские половые органы. Фриц еще ни в коем случае окончательно не порвал с женским полом, и гомосексуальный выбор, покоющийся пока в самом глубоком слое бессознательного, еще не в силах сделать беспредметным его любопытство по отношению к женским половым органам.

К п. *4*. «Рыжие волосы, но не короткие, у Марии Ф., ученицы пятого класса. Она—сестра одного из моих товарищей по классу. А вот у моего одноклассника Карла такие же коротко остриженные рыжие волосы и такой же костюм, как у девочки в сновидении. Одноклассника Карла я терпеть не могу».

Толкование: Последнее предложение 3 пункта: «я сразу понял [1]), что и девочки тоже должны превратиться в мальчиков», реализуется в образе девочки, переодетой мальчиком. Отождествление девочки с одноклассником, которого он не терпит, обозначает отклонение, неприятие девочки (гомосексуальность). Теперь нам остается отыскать объяснение тому, почему девочка появляется в мужском платье. В связи с тезисом 1 пункта, где сказано, что мальчики превращаются в девочек, мы усматриваем теперь в факте переодевания девочки полное извращение всех сексуальных взаимоотношений.

Некоторое объяснение этого переодевания, правда, расположенное в более поверхностном слое, мы находим в словах Фрица, сказанных им потом: «если бы я был девочкой, я мог бы взглянуть на клозет для девочек». Здесь аналитик считает допустимым вывод, что цель переодевания девочки в сновидении состоит в том, чтобы исполнить желание Фрица по принципу горы, идущей к Магомету. Так как сделаться девочкой для него невозможно, то девочка идет ему навстречу в качестве мальчика. Насколько это мало устраивает его в действительности, так как всё остается по существу без всяких изменений, видно и из его собственного замечания, что девочкам нечего делать в четвертом классе. Что переодевание представляет собой не решение проблемы, а помеху для этого решения, сказывается в следующем разговоре между Фрицем и аналитиком.

Вопрос аналитика. «Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть девочку в костюме мальчика?»

Фриц. «Да, Жозефину. Когда она делала гимнастику, то она натянула под юбку черные штаны, как у мальчиков, чтобы ей не подглядывали под юбки! Однажды я видел в парке, как одна девочка скатилась с большого камня; у нее не было штанов, и мы заглянули ей под юбку» [2]).

---

[1]) И здесь, как и в предыдущем, мы должны сослаться на технику сновидения. Фразу «кто-то сказал мне» Фриц превратил в другую: «я сразу понял» (см. выше). Кем были сказаны эти слова, он не видел, а поправкой своей он вполне подтверждает то, что мы установили выше с помощью толкования, именно: если в сновидении слова произносятся кем-то невидимым, то слова эти не более как звучащие мысли самого видящего сон лица.

[2]) При этом Фриц обратил внимание на то, что слизистая оболочка половых органов—красного цвета (см. выше).

К. п. 5. «Я очень хотел кататься на коньках».

Толкование: Сновидение это было в январе месяце. Несмотря на это, не было морозов. Гололедица—это, во-первых, исполнение дневного, вполне сознательного желания. В действительности же в нем содержится момент чего-то запрещенного, так как мальчикам строго-настрого приказано не кататься по льду на улице перед школьным зданием. Запретный момент выступает еще яснее в том обстоятельстве, что Фриц катается по льду, направляясь обратно в школу, когда все уже ушли из школы; он хочет воспользоваться удобным случаем, потому что теперь, как он думает, ему никто не помешает, и собирается посмотреть клозет для девочек. Скользить по льду, следовательно, означает итти по запретному пути. Это совершенно недвусмысленно вытекает из того, что следует непосредственно за этим.

К. п. 6. a) Из Гиртльского приюта убежали как-то два мальчика. Полиция поймала их и они были наказаны.

b) «Мне уже несколько раз очень хотелось зайти в клозет для девочек, но я боялся, что я могу застать там девочку, которая донесет на меня».

К. п. 7. «Надо ходить раньше».—Так говорит наш учитель, когда кто-нибудь из нас просится из класса во время урока.

Толкование: В этой части тоже содержится момент запрещенного [1]). Жест, которым задерживает его учитель, Фриц мог видеть у постовых полицейских, задерживающих на перекрестках экипажи. Протянутая рука означает: «Дальше нельзя ехать».

Теоретические замечания.

Предлагаемые анализы сновидений вводят нас в сексуальную жизнь мальчика, находящегося в периоде латентности. Мы видим, как действует влечение к разглядыванию и коррелат этого влечения: эксгибиционизм. Мы констатируем кроме того, что выбор объекта («O b j e k t w a h l»), выраженный уже совершенно недвусмысленно в этих сновидениях, движется к своему полному развитию также и по линии выделительного либидо. И этот род либидо, являющийся в принципе автоэротическим, также вносится в процесс перенесения; получается такое впечатление, что это возможно благодаря двум условиям. Одно из этих условий, очевидно, заключается в количестве той части, в которой либидо связано с специфическими органами (вследствие чего

1) См. сновидение о «категории».

либидо одновременно квалифицируется и как специфическое «O r g a n l i b i d o»). Может быть, дело обстоит таким образом, что не все то либидо, которое мобилизуется во время выделительных процессов, дается специфически самими органами выделения; может быть, известная доля этого либидо остается недифференцированной, может сдвигаться с одного органа на другой, а тем самым и переноситься на другой объект, при условии, если эта подвижная доля либидо займет такую эрогенную зону, которая биологически назначена не к автоэротическому способу выбора объекта. Если это условие дано, то возможность перенесения выделительного либидо устанавливается уже окончательно с помощью второго момента, заключенного в самом орудии выбора объекта: глаз или какой-нибудь другой орган, служащий преимущественно функции приспособления к внешнему миру, начинает работать на пользу выделительного автоэротического либидо (или его подвижной дробной части), так что в результате дело принимает такой оборот, что сексуальное влечение к разглядыванию, направленное на разглядывание выделительных функций других лиц, вносит свой вклад в дело выбора объекта по линии выделительного либидо.

Отношение этой проблемы к проблеме нарцизма, т.-е. к проблеме возможности перенесения либидо «K a t e x o c h e n», будет подвергнуто обсуждению в свое время. Здесь мы скажем только следующее: проекция выделительного либидо одновременно является и путем к его вытеснению: автоэротическое наслаждение при выделениях теряет свою цену (или становится, по крайней мере, заменимым), благодаря тому, что субъект, на обходном пути вполне социального влечения к разглядыванию, вновь получает наслаждение от процессов выделения,—наслаждение само по себе асоциальное, но уже в такой форме, которая оказывается вполне равноценной со всеми остальными видами эротической оценки не-автоэротических объектов. Если в процессе дальнейшего развития полового влечения, определяемого другими эрогенными зонами и самим «я» субъекта, специфическое наслаждение процессами выделения у объекта любви окончательно обесценивается (благодаря тому, что органы выделения в полном соответствии с большими знаниями субъекта о них теперь начинают цениться только, как специфические половые признаки), то этим самым находит свое нормальное окончание и процесс развития выделительного либидо. Но если

на этом пути происходит фиксация, то получаются извращения, соответствующие моменту фиксации («Voyers», эксгибиционизм, копрофилия и т. д.).

В заключение я хотел бы еще упомянуть о том, что по моим наблюдениям я должен притти к мысли, что сексуальная жизнь мальчиков в периоде латентности и вообще носит преимущественно характер склонности к разглядыванию процессов выделения, и что эта физиологическая функция служит материалом для большинства сексуальных фантазий в латентном периоде. Объясняется это тем, что эта функция связывает интерес к половым органам с такими вещами, которые и вполне соответствуют знаниям мальчика и по необходимости должны быть вполне санкционированы и взрослыми, на которых лежит забота о воспитании.

МАЛЕНЬКИЙ ПЕТУШАТНИК.

Д-р С. Ференци (S. Ferenczi), Будапешт.

Одна дама, в качестве бывшей пациентки принимающая участие в психоаналитическом движении, обратила мое внимание на случай, который, как она предполагала, должен был заинтересовать и нас.

Это был детский случай. Ребенку было тогда пять лет. Мальчик этот, по имени Арпад, развивался вполне правильно, и душевно, и телесно, вплоть до $3^1/_2$-летнего возраста и был совершенно нормальным ребенком; в этом не расходятся показания всех родных; он прекрасно говорил и проявлял в своих речах хороший интеллект.

Вдруг все изменилось. В 1910 г., летом, вся семья отправилась в один из австрийских курортов, в тот же самый, в котором семья проводила и предшествовавшее лето; квартиру сняли ту же самую, что и в прошлом году. Тотчас же по приезде туда ребенок переменился весьма странным образом. До этого времени он, и дома и вне дома, проявлял интерес решительно ко всему, что способно вызвать интерес ребенка; теперь у него был только единственный интерес, предметом которого оказался курятник, помещавшийся на дворе около дачи. С раннего утра он спешил к птицам, разглядывал их с неутомимым любопытством, подражал их крикам и движениям, кричал и плакал, если его насильно удаляли из курятника. Но и вне курятника все его времяпрепровождение, все его занятия сводились исключительно к клохтанью, кудахтанью и воркованью. Он проделывал это, не переставая, целыми часами; на вопросы он отвечал только по-птичьи, так что мать не на шутку опасалась, как бы он не разучился говорить.

Такая странность держалась у маленького Арпада в течение всего времени пребывания на даче. Когда семья вернулась в Бу-

Дапешт, он опять заговорил по-человечески, однако, в разговорах своих попрежнему продолжал заниматься почти исключительно петухами и курами, да разве еще кроме того гусями и утками. У него была все та же обычная игра, бесконечное число раз повторявшаяся им в течение дня: он мял газетную бумагу, делал из нее петухов и кур, предлагал их в виде продажного товара, затем он брал какой-нибудь предмет (большей частью маленькую плоскую метелку), называя его ножом, нес бумажных птиц к раковине водопровода (где кухарка имела обыкновение и в действительности резать кур) и отрезал им шеи. Затем он показывал, как птица истекает кровью, и мастерски имитировал ее агонию голосом и телодвижениями. Если на дворе появляется торговец, предлагающий купить кур, то Арпад становится неутомим, беспрестанно выбегает к дверям и обратно и не успокаивается до тех пор, пока мать не купит их. Он определенно желает присутствовать при убое курицы, зато у него порядочный страх перед живыми петухами.

Родители чрезвычайно часто спрашивали Арпада, почему петух его так пугает, и он всегда рассказывал одну и ту же историю: однажды он отправился в курятник и стал мочиться там, но в этот момент подоспел петух или каплун желтого цвета (иногда он говорит—коричневого цвета), и больно клюнул его прямо в половой орган. Горничная Илона перевязала ему ранку, а петуху отрезали шею, так что он «подох».

Родители действительно помнят об этом происшествии, случившемся во время первого проведенного в этом курорте лета, когда мальчику было $2^1/_2$ года. В один прекрасный день мать услышала ужасный крик мальчика и узнала от горничной, что он страшно напуган петухом, схватившим его за половой орган. Так как Илона у них больше не служит, то нельзя было точно выяснить, было ли действительно нанесено ребенку ранение или, как помнится матери, Илона сделала ему перевязку только для вида, чтобы успокоить его.

Но вот что своеобразно во всей этой истории: психическое последействие этого переживания сказалось у ребенка после скрытого периода, продолжавшегося целый год, когда семья во второй раз поселилась на даче в прежней квартире, при чем в течение всего скрытого периода не произошло ничего такого, чем можно было бы объяснить внезапный возврат страха перед птицами и интереса к ним. Несмотря на отрицательный характер

этого рассказа, я все же не мог не поставить близким ребенка следующего вопроса вполне законного с точки зрения психоаналитического опыта: я спросил, не угрожали ли ребенку за этот период времени отрезать половой орган в наказание за склонность к ощупыванию половых частей. Ответ, данный с неохотой, был следующий: в настоящее время (т.-е. в возрасте пяти лет) мальчик действительно охотно играет своим членом, за что его частенько наказывают; отнюдь «не невозможно», что кто-нибудь из взрослых действительно пригрозил ему «в шутку», что ему могут отрезать член; скверная привычка играть членом отмечается у ребенка уже довольно давно, трудно, однако, сказать, существовала ли она и в том периоде времени между двумя поездками на дачу в курорт.

Из дальнейшего выяснится, что позже Арпаду действительно приходилось слышать подобные угрозы, так что мы считаем себя вправе думать, что наше предположение о действительной причине страшного волнения ребенка при вторичном посещении курорта — места первого страшного переживания, когда его члену угрожала опасность, — вполне вероятно: причина эта — угрозы кастрацией, слышанные им в промежутке между этими поездками. Конечно, невозможно совершенно исключить и еще одну, другую возможность: может быть, ребенок слышал эти угрозы до первой поездки на дачу, потому-то и страх его, когда его задел петух, оказался таким преувеличенным, — резкое же волнение при виде птиц на даче во второй раз возникло в результате повышения либидо у ребенка за этот промежуток времени. Восстановить все эти события, к сожалению, было уже невозможно, и нам приходится поэтому довольствоваться предположением о вероятности указанных нами причинных соотношений.

При исследовании ребенка не удалось отметить чего-либо резкого или ненормального. Однако, едва он очутился в моей комнате, как из всех находящихся в ней в большом числе безделушек его внимание тотчас же остановилось как раз на маленьком бронзовом глухаре; он взял его в руки, подошел ко мне и спросил: «Не подаришь ли ты мне его?». Я дал ему бумагу и карандаш, и он тотчас же (и очень недурно) нарисовал петуха. Затем я предложил ему рассказать мне всю эту историю про петуха. Но он уже испытывал скуку, и ему хотелось домой, к своим игрушкам. Итак, прямое психоаналитическое обследование оказалось невозможным и мне пришлось ограничиться тем, чтобы просить даму, заинтересованную этим случаем, делать заметки,

записывать его странные изречения и поступки: дама эта имела возможность, в качестве соседки и близкой знакомой, наблюдать его целыми часами. Сам я мог констатировать только то, что мальчик умственно очень подвижен и не лишен одаренности; правда, его умственные интересы и дарования странным образом сосредоточены на царстве пернатых. Он мастерски клохчет и поет «кукуреку». По утрам он просыпается раньше всех и будит все семейство звучным «кукуреку» — настоящий Chanteclair. Он музыкален, но поет исключительно такие песенки, в которых встречаются упоминания о петухах, курах или о чем-либо подобном: особенно же любит он песенку:

«В Дебрецен хочу поехать,
чтоб купить там индюка».

Затем еще две песенки:

«Курочка, курочка, цып, цып, цып, цып»

и

«Под окошком два цыпленочка,
Два петушка и курочка».

Кроме того он рисует—как уже сказано — но изображает исключительно птиц с большим клювом, правда, очень удачно. Мы видим таким образом те направления, по которым он пытается сублимировать свой патологически чрезмерный интерес к этим животным. Родителям пришлось, в конце концов, примириться с этими вкусами ребенка, так как запреты были совершенно бесполезны: они согласились даже на покупку целого ряда игрушек, изображавших птиц, сделанных из небьющегося материала; мальчик устраивал разные игры-фантазии с этими игрушками.

В общем, Арпад—мальчуган веселый, но он чрезвычайно упрям, если его задевают или бьют. Он почти никогда не плачет, никогда не станет просить извинений. На ряду с этими качествами у него ясно заметны намеки на настоящие невротические черты: он пуглив, видит много сновидений (конечно, о птицах) и часто неспокойно спит.

Моя сотрудница отметила целый ряд странных поступков и изречений мальчика; по большей части эти данные говорят об исключительной склонности к фантазиям на тему о жестоких истязаниях птиц. Я уже говорил о типичной для него игре, подражании убийства кур; должен добавить, что и в сновидениях о пернатых он по большей части видит «дохлых» кур и петухов. Я дословно приведу некоторые изречения мальчика:

«Мне хотелось бы,—сказал он как-то совсем неожиданно,— чтобы у меня был живой ощипанный петух. Без крыльев, без перьев и без хвоста, с одним гребнем. Но он должен ходить».

Кухарка только что зарезала курицу, и Арпад начинает играть этой курицей. Затем он внезапно идет в соседнюю комнату, берет там на туалете щипцы для завивания, идет к курице и восклицает: «Сейчас я выколю слепые глаза этой подохшей курице». Когда на кухне режут птиц, то это для него настоящий праздник. Он способен целыми часами в крайнем возбуждении прыгать и танцовать вокруг убитой птицы.

Кто-то из домашних спросил его однажды, указывая на зарезанную курицу: «Хотелось бы тебе, чтобы она опять ожила?»— «Чорта я хочу, я сейчас же убил бы ее сам».

Он часто играет картофелем или репой (объявляя, что это— куры), изрезывая их ножом на мелкие кусочки. Ему как-то во что бы то ни стало хотелось разбить об пол горшок, на котором были изображены куры.

Но чувства, которые он питает по отношению к пернатым, отнюдь не исчерпываются одной ненавистью и жестокостью: чувства эти явственно *амбиваленты*. Очень часто он гладит и целует убитую им птицу или же, подражая кухарке, «кормит» маисом деревянного гуся, при этом он все время клохчет и пищит. Однажды он разгневался на свою небьющуюся куклу (курицу) за то, что ее нельзя разорвать, и тут же бросил её в печку, но сейчас же вытащил её обратно, почистил и расцеловал. Зато на долю животных, изображенных в его альбоме с картинками, выпала более горькая судьба: он изорвал их в куски и не мог потом вернуть им жизнь, что очень его огорчало.

Если бы подобные симптомы наблюдались у взрослого душевно-больного, то психоаналитик, не колеблясь, истолковал бы эту чрезмерную любовь и ненависть к птицам в смысле перенесенности бессознательных аффектов, направленных по сути на людей, вероятнее всего на близких родственников, но вытесненных и могущих проявиться лишь подобным искаженным и смещенным способом.

Желание ощипать и ослепить птицу он истолковал бы, как символ кастрационных замыслов и стал бы рассматривать весь симптомокомплекс как реакцию на чувство страха, вызванное в ребенке мыслью, что он будет кастрирован.

Амбивалентность установки вызвала бы у аналитика подозрение, что в душевной жизни больного борются противоречивые чувства; на основании многочисленных фактов опыта он должен был бы предположить, что эта амбивалентность, по всей вероятности, направлена на отца, которого он вообще чтит и любит, но которого он в то же время должен и ненавидеть, так как он налагает на него строгие сексуальные ограничения. Одним словом, аналитическое толкование свелось бы к следующему: *петух во всем симптомокомплексе означает отца* [1]). Что касается маленького Арпада, то тут нам не придется трудиться над толкованием. Работа вытеснения не успела еще окончательно замаскировать у него действительное значение всех этих странностей; первичное и вытесненное еще просвечивает в его речах, а иногда оно даже совершенно ясно проступает наружу, при чем с изумительной откровенностью и грубостью.

Его жестокость часто проявляется и в отношении к людям, при чем замечательно, что часто она направлена на половые органы взрослых.

«Я вот задам им по заднице», сказал он однажды с удовольствием одному мальчику, несколько постарше себя. «Я им вырежу середину», сказал он в другой раз с еще большей ясностью.

Его нередко занимает идея ослепления. «Можно ли ослепить человека огнем или водой?» спросил он однажды соседку.

(Замечательно, что он очень интересуется половыми органами птиц. Всякий раз, когда режут птицу, он требует, чтобы ему сказали, какого она пола.)

Он подбежал к постели одной взрослой девушки и воскликнул: «Я отрежу тебе голову, положу ее на твой живот и съем ее».

Однажды он сказал совершенно неожиданно: «Я хотел бы покушать запеченную мать (по аналогии с запеченной курицей); надо бы положить мою мать в горшок и сварить ее, получилась бы запеченная мать, и я мог бы поесть». (При этом он ухмыляется и танцует.) «Я бы отрезал ей голову и стал бы есть — вот

---

[1]) В очень большом числе проанализированных сновидений и неврозов за фигурой животного скрывалась личность отца. См. *Фрейд*. «Анализ фобии у 5-летнего мальчика» (Jahrbuch für Psychoanalyse, I том, стр. 1 (см. выпуск XXIII этой библиотеки) и «Сказочные сюжеты в сновидениях» (тот же журнал, тетрадь 2).— В личной же беседе *Фрейд* сообщил мне, что одна из его работ, имеющая быть опубликованой в «Imago» (Совпадения etc) воспользуется этой идентичностью для объяснения тотемизма.

так». (При этом он делает руками движения, имитирующие употребление ножа и вилки во время еды.)

Но тотчас же после проявления этих каннибальских позывов у него появляются противоположные настроения, как бы раскаяние: он проявляет мазохистическую жажду жестоких наказаний.

«Я хочу сгореть,—восклицает он теперь.—Отломайте мне одну ногу и положите ее на огонь».

«Я отрежу себе голову. Я хотел бы изрезать себе рот, чтобы у меня не было рта».

И как бы для того, чтобы нельзя было сомневаться, что под петухом, курицей и цыпленком он подразумевает собственную семью, он как-то, вдруг, неожиданно говорит: «Мой отец — это петух!». В другой же раз: «Теперь я маленький, я теперь цыпленок. Когда я буду больше, я стану курицей. А когда стану еще больше, то буду петухом. Когда я буду больше всего, то я буду кучером». (Кучер, правящий лошадьми, повидимому, импонирует ему даже больше отца.)

После подобного признания со стороны мальчика,—признания вполне самостоятельного, не вынужденного чьим-нибудь влиянием, мы начинаем несколько больше понимать то страшное волнение, с которым он в свое время неустанно наблюдал жизнь кур и петухов на птичьем дворе.

Все семейные тайны, которые тщательно скрывались от него домашними, он мог вполне удобно изучать на птичьем дворе; «сердобольные животные» открыто показали ему все то, что ему хотелось видеть, главным же образом свою оживленную половую жизнь, кладку яиц, вылупливание из яиц молодого поколения. (Расположение квартиры, занимаемой семьей Арпада, таково, что мальчик без всякого сомнения мог подслушивать и дома те же процессы. Интерес, пробудившийся в нем таким образом, он должен был удовлетворять потом бесконечным рассматриванием птиц.)

Арпад и дальше не остался у нас в долгу: он подтвердил и ту часть моего предположения, которая сводила патологическую боязнь петухов в последнем счете к угрозе кастрацией в наказание за онанизм.

Как-то утром он спросил соседку: «Скажите, почему люди умирают»?

Ответ. «Потому что они стареют и утомляются».

«Гм! Значит, и моя бабушка тоже была старой? Нет! Она была не старая и все-таки умерла. О, если существует бог, то

почему он допускает, чтобы я постоянно падал (он подразумевает: спотыкался, падал на дороге). И почему он делает так, что люди должны умирать?». Затем он начинает интересоваться ангелами и душами, но ему дается объяснение, что все это только сказки. Он совершенно застывает от страха и говорит: «Нет! Неправда! Ангелы бывают. Я сам видел одного из них, он носит мертвых детей на небо». Потом он спрашивает в ужасе: «Почему умирают дети?», «Как долго можно жить на свете?». С трудом удается успокоить его.

После же выясняется, что в тот же день утром горничная внезапно подняла его одеяло, и увидав, что он манипулирует со своим членом, пригрозила, что ему отрежут член. Соседка пытается успокоить его и говорит, что ему не сделают ничего дурного. Она говорит ему, что и все прочие дети делают то же самое, что сделал он. В ответ на это Арпад вскрикивает с негодованием: «Это—неправда! Не все дети! Мой папа никогда не делал этого».

Теперь нам более понятна его ненасытная ненависть к петуху, который хотел сделать с его членом именно то, чем угрожали ему взрослые; понятно также и его глубокое уважение к этому сексуальному животному, которое дерзает делать то, чего, как ему внушено, он должен страшно опасаться; нам понятны теперь и те жестокие кары, которые он призывает на свою голову (в наказание за онанизм и садистические фантазии).

Точно желая дать нам полную картину, он начинает в последнее время усиленно интересоваться религиозными идеями. Все бородатые евреи внушают ему великое, смешанное со страхом, почтение. Он просит мать, чтобы она пригласила этих нищих войти в квартиру. Но если кто-нибудь из них на самом деле придет в дом, то он прячется и рассматривает гостя на почтительном расстоянии; однажды он сказал при уходе такого гостя: «Теперь я — курица нищего». Старые евреи, как он говорит, интересуют его потому, что они приходят «от бога» (из храма).

В заключение приведем еще одно из выражений Арпада; оно показывает, что он не даром так долго наблюдал за половой жизнью кур. Однажды он совершенно серьезно сказал соседке: «Я женюсь на вас и на вашей сестре и на моих трех кузинах и на кухарке, нет, лучше на маме вместо кухарки».

Он, значит, действительно собирается стать «петухом в курятнике».

О СИМВОЛАХ И О ПСИХИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ У РЕБЕНКА [1]).

Д-р Борэн (Beaurain), Закопаны.

Проблема символа очень часто подвергается обсуждению в психоаналитической литературе; поэтому было бы весьма интересно подробно выяснить его психологическое значение.

Символическая форма выражения по воззрениям *Фрейда* и его школы, как известно, свойственна архаическому мышлению, и представляет собой архаическую форму мышления.

Если этот взгляд правилен, то онтогенез должен дать подтверждение филогенетической эволюции; необходимо, следовательно, доказать существование символического периода в умственном развитии ребенка.

Должен сказать, что я беру понятие «символа» в самом широком смысле и подразумеваю под символом замещение (s u b s t i t u t i o n) определенных представлений некоторыми другими, ассоциированными с ними по сходству, каким бы отдаленным или односторонним оно ни казалось.

Ассоциация — самая общая форма, это первичная психическая функция, автоматически регистрирующая сырой материал психических переживаний. Рассмотрим один из классических примеров, — наблюдение *Дарвина*: ребенок увидел утку в воде и дал ей имя «Куак»; слово это представляет собой ономатопоэтическое обозначение целостного восприятия. С этих пор всякое летающее живое существо он называл «куак»: птиц, насекомых

---

1) Доклад на втором съезде польских неврологов, психиатров и психологов в Кракове. 20—23 декабря 1912 г.

(преимущественно мух), но, кроме того, это название он присвоил и для всякого рода жидкостей, в роде воды, вина и т. д. И, наконец, увидев однажды монету в 1 су, он и ее назвал «куак». В результате «куак» — название столь отличающихся друг от друга предметов, как муха, вино и монета. Что это означает? Не есть ли это прогрессирующее обобщение значения слова, исходящее с самого начала от самого же этого слова, которое заключало в себе общее понятие? Подобное объяснение было принято старыми авторами, но *Е. Мейманн* (E. Meumann) отверг его. «На деле, — говорит он, — выясняется, что смысл слова «куак» вполне конкретен!».

Ребенок изобрел это слово, увидев утку в воде, затем он применяет это слово для обозначения жидкостей и летающих живых существ; что может быть естественнее предположения, что в момент изобретения слова ребенок схватил только два элемента во всем комплексном восприятии: жидкость и крылья? Эти элементы оказались ассоциированными со словом «куак». И вот всякий раз, когда встречается одно из этих частичных явлений, оно ведет к репродукции названия «куак». Здесь может совершенно отсутствовать сознательное опознание сходства (вино: вода, муха: птица). Прекрасно известный в психологии закон репродукции одного и того же представления (в нашем случае слова «куак») при сходных восприятиях вполне достаточен для объяснения репродукции слова даже по поводу явлений, у которых столь же мало сходства, как у мухи с птицей. Смысл слова, следовательно, совершенно конкретен, он обнимает только два парциальных восприятия: крылатое существо и жидкость. Когда затем это слово распространяется и на монеты, то это опять-таки не какое-нибудь «обобщение в понятии», но то же обычное для психолога ассоциативное перенесение.

В момент восприятия монеты воспринимается и орел, изображенный на ней; орел называется «куак» — поэтому ассоциация между орлом и «куак» распространяется и на воспринятую одновременно с орлом самую монету, и слово «куак» может уже быть репродуцировано и при виде одной только монеты. Объем сознания у ребенка очень узок, ребенок не апперцепцирует всего обилия различных свойств предметов, взамен чего ясно выступают единичные качества, парциальные восприятия, а остальные элементы комплексного восприятия остаются незамеченными. Процесс этот требует крайне незначительной психической за-

траты и представляет собой примитивную, предварительную ступень низшей психологической абстракции [1].

Так, например, ребенок может видеть сходство там, где взрослому, располагающему большими апперцепционными массами, оно покажется неадекватным и непонятным, в лучшем же случае совершенно неожиданным. Такими неожиданными представляются, напр., слова одного ребенка, что у садовой воды вкус заснувших ног. Представляется установленным, что схватывание моментов сходства представляет собою несравненно меньшую работу, чем обращение внимания на различия. Путешественник, сходящий с корабля в Китае и в первый раз в жизни попадающий в китайскую толпу, едва ли в состоянии отметить что-либо индивидуальное в массе похожих одна на другую физиономий.

Проходит очень большой промежуток времени, пока у ребенка разовьются логические функции, способность к абстракции. Так, например, ребенок очень долгое время производит счет чисто конкретным образом. Если у мальчика, играющего в оловянные солдатики, взять одного из десяти таких солдатиков, то он очень скоро заметит эту убыль, несмотря на то, что не знает абстрактного числа имеющихся у него солдатиков. Он тотчас же заметит, что нет солдатика с отломанным остреем штыка или солдатика с тупым носом. *Психическая работа в данном случае состоит в сопоставлении конкретных представлений.* Существует целый ряд ступеней, ведущих от конкретного счета к счету арифметическому; эти ступени лучше всего наблюдать у диких и полудиких народов.

Очень распространено *замещение типичными представлениями.* Так напр., число 1 носит название «солнце» или «месяц», число 2 называется «глаза» или «ноги» (парный орган). Дикарям часто неизвестно число 3 в качестве целого, оно для них является сочетанием 2 + 1; число 4 встречается часто лишь как 2 + 2. Счет по пальцам, при котором палец замещает предмет, принадлежит уже к числу более развитых форм счета, из предшествующих счету абстрактному. Мы уже склонны забывать затраченные усилия, коль скоро цель достигнута.

Абстракция какого-нибудь качества от предмета представляет собою трудную работу. Поэтому и прилагательное в развитии

---

[1]) E. Meumann: Die Sprache des Kindes. Zürich, 1903; Th. Ribot. L'evolution des idées générales; G. I. Romanes. Mental evolution of man.

языка появляется лишь на поздних ступенях. В языке тасманийцев, напр., нет вовсе прилагательных, они замещаются конкретными представлениями; напр., прилагательное «твердый» заменяется оборотом: «как камень», «длинный» заменяется «как нога», «круглый» — «как шар» или «как луна».

Другой способ замещения состоит в том, что изобретается новое имя существительное специально для выражения какого-нибудь определенного свойства предмета. Так например, для выражения различных особенностей, свойственных льву, арабы пользуются не менее чем 500 существительных; змея у них имеет около 200 названий, а верблюд — 5.744! Подобное богатство, в конце концов, становится настоящим бременем. Подобным же образом у австралийцев существуют отдельные выражения для обозначения хвоста собаки, коровы, овцы и т. д.; слова же, обозначающего хвост вообще, у них нет. В том же самом языке имеется существительное, обозначающее белую корову; для обозначения же коровы другого цвета, напр., коричневого или желтого, служат другие существительные; общего же термина, относящегося к коровам вообще, нет совсем.

Одну из переходных ступеней можно наблюдать у лапландцев. В их языке имеется особое название для каждого пальца в отдельности. Прогресс, который был здесь подмечен, состоял в том, что специальное название большого пальца подверглось обобщению и стало постепенно употребляться для обозначения пальца вообще.

Что касается хода развития у ребенка, то, конечно, весь этот процесс представляется у него весьма сжатым; кроме того, ход развития осложняется поправками со стороны, вносимыми благодаря общению со взрослыми. Очень поучительно бросить взгляд на детский лексикон! Взрослый человек употребляет в среднем 60% существительных, 20% прилагательных, 11% глаголов. В детском лексиконе процент существительных остается приблизительно тем же самым, но зато глаголов у детей — 20%, а прилагательных только — 11%. Имеется, значит, резкий перевес конкретных глаголов за счет абстрактных прилагательных. Логическая неразвитость детского интеллекта сказывается, кроме того, и в отсутствии союзов. Ребенок не обладает чувством противоположностей, ограничений и т. д.; мысли ребенка развиваются просто в форме последовательной смены, совсем наподобие того, как это бывает обычно в сновидениях.

Попытаемся теперь свести наш анализ детской психики к нескольким кратким формулам. Вот каковы установленные нами главные признаки.

I. Наклонность к замещению ассоциированных представлений.

II. Конкретизация представлений.

III. Апперцептивная слабость (парциальные восприятия).

IV. Отсутствие способности к абстракции.

К п. I. Символ всегда многозначен, значение его не исчерпывается одним каким-нибудь определенным смыслом. Эта многозначность символа (гипердетерминированность, сгущенность) обусловлена той легкостью, с которой могут замещаться ассоциированные представления. «Символ никогда не бывает укреплен на одной только ниточке»—*Зильберер* (Silberer). Один и тот же предмет может обозначаться различными символами, и один и тот же символ допускает различные толкования. Этим объясняется также и биполярность символов: один и тот же символ может одновременно указывать на мужчину и на женщину, на смерть и на жизнь.

К п.п. II и IV. Конкретизм представлений ведет к образному выражению мыслей. Неспособность ребенка к абстракции есть фактор отрицательный, но действует он также в только что указанном смысле.

К п. III. Здесь приобретает значение высказанная *Юнгом* мысль: «Апперцептивная слабость сказывается в уменьшении ясности представлений. Но если неотчетливы сами представления, то неотчетливы и их отличия» [1]).

Наклонность к замене (S u b s t i t u t i o n) ассоциированных представлений, характерная для ребенка, является простым следствием такого психического состояния.

Наш анализ, который мы старались вести с возможно большей объективностью, приводит нас к полному согласию с обычными выводами аналитиков, пытавшихся иными путями выяснить эту проблему. Так, напр., *Г. Зильберер* говорит следующее: «Я совершенно не отступаю от мнения большинства других авторов, когда высказываю взгляд, что самое главное и наиболее общее условие для образования символов—это недостаточность способности восприятия по отношению к подлежащему восприятию объекту или, говоря иначе, апперцептивная недостаточность».

---

[1]) C. G. Jung. Dementia praecox, стр. 72.

Условие это вполне объясняет и нормальные и патологические явления и приложимо и к индивидуальной психологии и к психологии народов» [1]).

Заслуживает внимания и следующее, высказываемое *Зильберером*, положение: «Символам, с которыми приходится иметь дело психоаналитику, присуща необходимость. Они представляют собой продукты природы, образующиеся по строгим законам». *Зильберер*, вполне последователен, он выделяет из своего понятия символы банальные, т.-е. такие, которые основаны на произвольной условности. Как ни правдоподобен этот взгляд, безусловно оправдывающийся по меньшей мере в некоторых случаях символики, наши исследования в этой области все же еще не настолько обширны, чтобы можно было говорить об окончательных решающих выводах.

Мне думается, что весьма желательно приступить к планомерному определению возраста символов до известной степени аналогично определению геологических слоев. Это могло бы подвинуть вперед и теоретические исследования.

Этой теме я посвящу в дальнейшем особое сообщение.

---

[1]) I. f. psa. B III. стр. 68 «über die Symbolbildung»

АНАЛИЗ ДЕТСКОГО НАВЯЗЧИВОГО СОСТОЯНИЯ, НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД СОВЕРШЕННО БЕССМЫСЛЕННОГО.

Д-р Рихард Непаллек (Richard Nepallek), Вена.

У одного из моих пациентов есть воспоминание детства, которое я хотел бы рассказать и подвергнуть обсуждению.

Он был единственным ребенком и потерял свою чрезвычайно нежную мать, когда ему исполнилось десять лет. Он внезапно лишился ее любви, и компенсировать себя в этой внезапной потере он мог только в снах на яву: он фантазировал о матери, воображал ее здесь, близ себя, вновь вернувшейся к жизни; он часто мысленно сочинял целые романы, заканчивавшиеся воссоединением с любимой матерью (по образцу общеизвестных детских рассказов, в которых люди, давно без вести пропавшие и считавшиеся умершими, внезапно, точно чудом, возвращаются вновь домой). Нам вполне понятно, что это фантазирование, как он рассказывает, удавалось ему лучше всего, когда он усаживался около кровати покойной матери; ведь это было то самое место, где он столько раз наслаждался счастливым единением со своей матерью, когда она «чтобы вознаградить его» брала его к себе в постель; это случалось, повидимому, до самого последнего времени. Вскоре после этого случилось так, что его собственная постель была поставлена как раз на то место, где прежде стояла кровать матери. Мальчик был чрезвычайно удовлетворен этим новым местом, и это только способствовало его фантазиям.

Однажды вечером, лежа в постели, он увидал на стене щетинку; это был волосок, очевидно, от кисти обойщика; одним кончиком волосок вклеивался между двумя смежными полосами обоев, другим концом он свободно выдавался наружу. Мальчик почувствовал искушение дотронуться до щетинки, но в то же время ощутил, будто что-то странным образом заставляет его

воздержаться от этого прикосновения; он много раз пытался сделать это, но всякий раз его охватывала все та же робость. При этом, словно в виде мотивировки этой непонятной необходимости удержаться от прикосновения, у него возникло не менее непонятное представление, будто между этим волоском и жизнью его матери есть какая-то связь, будто он должен беречь и щадить волосок, если он не хочет потерять надежды на возвращение матери. Мальчик был далек от того, чтобы действительно верить в возможность возвращения матери, его фантазия была сознательным бегством от действительности, в которой ему недоставало любви; у него не было недостатка в критике, и он чувствовал всю абсурдность этих своих фантазий о возвращении матери, которое ставилось в зависимость от целости и сохранения щетинки; и все-таки, несмотря на это, он берег волосок и охранял его приблизительно около 2 лет, пока оклейка комнаты новыми обоями не положила этому конец. Но у него до сих пор сохранилось воспоминание об этом эпизоде, несмотря на то, что с того времени прошло почти тридцать лет: воспоминание сохранилось со всей эмоциональной окраской своеобразной жажды прикоснуться, смешанной с робостью; при этом он всегда изумлялся, как ему могла прийти в голову подобная «глупость» и как она могла приобрести для него такое большое значение.

Но мы отнесемся иначе к этой глупости, не станем считать ее такой маловажной и с помощью анализа попытаемся выяснить, не принадлежит ли некоему другому представлению тот аффект, который связывается с этим происшествием, хотя, по-видимому, им совершенно не оправдывается; не относится ли этот аффект к другому событию, которое, б. м., сделает его более для нас понятным.

Первое, что удалось обнаружить при анализе с помощью свободных ассоциаций, было яркое зрительное представление: фигура обнаженной женщины с бросавшимся в глаза взъерошенным пучком волос на лобке; по описанию пациента, женщина эта походила частью на его мать, частью же напоминала ему женское лицо, виденное им однажды на какой-то порнографической картине, при виде которой он испытал эротическое возбуждение. Но этот зрительный образ оказался всего на всего предвестником одного реального воспоминания, которое вскоре и всплыло.

Пациент и в действительности как-то однажды видел свою мать обнаженной. Он спал в одной комнате вместе с матерью и часто старался подсматривать за ней, когда она раздевалась: однажды ему удалось, притворившись спящим, увидеть, как она меняла сорочку. Он в первый раз в жизни увидел нагую женщину и самое сильное впечатление произвело на него то, что было совершенно новым и неожиданным, т.-е. волосы на лобке, которых не было у детей, в тот период детства с ним купавшихся. Всплыли также и различные другие воспоминания, свидетельствовавшие о том, что у нашего мальчика, как и у всех детей, пожалуй, было желание видеть взрослых людей обнаженными. Так, ни один из библейских рассказов не произвел на него такого сильного впечатления, как сцена, в которой дети Ноя находят своего отца пьяным и обнаженным. То же самое наблюдалось и во время одного заболевания его отца; болезнь эта произвела глубокое впечатление на мальчика, хотя сама по себе по сравнению с другими заболеваниями, бывшими у них в семье, была уже не так значительна. Это был обыкновенный нарыв, но нарыв этот был на ягодице, и частый осмотр заболевшей области тела врачем и матерью (при чем во время этих осмотров мальчика или выпроваживали из комнаты, или заставляли отвертываться) все время поддерживал его любопытство, давая ему новую пищу и углубляя тем самым впечатление, которое производило на него это само по себе несерьезное заболевание.

Сходным образом подействовало на него и то заболевание, от которого умерла его мать. Это была гангрена нижней конечности, за которой все время следили и врач и отец, постоянно обсуждая и оценивая положение больной. Мальчик живо интересовался всеми подробностями, при чем совершенно не беспокоился за жизнь матери; у него не было ясного понимания угрожающей опасности и после того, как врач констатировал, что гангрена захватила уже все бедро, что «жизнь ее висит на волоске». Мальчик слышал эти слова врача. Фразу эту он слышал впервые и был скорее склонен понять ее в буквальном смысле: мысль о том, что жизнь матери, т.-е. как бы сама мать, висит на волоске, представлялось ему какой-то абсурдной; он мог представить себе, что волосы висят на человеке, но не наоборот. Мы, может быть, уже начинаем понимать, о каких волосах думал мальчик; развитие гангрены обусловило направление его фантазий, и так как уже вся конечность подверглась

некротизации (ребенок услышал слово «омертвела»), то у него не оставалось больше никаких сомнений о том месте, где начинается живое, начинается жизнь, которая по буквальному смыслу слов врача висит на одном единственном волоске; это было, конечно, то самое место, где, как он в свое время с изумлением заметил, были волосы.

Вернемся, однако, к началу нашего анализа. От щетинки, ставшей словно залогом возвращения матери, вел целый ассоциативный ряд к волосам на лобке. Знаменательно, что здесь выдвигается переходное представление об обнаженной женщине с резко торчащими волосами на лобке (щетинка!); то обстоятельство, что эта женщина похожа частью на мать, частью на порнографическую картинку, показывает, что мысль о матери связывалась у него с эротическими представлениями; особенный же акцент на «волосах на лобке» свидетельствует, кроме того, какая деталь вызывала его главнейший интерес. Сексуальные желания мальчика ограничивались, соответственно его возрасту, сексуальным любопытством и влечением к разглядыванию («S c h a u l u s t»),—такое количество сексуальной активности нетрудно допустить у 10-летнего мальчика. И если наши чувства протестуют против того, что сексуальным объектом мальчик избрал при этом свою собственную мать, то наше отношение к этому вполне совпадает и с собственным отношением самого мальчика: он сам чувствовал непристойность этой мысли, ее инцестуозность, и не допустил этой мысли до сознания. Но аффект, связанный с этим представлением, продолжал свое существование все-таки и дальше, и вот при виде щетинки между двумя полосами обоев аффект оказался перенесенным на эту щетинку, которая с этого момента стала представлять для него волосы на лобке матери. Как ни мало сходства между этим суррогатом и первоначальным объектом, мы видим все-таки полный параллелизм в отношении мальчика и к тому и к другому объекту. В «своеобразной жажде прикосновения, смешанной с робостью», с которыми относился мальчик к щетинке, мы узнаем то же первоначальное сексуальное любопытство. Теперь нам понятно, почему он так берег щетинку, и откуда появилась мысль, что осуществление его грез и желаний зависит от целости и сохранности щетинки; он не мог, он не смел дотронуться до щетинки, которая играла для него роль волоса на лобке матери; он не мог решиться на это прикосновение, так

как должен был испытывать страх, что он лишится любви своей матери, лишится, если слишком далеко зайдет в своем сексуальном любопытстве, возможности восстановить прежние близкие отношения с нею, о чем он мечтал. Поэтому для него щетинка превратилась в тот волосок, на котором висела жизнь его матери.

Этот небольшой анализ объясняет нам, каким образом могла иметь такое глубокое значение для мальчика ничтожная щетинка, и почему она так долго сохраняла такое значение.

АНАЛИЗ СЛУЧАЯ ДЕТСКОГО НЕВРОЗА НАВЯЗЧИВОСТИ.

Евгения Сокольницкая, Варшава.

В апреле 1919 г. один врач направил ко мне для анализа мальчика $10^1/_2$ лет. Ребенок для своего возраста был мал ростом и очень худ; он страдал разнообразными навязчивыми состояниями. У него наблюдался страх прикосновения к самым различным предметам, так что матери приходилось и кормить и одевать его. Если кто-нибудь касался рукой какого-нибудь предмета, а в особенности если это делала мать, то соответствующий предмет необходимо было положить на прежнее место, потом это действие нужно было повторить другой рукой, а затем и обеими руками. Особенную же чувствительность он проявлял, когда какой-нибудь предмет клали рядом с другим. Сам он решительно избегал дотрогиваться до чего-либо; если случайно это все-таки происходило, то мать должна была совершить весь указанный церемониал. В силу этого всякий поступок был связан с таким большим числом церемоний, что на него часто требовалось несколько часов. Мать обратилась ко мне с просьбой перенести прием на послеобеденное время, так как к $12^1/_2$ часам, как у нас сперва было условлено, она не поспевала справляться с одеванием ребенка. Ребенок положительно голодал, каждый кусок во время еды он должен был неоднократно выплевывать на руку матери, так как ему казалось, что он «неправильно» введен в рот. Перед едой он должен был занять особое положение, равно как и мать; если одна нога несколько выдвигалась вперед, то требовался особый церемониал, чтобы ноги оказались в точности на одной линии. Если что-нибудь происходило вопреки его навязчивым стремлениям, он прямо-таки корчился от боли. При этом у него очень часто расстраивалось сознание, он приходил в озлобление, бросался на мать, рвал на ней платье, с макси-

мальной возможной для него силой вывертывал ей руки, часто даже кусал ее (когда она пришла ко мне в первый раз, у нее на щеке был заметен рубец от укуса); после этого он начинал судорожно плакать и бессильно опускался в кресло. На основании этих расстройств сознания один из виднейших варшавских невропатологов поставил диагноз эпилепсии.

Когда после подобного приступа мальчику рассказывали, что он позволял себе по отношению к матери, он плакал и просил прощения. Вне этих приступов расстройства сознания он был всегда милым и очень послушным мальчиком, пожалуй, даже слишком послушным. Кроме навязчивых состояний у него постоянно очень сильно болела голова, и он жаловался, что у него в груди лежит камень, и он чувствует трение этого камня. Камень этот беспокоил его, он должен был постоянно передергиваться и вообще не имел ни минуты покоя. До заболевания мальчик учился в Минске в гимназии, при чем и успехи и способности были хорошими. В настоящее время у него наблюдалась резкая заторможенность мышления, при чем степень этой заторможенности с трудом поддается описанию; по большей части он вообще не в состоянии был думать,—этому мешала головная боль. Заболевание началось еще во время пребывания семьи в Минске в условиях революционного времени. Населению в те времена, в особенности же еврейскому, пришлось испытать большие потрясения, коснувшиеся и семьи нашего пациента. Его дед уехал еще до вступления красных, впоследствии он был заочно приговорен к уплате штрафа в сто тысяч рублей; чтобы избежать преследования, и отец мальчика решил последовать примеру деда и бежал из города. Бабка была арестована, однако, вскоре ее отпустили на свободу. Семье пришлось пережить целый ряд обысков; короче говоря, постоянно приходилось дрожать за свою жизнь; все это крайне потрясло впечатлительного ребенка.

Начальные проявления болезни, по словам матери, были следующие: идя по улице, он стал беспрестанно останавливаться, поднимал сперва одну, потом другую ногу и осматривал свои подошвы. (И после того, как было приступлено к анализу, все время продолжали возникать все новые навязчивые поступки. Не знаю, были ли это преходящие симптомы или же мать вначале забыла упомянуть о них в своем рассказе.) И сам ребенок и мать превратились в мучеников его болезни.

Мать должна была повторять за ним все его навязчивые церемонии, т.-е. проделывать с ним в сущности всю его болезнь, так что он совершенно завладел ею. Изменилось и его отношение к отцу, это бросалось родителям в глаза. До сих пор он был вполне хорош с отцом, и отец любил его, но после начала болезни он не давал отцу целовать себя, отказывался выходить с ним из дому, не хотел даже оставаться дома наедине с отцом. Напротив, мать он не отпускал от себя совсем.

Лечение, курс которого занял шесть недель, не представляло собой психоанализа в строгом смысле этого слова. Сновидений у пациента было очень мало, в первые недели их не было даже совсем, в дальнейшем изредка, при чем сновидения носили характер отрывочный; за все шесть недель мне пришлось всего несколько раз услышать рассказ о сновидениях оформленных, о каковых в других случаях слышишь регулярно. Надо сказать, что на первых порах все мои усилия были направлены исключительно на то, чтобы как-нибудь преодолеть в высшей степени замкнутый тяжелый характер и заторможенность мышления мальчика, надо же было добиться хоть какого-нибудь контакта с ним. Итак, воздействие с моей стороны было частью аналитическим, частью воспитательным; последнее, правда, основывалось на психоаналитическом понимании.

В его навязчивых действиях мне бросились в глаза прежде всего две следующие детали: во-первых, его почему-то крайне раздражало, если один какой-нибудь предмет клали на другой, а если какой-нибудь предмет надо было передвинуть с одного места на другое, то почему-то было необходимо, чтобы пространство перед передвигаемым предметом было совершенно очищено от всего постороннего. И, во-вторых, за все, что ему приходилось брать в руки, надо было сразу браться обеими руками, а если случайно это делалось только одной рукой, то требовался целый церемониал для исправления подобного движения. Я предложила ему сказать мне все, что ему придет в голову по поводу этого; спросила также, не знает ли он сам, как возникли у него эти странные навязчивые состояния. Тогда он рассказал, что как-то, еще до заболевания, он вздумал было вылезть через окно на галлерею, которая шла вокруг дома; нянька его сестры (сестра 4 годами моложе его) сказала ему, что этого нельзя делать, что, если он сделает это, бог его накажет и он перестанет расти. Но он все-таки сделал это.

«Но как же обстоит дело с перекладыванием предметов через какое-нибудь препятствие?»

«Если сделать так, то этот предмет не будет расти, а рука, которая это сделала, станет короче. Поэтому необходимо положить предмет обратно той же самой рукой, потом снова переложить его туда и обратно другой рукой, и только после этого можно сделать что требуется обеими руками, и тогда будет все обстоять благополучно».

«Неужели ты думаешь, что предметы растут?»

«Нет, теперь я этого больше не думаю, но было время, когда я так думал».

(Тут мне стало ясно, что суть дела сводилась к нарушению запрета и к предупреждению грозившей за это божьей кары. Вскоре я узнала, что мальчик непоколебимо верил в божье всемогущество и считал, что болезнь его целиком зависит от божьей воли, равно как и выздоровление, и что я совершенно бессильна помочь ему.)

«Ну ладно, но для чего же ты заставляешь и мать делать то же самое; она-то ведь не ростет больше?»

Не помню в точности, что он ответил, однако, несомненно, что и в данном случае дело сводилось к предупреждению заболевания, на этот раз не у него, а у матери. Вскоре после начала лечения, примерно через неделю, я встретила неожиданное препятствие: у мальчика оказался секрет, выдать который он считал совершенно невозможным, это было настоящее «табу». Он подчеркивал при этом, что, если хоть один человек узнает, в чем дело, то весь секрет пропадет, и тогда это может стать известным всем и каждому. Маме своей он обычно говорит все, но об этом и ей ничего не должно быть известно. Он вообще не смеет говорить на эту тему, должен молчать и о причинах, по которым это необходимо от всех скрывать; должен молчать, даже если от этого зависело бы его здоровье. В течение нескольких дней я всячески, и прямо и косвенно, пыталась узнать, в чем дело, но все мои усилия были безуспешны. Тогда я решила оставить пока в покое этот вопрос и направила свое внимание по другому направлению. До сих пор мы ни словом не касались сексуальных тем; никаких вопросов в этом направлении не последовало даже после того, как я заверила его, что он может спрашивать меня о чем угодно и получит ответ на любой вопрос. Теперь мне пришло в голову, что может быть следует выбрать как раз

этот путь, чтобы как-нибудь добраться до его тайны. Как-то вскоре после этого мальчик упомянул, между прочим, о том, что служанка их вышла замуж и ушла от них. — «Что это значит: «вышла замуж»? Ты понимаешь это?» — «Мне это знать нельзя, я слишком еще мал для этого». — «Кто внушил тебе такую мысль?» — «Я и сам это знаю». — После этого я разъяснила ему, насколько неправилен подобный взгляд; а, кроме того, в нем ведь есть уже какое-то частичное знание, но знание несомненно ошибочное. Такими неверными представлениями люди иногда сами портят и уродуют некоторые вещи, а сами по себе вещи эти совсем не безобразны, да и не могут быть таковыми, ибо в природе ничто не безобразно. Такого рода границы, которые он теперь сам ставит своему познанию, в дальнейшем распространятся для него на весь мир в целом, на всю совокупность его знаний; поэтому он и не в состоянии учиться, и так как он силится не думать, то у него и болит от этого так сильно голова. Я предложила ему сделать эту некрасивую тему предметом естественно-научных собеседований: надо же и ему знать то, что уже давно известно другим детям его возраста.

Наши сексуально-просветительные беседы длились несколько дней, при чем начала я их с оплодотворения растений (цветов) и старалась вести дело так, чтобы соответствующие выводы мальчик делал сам. Потом я незаметно вернулась к его тайне и сказала, что я готова помочь ему, насколько это в моих силах, но что теперь я не знаю, что еще может его мучить; это, конечно, секрет, потому что должны быть какие-то причины, заставляющие его скрывать это; теперь он сам должен помочь мне и дать мне возможность помогать ему и впредь (он уже начал чувствовать значительное облегчение); он должен, следовательно, доверить мне «тайну». Я просила его дать мне обещание рассказать на другой день, в чем дело; он не хотел давать обещания: его честность и правдивость запрещали ему давать обещание, когда у него не было полной уверенности, что он сможет сдержать слово; мы остановились на том, что он обдумает, как ему быть, до завтра. В конце концов он сообщил мне свой секрет, состоявший в следующем: в Минске у него был сотоварищ, звали его Моней, Моня этот рассказал ему, что у него есть вооруженный автомобиль для защиты от красных. В этом автомобиле имелось все необходимое для отражения врага и для прохода через границу. Между автомобилем и квартирой Мони был проведен электри-

ческий звонок, так что в случае опасности автомобиль мог быть тотчас же подан. Настоящий сказочный ковер-самолет, видоизмененный, конечно, в согласии с новейшими техническими усовершенствованиями. С помощью этого автомобиля Моня собирался спасти от красных свою семью, а также и семью нашего маленького пациента.

Итак, в секрете не было ничего сексуального, это был, напротив, секрет чародея и никто не должен был знать о нем, чтобы он не потерял своей силы. Сотоварищ при этом оказывается сильнее его,—он великий чародей. Я должна отметить, что слово «чародей» произвело магическое действие на моего пациента. Он был от него в восторге, точно он давно ждал этого слова. При толковании сновидений, которым он ревностно занялся в дальнейшем вместе со мною, он всегда с радостью констатировал, что он чародей,—как только представлялся подходящий случай.

С этих пор имя Мони постоянно всплывало в наших беседах. Моня знал многое, чего не знали другие, он (на свой лад) посвятил его и в тайну полового вопроса: так наш мальчик узнал от него, что дети рождаются на свет вследствие того, что «мужчина ложится на женщину».

Моня был гораздо сильнее его физически, был дерзок и непослушен по отношению к своим родителям, которые часто ругали и даже били его; итак, и в этих отношениях превосходство было на стороне Мони, а не на стороне нашего пациента, всегда застенчивого, очень послушного, крайне избалованного родителями; однако наступил момент, когда и нашему мальчику захотелось быть дерзким и непослушным, однако, для него это оказалось возможным только в состоянии расстроенного сознания. Фантазию нашего мальчика Моня разжег в садическом направлении: он рассказывал ему известнейшие уголовные романы,—он был в них крайне начитан,—рассказывал об ужасных хирургических операциях, производимых с помощью огромных, снабженных пружинами, ножей. После наших бесед на сексуальные темы мальчик часто расспрашивал меня об операции наложения щипцов и т. п. При этом он сказал однажды: «у меня есть знакомый господин, который всегда держит голову кверху, «будто смотрит на небо», не потому ли это, что его вынули с помощью щипцов, когда он родился?»

Теперь я попытаюсь дать описание того, как в течении шестинедельного курса лечения постепенно исчезли все симптомы.

Дело шло таким образом, что один симптом сменялся другим, при чем все время возникали новые симптомы. Многие из них представляли упрощение исчезнувших. Так, напр., если ему случалось задеть что-нибудь из мебели, то надо было обязательно коснуться предмета и другой стороной тела. Или: когда, идя с матерью по улице, он задевал ногой ее ботинок, он тотчас же переходил на другую сторону и делал там то же самое. Некоторое время он производил обеими руками особые движения около носа; мать рассказала, что такие же движения делал один, всем известный в Минске, душевно-больной; в одном из сновидений мальчика мы также встречаемся с этим больным.

Одно время он никого не допускал к постели матери, вместе с которой он спал, так как кровать стояла у стены; если же кто-нибудь делал это, то он перелезал поперек через кровать. И наконец, его разговор принял такой характер, что вслед за каждым утверждением тотчас же шло отрицание: дай мне чаю, не давай мне чаю; я хочу, я не хочу; я понимаю, я не понимаю, и т. д.

К сожалению, у меня очень немного заметок, относящихся к этому случаю; первые записи я сделала через месяц после начала лечения по поводу одного сновидения. Сколько помнится, у него до этой поры было мало сновидений, при чем их анализ происходил с трудом. В общем за все время удалось отметить только три сновидения. Мне приходится, следовательно, опираться не столько на психоаналитический материал, сколько на общие впечатления и воспоминания, на примененные мною педагогические приемы. Вскоре после того разговора, в котором он раскрыл происхождение симптома перекладывания предметов, этот симптом исчез. Тогда же я попыталась объяснить ему, какое значение имеет тот камень в груди, трение которого он ощущает; это его совесть неспокойна, это переживание как бы образно изображает поговорку: «камень лежит на сердце». И этот симптом исчез довольно быстро. От расстройств сознания мне удалось отучить его лишь в дальнейшем течении лечения, при чем произошло это следующим образом: я скоро подметила, что эти состояния были очень поверхностными и играли роль единственного пути, на котором можно было действовать вопреки запрещениям родителей (то же самое делалось, конечно, и с помощью симптомов, но это был более сложный путь): это было просто-напросто скверное поведение, прикрытое потерей сознания, это была его месть матери, «позволившей себе» рожать детей вместе с отцом. Я обра-

тила его внимание на странность того обстоятельства, что мальчик он хороший, ведет себя всегда, как следует, а стоит ему потерять сознание, как начинаются такие поступки, которые у других детей обычно являются просто-напросто скверным, дурным поведением: так, напр., он скрежещет зубами, кусает мать, рвет на ней платье и т. д. И вот в его присутствии я попросила мать рассказывать ему всякий раз после такого приступа обо всем, что он позволил себе в подобном состоянии, рассказывать, несмотря на его мольбы и слезы. А потом я сказала ему, шутя: «Будет гораздо лучше, если ты будешь плохо вести себя и злиться на маму, будучи в сознании, так вот не изволь терять сознания: обещаю тебе, что, когда поправишься, ты снова будешь хорошим мальчиком». Затем я старалась доказать ему, что эти состояния были почти целиком симуляцией. Однажды я даже нарочно вызвала у него такое состояние и, когда он был уже готов броситься на мать, крепко схватила его за обе руки и усадила в кресло. Как одержимый, он вскричал: «Мама, мама», я же не отпускала его рук и повторяла: «Ты без сознания, а зовешь маму; откуда же ты знаешь, что мамы сейчас нет около тебя?».

Когда я принималась шутить, щекотать ему нос, он оборонялся против этого. Наконец, когда мы стали совсем добрыми друзьями, и он действительно убедился, что я серьезно стремилась помочь ему поправиться и уже от многого его избавила, я потребовала от него жертвы. Я объяснила ему, что у него, собственно говоря, две болезни: одна болезнь настоящая, ее надо лечить, другая же кажущаяся, возникшая оттого, что родители во всем потакают своему больному мальчику, так как они боятся, что он будет плакать или потеряет сознание: желая предупредить возникновение таких состояний, они стали исполнять его неправильные желания.

Это вредно для него, этим путем он привыкает извлекать выгоду из своей болезни, привыкает считать себя в привилегированном положении. Опасность этой второй, ложной болезни в том, что она мешает освободиться от первой, с которой можно справиться только в том случае, если больной откажется от выгод и преимуществ, доставляемых ему болезнью. Можно создать себе гораздо бо́льшие наслаждения, построив их на здоровьи, а не на болезни, радости эти будут несравненно превышать то ничтожное удовольствие, которое приходится оплачивать столькими мучениями. Умный ребенок понял мои слова и поверил. И вот я сказала ему,

что ему самое лучшее сейчас же пойти к матери (она сидела в приемной и дожидалась) и самому попросить ее не исполнять его желаний, если отказ ведет к тому, что он теряет сознание, т.-е. приходит в ярость. «Таким образом, ты откажешься от привилегий болезни». Было трогательно наблюдать его борьбу с самим собой; наконец, он уступил. Вскоре после этого приступы расстройства сознания прекратились.

Одинаковым образом я отучила его и от навязчивых дуэтов с матерью. Вначале заболевания он лишь изредка принуждал мать участвовать в навязчивых церемониях, но постепенно это стало происходить все чаще и чаще.

Незадолго до окончания лечения я попросту запретила матери уступать ему в этом отношении, а ему сказала, что мать уступает ему только из боязни перечить ему и этим, как он уже знает, во многом только играет на руку его болезни. Свои навязчивые поступки он может совершать один, и мы сумеем с ними справиться, мать же я вовсе не собираюсь лечить, он должен оставить ее в покое. Моя решимость (в связи с проявленными мною к нему симпатией и интересом), столь отличная от попустительства родителей, одержала и на этот раз победу.

Я записала три сновидения и процитирую их, так как они характерны для заболевания.

Первое сновидение лишний раз подтверждает наши взгляды на знаменитую невинность детей и показывает, как дети все-таки, несмотря на все запреты, все подмечают и воспринимают. Вот это сновидение: «В детской колясочке сидели три девочки с белыми вуалями на головах. А какой-то господин отгонял мальчуганов». Во время анализа он добавил: «А коляска катилась сама».

Свободные ассоциации:

Одна из девочек была очень похожа на кельнершу ресторана, мимо которого он проходит по пути ко мне. Кельнерши же «пакостничают».

Однажды мама рассказала папе, что встретила на улице одного молодого человека в обществе трех девушек; это был сын одного знакомого, большой бездельник. «Эх, пакостник», сказал на это отец. Он понял, что папа хотел сказать этими словами: молодой человек делает «это» с тремя девушками.

Фату надевают во время венчания. В день вознесения, по пути ко мне, он видел маленькую девочку в белом платье и

с белой фатой (участвовавшую в процессии). На господина, который был с этой девочкой, походил тот человек, что отгонял во сне мальчишек.

За день до этого ему тоже снился сон про коляску: он просил мать купить такую коляску, он будет возить в ней на даче свою сестренку (которая четырьмя годами моложе его).

Он уверял, что у коляски, которую он видел во сне, было только три колеса, что существуют такие коляски: с двумя колесами сзади и только одним спереди.

Сновидение это довольно-таки прозрачно: от триады в детской коляске мы тотчас же отвлекаем два момента: 1. Это, конечно, три девушки, с которыми знался юный бездельник и «пакостник». 2. Все трое одеты в белый цвет, как и маленькая девочка, участвовавшая в процессии, как и невесты на свадьбе; это символизирует невинность. Мы видим, что имеем дело с насмешкой над невинностью. Центр сгущения — детская коляска, напоминающая ему маленькую сестренку, которая рождена матерью; мать — «пакостница» и приравнивается к кельнерше, которую он видит по дороге ко мне. Мы видим, что насмешка направлена на невинность матери, на тайну брачной ночи. Господин, похожий на того, что шел с девочкой на процессию, не кто иной, как тот, что знается с невинными «пакостничающими девочками», т.-е. его отец, удерживающий его от половых сношений с матерью, «отгоняющий мальчиков прочь». *Тема сновидения*: злоба на родителей, произведших на свет сестренку.

Такие детали, как «три колеса», движение коляски без посторонней помощи и (=онанизм?), остались нераскрытыми.

Второе сновидение (примерно дней за десять до окончания лечения) таково:

«Кто-то коснулся руки папы, и она совершенно съежилась и перестала действовать. Нет, это была не папина рука; чья-то другая; нет, все-таки, это был папа; не знаю, был ли это папа или кто-нибудь другой. Затем нас выстроили в ряд: меня, маму, папу и маленькую сестренку (описывает все это подробно), и какой-то мужчина дотронулся до моих рук, так что они тоже должны были ссохнуться и остаться неподвижными. Затем папа обратился к этому человеку и сказал по-еврейски: «Опять он здесь стоит». Тогда я закричал в страшном мучении: «Как я несчастен!» и упал в кресло». Он проснулся в таком страхе, что разбудил мать и не давал ей больше заснуть. Затем он прибавил:

«Мне кажется, что я еще о чем-то думал. Кто-то (может быть, это был дедушка) хотел обманным образом отнять у какого-то мужчины силу: газ, телефон, 100.000,—вот что это была за сила».

Еще во время анализа он неопределенно говорит следующее: «и вылечился папа во сне тоже через прикосновение».

Свободные ассоциации: он начинает с того, будто ему известно, что в этом сновидении он опять играл роль волшебника.

На человеке, коснувшемся его обеих рук, был такой же полушубок, какой ему хотелось иметь предстоящей зимой, а фуражка этого человека напоминала по своей форме гимназическую фуражку. Человек этот был, несомненно, он сам, так как однажды дедушка сказал в шутку: «такой большой мальчуган, как он, мог бы уже помогать своим родителям». Во сне, значит, он всерьез представлял себе, что он—взрослый. Человек этот походил также на приказчика, служившего у отца его товарища; приказчик этот был арестован, присужден к тюремному заключению на год, но освобожден до истечения этого срока. Красные, в отсутствии дедушки, наложили на него штраф в 100.000 руб. Потом они арестовали бабушку, но тотчас же выпустили ее на свободу. Папе пришлось бежать, иначе его стали бы преследовать за дедушку. Те же слова, что и в сновидении, папа произнес однажды по-еврейски по его адресу, обращаясь к маме: он как-то мешал отцу работать, становясь все время на такое место, что отец совершенно не мог писать.

В Минске была душевно-больная, бродившая по городу. Про нее говорили, что она трогает людей за руку или плюется, люди же эти потом делаются больными, — как он и его отец, в сновидении. Он всегда очень боялся этой помешанной, а другие дети дразнили ее.

«Какой я несчастный» — это он часто повторял за последнее время, мучаясь от своей болезни. В сновидении он был не в силах произнести эти слова, как следует; совсем как тот немой, которого он видел в Минске: немой кричал и все-таки не мог ничего произнести.

Того, к кому прикоснулся папа, он не видел. Напротив, он знает, как вылечился папа; тоже благодаря прикосновению. Когда дети приехали вместе с матерью из Минска, отец очень опечалился, узнав о его болезни; теперь же, когда ему стало лучше, и папа стал радостнее.

Сон этот я истолковала пациенту лишь в самых общих чертах. Совершающий волшебство — он сам, как он и сам догадался. Но каким способом? И что это за волшебство? «Кто-то», «человек», как он сам в этом убедился на свободных ассоциациях, это—он сам. Он выполняет два действия под видом этого «человека», этого «некто». Во-первых, он заколдовывает отца, и в то же время заставляет его быть больным; в этой роли он сам выступает в качестве взрослого. Отца и деда он также отожествляет, так как красные угрожали и тому и другому.

Во-вторых он заколдовывает сам себя (это представлено в сновидении в почти неискаженном виде), он сам тот скверный мальчик, что нарочно сердит отца, мешая ему писать. В роли своей он чувствует свое превосходство над отцом; как он мне объяснил, от него-зависит здоровье отца и в действительности. Затем он знает заклинательные церемонии (он проделывал их в течении своей болезни), а отец их не умеет производить. Выходит так, будто он питает злобу на отца, будто и болезнь его, между прочим, для того, чтобы мучить отца. Но откуда же эта злоба, почему он так зол на отца, если из них двоих он—сильнейший? Дело в том, что во сне реальные соотношения предстали в обратном виде: в действительности сильным был папа, он был великим волшебником, обладавшим таинственной, уже известной нам, половой силой (в penis). Именно это, как мы тоже знаем, и вызвало в сыне злобу. В моих кратких заметках нет указаний, был ли у нас в этот момент разговор об онанизме, но очень вероятно, что мы говорили об этом, так как в продолжение лечения выяснилось, что незадолго до болезни, еще в Минске, он в течении короткого времени онанировал, однако, оставил это после угроз матери, что от этого можно захворать. Сколько помнится, это был уже второй период онанизма: первый период он проделал совсем еще маленьким ребенком, приблизительно лет четырех; мать сказала ему тогда, что руки необходимо всегда держать поверх одеяла. Этот сон давал удобный повод для разговора о кастрационном комплексе, однако, я совершенно не припоминаю, объяснила ли я ему значение страха кастрации, и достаточно ли ясно объяснила; это доказывает, что мы вообще немного говорили на эту тему. То же обращение он проделывает в сновидении и с дедом, который хочет обманным образом отнять у «кого-то» большую силу (газ, телефон, 100.000); на самом деле он сам хотел когда-то лишить этой силы могущественных взрослых. Ведь

100.000 рублей принадлежали не ему, а дедушке. Но то, что ему удалось заполучить обманным образом, весьма подозрительно. Подлинной сексуальной силой обладают только взрослые; а его волшебство (онанизм), возникшее из жажды мести, из злых желаний по адресу отца и деда, его же самого сделало несчастным, мешало ему, как тому помешанному, и сделало его больным, как того немого.

Во время толкования этого сновидения, а особенно его второй части, мальчик сильно волновался, почти все время был точно в полусознании, беспрестанно повторял: «да—нет»; говорил, что хочет скорее попасть домой на дачу; спрашивал, скоро ли я его отпущу и т. д.

Сновидение это весьма характерно для навязчивых действий нашего пациента, поэтому для разъяснения его я добавлю некоторые замечания. Здесь мы имеем дело прежде всего с боязнью кастрации. Возможно, что угрозу кастрацией он слышал и от отца и от деда, так как до войны они жили в Минске вместе, но возможно, что только от одного отца,—в таком случае фрагмент с дедом, желающим лишить его силы, представляет собой только необходимое уже в начале сновидения указание на то, почему он сам хочет заколдовать отца, т.-е. сделать его больным. При этом, однако, проделывается смещение: «может быть, это—дедушка». А дальше мы видим, что он во всем превосходит своего отца: он изобретает волшебство, при котором он все делает сам (онанизм), а затем и церемониал, уничтожающий паралич рук. А если у него будет кастрирован penis, то он получит взамен два новых. (В сновидении он заколдовывает отцу только одну руку, себе же обе. Рука же только символ penis'а.)

И вот во всех своих навязчивых церемониях он всюду оперирует тем же количеством: обеими руками, а затем обеими сторонами тела [1]). Повидимому, в первом сне повторяются те же детали: одно колесо, два колеса, коляска катится сама.

Возникает еще вопрос: каково происхождение сильного ночного страха, после которого он не в состоянии заснуть и заставляет будить мать? Не связан ли он с материалом, находящимся в глубинах бессознательного? Нет, этот страх обусловлен тем, что в нем почти созрело знание, прокладывающее себе доступ

---

[1]) Аналогия с теми симметричными навязчивыми действиями, о которых сообщил *д-р Ференци*.

в сознание через сновидение: знание это касается самого механизма заболевания. Все это было не подлинное волшебство, а неудавшийся обман, который сделал его несчастным.

Два дня спустя ему снится: папу взяли в Минске на военную службу, но он получил отпуск на четыре месяца. И он и мама все время бегали вверх и вниз по лестницам. В той же комнате, где производился осмотр мужчин, выстроили и ряд женщин.

Свободные ассоциации: отец призван в Минске на военную службу, но получил отпуск из-за хронического насморка.

В русской армии отпуск дается самое большее на 3 месяца, но он подумал: может быть, дадут еще один, четвертый месяц.

Женщины, выстроенные в ряд—это жены и матери, ожидающие мужей и сыновей, подвергающихся телесному осмотру.

Толкование: Я объяснила ему, что означает четырехмесячный отпуск; так как отпуск можно получить максимум на три месяца, то на четвертый месяц папа был бы уже на фронте. Ну, а что происходит на полях сражений? Более или менее ясно он отвечает мне, что на поле сражения можно быть убитым. Кроме того, среди женщин, поджидавших своих мужей, не было мамы: она бегала вместе с ним вверх и вниз по лестнице. Здесь я объяснила ему символическое значение «восхождения по лестнице». Он ничего не возражал, а мгновение спустя начал рассказывать мне разные истории про сыщиков, рассказанные ему столь начитанным в этой области Моней: о Шерлоке Холмсе, Арсене Люпене и Пинкертоне; о том большом впечатлении, какое произвели на него эти расказы; о том, как мать Мони выругала своего сына за эти расказы; как Моня сшил для них обоих такие же бархатные маски, какие носили бандиты в одной из этих историй.

На другой день мать сообщила мне, что мальчик весь день страшно нервничал и жаловался на меня, что я хотела убедить его, будто он хочет убить своего отца, или будто он хочет, чтобы отца убили. При этом он добавил энергичным тоном: «Я никогда не дам убедить себя, что у меня такие мысли» (это было сказано уже при мне). Так, оказывается, он сам сделал выводы, которые мною были только намечены.

Как уже сказано, в течение лечения появлялись все новые и новые навязчивые действия, при чем эти новые действия появлялись взамен прежних, котòрые исчезали. Не знаю, были ли это нестойкие симптомы свежего происхождения или они только репродуцировались, но они во всяком случае были определенно

очень характерны для разных этапов лечения. Они становились все проще и проще, да и вообще-то они только по видимости казались сложными, а по сути дела все они сводились к некоторому единству. Их исходной точкой было нарушение запрета (вылезание в окно вместо выхода в дверь [1]). В последнем счете онанизм). Общим для всех навязчивых действий являлось следующее: I. Прикосновение; заклинание, разрешавшее нарушить запрет (= онанизм, в качестве суррогата половых сношений). II. Церемониал; обратное заклинание, снятие чар, в предупреждение последствий прикосновения (=кастрация и заболевание вследствие онанизма).

Любопытно, что последним проявлением навязчивости было постоянное отрицание всего сказанного (хочу, не хочу; стол, не стол и т. д.). Повидимому, это было последней степенью упрощения; ядром самой амбивалентности. За несколько дней до окончания лечения, т.-е. перед его отъездом на дачу, я попросила его объяснить мне, почему он добавляет это отрицание после каждого слова. Он ответил: «Допустим, мама забыла налить мне чаю, я прошу ее тогда: мама, дай мне чаю; а затем я добавляю: не давай мне чаю. И выходит так, будто я ничего не сказал, а мама все-таки знает, что надо налить мне чаю». Ну, разве не чудесный это пример для психологии возникновения его навязчивых действий.

Накануне отъезда, после крайне трогательного прощания, я попросила его обещать мне, что на даче он будет одеваться самостоятельно, т.-е. дотрогиваться до всего сам. Обещания, однако, он не дал,—у этого маленького homme d'honneur такое обещание равнялось бы честному слову,—сказал только, что постарается исполнить это мое желание.

Старания эти увенчались полным успехом, о чем мне сообщила мать, навестившая меня спустя несколько недель. Она сказала так же, что я пользуюсь у мальчика огромным авторитетом: ссылками на мое имя, по ее словам, можно от него добиться чего угодно; успех этот я приписываю тому, что мне удалось расшифровать его систему так, что он нисколько не почувствовал себя пристыженным. Мой пациент, по словам матери, чувствовал себя хорошо. От перенесенной болезни остались лишь следы, дававшие по временам чувствовать себя, но и только. Он, по

[1]) *Д-р Ж. Рогейм* (Geza Roheim) указал мне, что в фольклоре это действие, а равно как и перешагивание через чье-нибудь тело, представляет собой обычный символ сношения.

большей части, очень весел, становится все бо́льшим сорванцом, выглядит превосходно. Через несколько недель мать снова приехала ко мне, на этот раз вместе с мальчиком, но я была в отъезде по случаю летних каникул. Они сделали визит тому врачу, который их ко мне направил: он нашел мальчика в хорошем состоянии. После летних каникул лечение должно было продолжаться. я и теперь далеко не уверена в том, что выздоровление—стойкое и полное. Однако я больше его не видела, и это определенно говорит за то, что он чувствует себя, вероятно, недурно, так как в противном случае родители испугались бы и настояли на продолжении анализа.

Я не раз задавала себе вопрос: как объяснить, что столь, казалось бы, тяжелое состояние прошло так быстро? И я пришла к такому заключению: несмотря на сильное конституциональное предрасположение, болезнь (невроз навязчивости) еще не успела развиться в систему с глубокими корнями: во-первых, потому что пациент слишком еще молод, а во-вторых, по той причине, что болезнь была быстро захвачена, и лечение началось через полгода после начала заболевания. Все прочее, что, за вычетом симптомов навязчивости, входило в картину болезни, было просто-напросто скверным поведением, трусливо прикрывавшимся истерическим компонентом, который, как известно, почти всегда в большей или меньшей степени примешан к неврозу навязчивости.

Успехом я обязана не столько методическому анализу, сколько педагогически-психологическому вмешательству, при чем, конечно, мне очень помогла моя аналитическая искушенность; успех этот привел меня к пониманию тех средств, с помощью которых достигают параллельных успехов другие психотерапевты, не применяющие психоанализа.

Не подлежит сомнению, что главным средством всякой психотерапии и педагогики всегда являлось перенесение, даже если оно применялось врачами и педагогами без системы и бессознательно. Психоанализ стал систематически пользоваться перенесением, а также и методом свободных ассоциаций, и создал возможность осознания того, что было вытеснено. Если к этим лечебным приемам мы прибавим педагогическую борьбу с вторичным извлечением из болезни выгод, то этим мы не только обогатим арсенал психоаналитической терапии, но и используем в наших целях все, что есть ценного в других психотерапевтических методах.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Ц 1. р. 25 к.